Е57—
702

ПЯТИЛЕТКА

РАБОЧАЯ КНИГА ПО ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ШКОЛ ВЗРОСЛЫХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
С. И. КАНАТЧИКОВА

ПОД МЕТОДИЧЕСКОЙ РЕДАКЦИЕЙ
В. П. КАРЯКИНА и М. П. ЯКУБОВИЧ

1931
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

9mi / 190 bg

А. И. ИОНИН, С. Н. КОЛОСОВ,
В. Е. ЛАВРОВА, Е. Н. МАХОВЕР, В. Н. ПОПОВ

Е 57 / 702

Н 75
891.7
П 99

ПЯТИЛЕТКА

РАБОЧАЯ КНИГА ПО ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ШКОЛ ВЗРОСЛЫХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ С. И. КАНАТЧИКОВА

ПОД МЕТОДИЧЕСКОЙ РЕДАКЦИЕЙ В. П. КАРЯКИНА
и М. П. ЯКУБОВИЧ

4990б.

БИБЛИОТЕКА

[ГОС]УДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1931

Н

Госуд. публичная историческая
библиотека РСФСР
№24416 1973 г.

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ ТИПОГР.
Гиза. Москва, Валовая, 28.
Главл. А-83589. У. 51. Гиз 43112.
Заказ 2496. Тираж 50 000. 15 п. л.
Февр. 1931

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Отставание художественной литературы от жизни было неоднократно констатировано всеми компетентными организациями нашей писательской общественности. Не в меньшей степени это относится к учебнопедагогической литературе. Книги для чтения, учебные пособия нередко отстают от нашей быстро текущей и меняющейся действительности.

А между тем воспитание подрастающего поколения, новых кадров для нашей промышленности, сельского хозяйства, вселение в них бодрости, уверенности в нашей победе, создание атмосферы самоотверженной борьбы за социалистическое строительство, — без этого рода литературы обойтись невозможно.

В 1931/32 году по пятилетнему плану будет окончательно ликвидирована неграмотность населения нашей страны. К культуре приобщится многомиллионная масса населения. В этом приобщении к культуре, в переделке нашего крестьянина — мелкого собственника, индивидуалиста — в рабочего на земле, на фабрике и заводе, в коллективиста-общественника, строителя социализма, — художественная литература будет играть огромную роль.

Для победы нового общественного строя самым главным и важным является высокая производительность труда.

«Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве, — писал т. Ленин. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда».

Практика социалистического соревнования, ударничество, принявшие за последнее время широкое распространение, как нельзя более подтверждают сказанное т. Лениным. Эта практика утвердилась не только на заводах, фабриках, копях, но все больше охватывает и сельское хозяйство, вытесняя из повседневного обихода старые капиталистические навыки — конкуренцию, борьбу всех против всех.

Ударные бригады, созданные в целях поднятия производительности труда на фабриках и заводах, в колхозах, стремятся также быть передовыми в быту и в культурной работе.

«Когда на тебя смотрит весь цех, когда тебя подталкивают соревнующиеся товарищи — пишет корреспондент «Правды» — трудно ничачать. В атмосфере товарищеского контроля, рвач потерял ный вес, лишился точки опоры и всплыл как пробка».

ет никакого сомнения, что картины великого творческого ма масс гораздо более достойны отображения художествен-

ным словом, чем мелкие ничтожные переживания замкнутых в себе, изолированных от мира существ — героев буржуазного общества.

Строя нашу промышленность, мы ни на минуту не забываем, что мы — страна с многомиллионным крестьянским населением, с отсталой земледельческой техникой, и до тех пор, пока под мелкое раздробленное крестьянское хозяйство мы не подведем техническую базу крупной промышленности, мы не можем быть уверенными, что у нас снова не возродится капитализм. Ликвидация кулачества как класса на основе проведения коллективизации расчистит нам путь перестройки деревни на новых основаниях.

Внедрение машинной техники в области сельскохозяйственного производства естественно повлечет за собой и переделку всего крестьянского, сложившегося веками патриархального уклада с его неподвижной косной техникой. Даже сейчас, когда мы находимся при начале коллективизации, уже начинается приспособление бытового уклада к условиям нового производства: строятся новые общественные скотные дворы, зернохранилища, сеновалы, организуются общественные хлебопекарни, общие столовые и т. п.

Для обслуживания сельского хозяйства и руководства коллективизацией советское правительство перебрасывает огромное количество агрономов, техников, инженеров и, главным образом, высококвалифицированных рабочих с фабрик и заводов для обслуживания тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Этих руководящих пролетарских кадров будет далеко недостаточно, создаются новые кадры сельскохозяйственных рабочих из местных бедняцких и батрацких слоев крестьянства, которые, пройдя ускоренное обучение, быстро сами превратятся в квалифицированных рабочих.

В реконструктивный период преобразования деревни происходит смычка пролетариата с крестьянством не только на основе товарообмена, а на более прочной основе — на базе машинной техники. Рабочие больших промышленных центров вместе с образовавшимся сельскохозяйственным пролетариатом на местах явятся той силой, которая поведет за собой середняцкие слои крестьянства по социалистическому пути, и будут стирать границы, отделяющие город от деревни.

Все эти мероприятия, естественно, вызывают бешеное сопротивление кулацких слоев крестьянства. Кипит ожесточенная классовая борьба, которая ежедневно уносит передовых бойцов на фронте преобразования деревни — как пришельцев из промышленных центров, так и местных работников.

Успешное проведение пятилетнего плана встречает яростное сопротивление как со стороны империалистических акул стран капитализма, так и их агентов — всевозможных вредительских организаций — внутри нашей страны, пытающихся всеми средствами сорвать выполнение пятилетки в четыре года — замедлить наше социалистическое строительство, понизить обороноспособность и сопротивляемость СССР готовящимся на него нападениям империалистических хищников.

В лице право- и «лево» оппортунистических элементов, испугавшихся трудностей социалистического строительства, агенты капитала,

вредительские контрреволюционные организации пытаются найти себе точку опоры в нашей стране и сомкнуться с этими элементами.

Великая и почетная задача нашего советского искусства в период социалистического строительства состоит в том, чтобы воспевать, описывать, отображать, внушать любовь, симпатию ко всему новому, жизнеспособному, здоровому и, — с другой стороны, — создавать атмосферу презрения, ненависти вокруг того, что обречено ходом исторического развития на гибель и что мешает, препятствует приближению идеалов рабочего класса, осуществляющего ныне свою диктатуру. Мы отлично понимаем, что когда «рождается новое — старое всегда остается в течение некоторого времени сильнее его». Но это старое всем ходом развития все-таки обречено на гибель, на отмирание.

Задачей настоящего учебника является ускорить отмирание старых отживших форм жизни и приблизить осуществление идеалов класса пролетариев. Если эта задача хотя бы отчасти будет выполнена этим учебником, мы будем считать себя удовлетворенными.

С. Канатчиков.

20 ноября 1930 года.

ОТ МЕТОДРЕДАКТОРОВ.

ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

Эта книга рассчитана на взрослых учащихся, уже умеющих достаточно удовлетворительно читать и писать. Товарищи, занимающиеся самообразованием, также могут с успехом использовать материал предлагаемого пособия для чтения, бесед, разбора отрывков и различного рода проработок (с целью развития речи).

Материал книги распределен по трем темам: «Пятилетка в промышленности», «Пятилетка в сельском хозяйстве» и «Пятилетка в культурном строительстве». Первая тема охватывает вопросы строительства СССР в области тяжелой промышленности (и транспорта), руководства со стороны партии, ударничества, соцсоревнования, рационализации производства, рабочей инициативы и изобретательства, борьбы с вредительством, подготовки технических и рабочих кадров и т. д. Вторая тема включает в себя вопросы коллективизации (и обострения в связи с нею классовой борьбы в деревне), машинизации, агрономизации и электрификации сельского хозяйства. В третью тему вошли вопросы ликвидации пережитков тяжелого прошлого нашей страны и вопросы строительства нового быта (домов-коммун, детплощадок, яслей, фабрик-кухонь, рабочих клубов и т. д.).

Заключительный отдел: «Зарубежная печать о нашей пятилетке» является приложением ко всем трем основным.

Литературному материалу каждой темы предпосланы вводные статьи, в которых истолковывается политическое содержание того или иного ряда литобразцов. И целые литобразцы и отрывки (из больших произведений) прорабатываются в вопросах и задачах.

В конце всех трех разделов книги помещены общие вопросы и задачи (по каждой теме в целом).

Работать по книге необходимо так. Сначала следует усвоить содержание вступительной беседы, чтобы знать, на что именно требуется обратить особое внимание при чтении произведения. Нужно добиваться того, чтобы прочитанный текст стал вполне понятен. Для этого придется просматривать объяснения трудных слов, помещенные под текстами произведений, а затем — самостоятельно разбираться в непонятных еще оборотах. Когда текст станет безусловно ясен, можно приступать к составлению ответов на вопросы и к выполнению задач. Переходить к следующему вопросу допустимо только тогда, когда вы дадите такой ответ (на разбираемый вопрос), который удовлетворит и вас самих и большинство ваших

товарищей. Особенно тщательно прорабатывайте вопросы и задачи, требующие сопоставления двух, трех (а иногда и более) образцов данной темы или разных тем. При выполнении заключительных заданий следует еще раз прочесть введение в проработанную тему, так как это поможет вам правильно осветить выдвинутый вопрос.

ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ.

Предложенный нами порядок проработки тем отнюдь не является обязательным. В зависимости от условий, в которых будут протекать занятия по русскому языку, вполне допустимо начинать имманентное чтение образцов второй темы, а затем первой и третьей. Мыслима и достаточно уместна и такая последовательность: III отдел, II, I либо III, I, II. Необходимо при этом (перемещении отделов) особенно тщательно провести перегруппировку задач по развитию устной и письменной речи, проследить за тем, чтобы более сложные работы предлагались после (а не до) упрощенных. Приложением («Зарубежная печать о нашей пятилетке») придется пользоваться в зависимости от содержания вопросов, на которые разветвляются синтетические темы.

Намеченная нами проработка материала предполагает знакомство преподавателей-руководов не только с элементарными приемами имманентного чтения, но и с более сложными. Если содержание образцов, входящих в данную тему, естественно наталкивает на сопоставления (чит., например, «Перегоняем дни» Кирсанова, «О тех, кто строил» Галина, «Покорение Днепра» Большакова и др.), следует всячески поощрять инициативу учащихся в этом направлении, помогая им строить правильные выводы и закреплять последние в соответствующих работах по развитию речевых навыков. В некоторых случаях (чит., например, «Что я видел» Серафимовича, «На стройке смотри в оба!» Дайреджиева, «Мы дойдем» Жиги, «Комсомольская ударная бригада» Безыменского, «Межи под ножами тракторов» Малашкина, «Бабий бунт» Третьякова, «Вот он — кулак» Тарпана, «Товарищ Митрофанов» В. Шишкова, «Встреча» Березницкого, «Голубок» Овалова, «Петр Дьяков» Молчанова, «Трактор победил» Панферова, «Деревня» Арамилева) сопоставление содержания образцов выйдет за рамки одной темы. Не мешает воспользоваться подобным методическим кустованием материала для построения заключительных докладов или сочинений.

Методредакторы: В. П. Каржин, М. П. Якубович.

ПЯТИЛЕТКА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна — и только одна — крупная промышленность (Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 260).

Под руководством нашего верного опытного вождя — единой и цельной коммунистической партии — мы сможем преодолеть все препятствия и трудности, которые встанут на нашем пути. Верные заветам Ленина, мы поведем нашу страну к социализму, напрягая все силы для того, чтобы полностью провести в жизнь план великих работ (из материалов XVI партконференции).

Крупная социалистическая промышленность является основой для реконструкции народного хозяйства, базой для реорганизации сельского хозяйства и повышения обороноспособности пролетарской диктатуры. Создание крупной социалистической промышленности является важнейшей задачей в деле успешного построения социалистического общества.

Исходя из этих предпосылок, XVI партконференция на основе директив XV партсъезда приняла конкретный план развития народного хозяйства.

Пятилетний план наметил огромные темпы развития всего нашего хозяйства. Недаром один из делегатов XVI партконференции назвал симфонией доклад о пятилетнем плане. И действительно этот колоссальный размах строительства, имеющий исключительное значение для нашей страны, звучит как музыка. Вся промышленная продукция по плану должна увеличиться к 1932/33 году более чем в три раза, причем новые фабрики и заводы дадут около $^1/_3$ всей продукции. Недаром этот план называют планом великих работ. Пятилетний план—это не мечта, не фантазия, — это музыка нашего строительства, захватившая десятки миллионов трудящихся пафосом социалистического строительства.

«Теперь ясно для всех, что пятилетка промышленности и сельского хозяйства есть пятилетка построения социалистического общества, что люди, не верящие в возможность социализма в нашей стране, не имеют права приветствовать нашу пятилетку» (Сталин, «Год великого перелома»).

Не прошло и двух лет пятилетки, как совершенно реальным становится лозунг: «Пятилетку в четыре года!»

«За 2½ года после XV съезда наша промышленность удвоила свою довоенную продукцию. За третий год пятилетки новый рост нашей продукции будет равняться всей довоенной продукции царской России. То, что в царской России было результатом всего ее исторического развития, мы получим за один только год на посрамле-

ние всех наших врагов, их вредительских теорий и оппортунистических подголосков, требовавших от партии «равнения на узкие места». XVI съезд констатировал огромнейшие успехи в деле социалистического строительства, в деле перевыполнения пятилетнего плана и на основе этих успехов наметил новую грандиозную программу дальнейшего развернутого социалистического наступления партии и рабочего класса на всех фронтах». (Чит.: «Перегоняем дни» Кирсанова, «О тех, кто строил» Галина.)

«В свете такого опыта мы говорим о новых повышенных ставках пятилетки, о 100 миллионах тонн ежегодной продукции угля против 75 миллионов тонн пятилетки, о 40 миллионах тонн нефти против 22 миллионов тонн пятилетки, о полумиллиардной стоимости производства сельскохозяйственных машин в 1931/32 году против 610 миллионов руб. плана, о 30%-ном подъеме хлопковой программы, о пересмотре планов продукции черного и цветного металлов, о новой программе тракторо- и автомобилестроения и т. д. и т. п. Навстречу лозунгу: «Выполним пятилетку в четыре года!» (К р ж и ж а н о в с к и й).

Центральный комитет партии поставил историческую задачу добыть в 1932/33 году 17 миллионов тонн чугуна, т. е. превысить проектировку пятилетки на 70%, — «добившись осуществления этой программы, мы станем первой страной в Европе по производству чугуна» (К у й б ы ш е в, доклад на XVI съезде).

Так поставлен вопрос самой жизнью не об отступлении перед ставками пятилетки, не о невыполнении этого плана, а о перевыполнении его.

Об этом свидетельствуют итоги первого года пятилетки и контрольные цифры 1929/30 года — второго года пятилетки. Капитальные вложения за пятилетие 1927/28—1932/33 годы должны составить 6400 миллионов рублей (с электрификацией 9500 миллионов рублей). Насколько велик объем намеченных работ, видно из того, что за все пятилетие с 1923/24 года по 1927/28 год было проведено капитальных вложений всего на 4 400 миллионов рублей (с электрификацией — 5200 миллионов рублей), т. е. почти в 4 раза меньше.

За один только 1929/30 год мы вкладываем в промышленность сумму, почти равную истекшему пятилетию (3960 миллионов рублей), тогда как по плану намечалось около 3 миллиардов рублей — на 1 миллиард рублей больше. Только за три года будет вложено 11 миллиардов рублей вместо 6,8 миллиарда рублей по пятилетке.

Исходя из основной задачи — индустриализации нашей страны, роста отраслей промышленности, производящих средства производства—основные суммы капитальных вложений идут в тяжелую индустрию. Разумеется, что и получения продукции следует ожидать больше в тех отраслях, где больше произведено капитальных вложений.

Быстрый рост отраслей, производящих средства потребления, приведет к значительному смягчению, а затем к полному устранению товарного голода на предметы первой необходимости.

Немало этому способствует развитие и мелкой промышленности (кустарно-ремесленной и пр.). В предстоящем пятилетии мы приступаем к увеличению железнодорожной сети и одновременно

к реконструкции всего транспорта, отвечая этим на возрастающую потребность теснее связать различные районы нашей необъятной страны в единый народно-хозяйственный организм. (Чит.: «Мы — робинзоны» Толстоевского и «Перекличка гудков» Лебедева-Кумача.)

Одной из главнейших задач промышленности СССР является обновление энергетической основы путем возможно большего применения электричества в промышленности. Увеличение за пять лет производства электроэнергии почти в пять раз говорит о том, что эта задача будет разрешаться вполне удовлетворительно. Размещение капитальных вложений имеет в виду культурный и хозяйственный подъем отсталых народностей путем индустриализации их хозяйства. И, наконец, капитальные вложения в индустриализацию, сооружение крупнейших заводов делают нашу страну более обороноспособной. В результате проведения плана индустриализации в жизнь в промышленности, где труд сейчас является самым продуктивным, производительность труда возрастет более чем в два раза. (Чит.: «Покорение Днепра» Большакова, «Песнь о металле» Жарова, «Дороже золота» из М. Горького.)

Коммунистическая партия, под руководством которой осуществляется социалистическое строительство, выкинула великий и смелый лозунг — в кратчайший исторический срок догнать и перегнать в технико-экономическом отношении уровень передовых капиталистических стран. Темпы разрешают этот вопрос.

Чтобы «догнать и перегнать», мы должны расти гораздо быстрее, чем капиталистические страны. Запроектированные темпы уже к концу пятилетия должны существенно изменить удельный вес СССР в мировом производстве: так, например, по чугуну, по ряду отраслей сельскохозяйственного строения через каких-нибудь три года мы будем первой в мире страной.

Мы заложим и выстроим новые тракторные заводы и заводы комбайнов такой мощности, которой еще не имеет буквально ни одна страна. Вступая на путь соревнования с капиталистическими странами, мы уверены, что будем победителями в этой тяжелой борьбе.

«Успехи социалистического строительства, успехи пятилетки настолько очевидны, что не могут не вызвать вынужденных признаний капиталистического мира. Битой оказалась ставка мировой буржуазии на финансовый срыв пятилетки. Битой оказалась ставка на нашу культурную отсталость, недостаток кадров. Битыми оказались надежды на то, что костлявая рука голода сорвет выполнение плана. Битыми оказались надежды на разрыв союза пролетариата с середняком. СССР с невиданной быстротой превращается из страны отсталой, страны аграрной — в страну передовую, страну крупной индустрии. Изменяется (и уже изменилось) место СССР в мировом хозяйстве» (из резолюции XVI съезда).

Наш план не только ставит большие строительные производственные задачи, — он ставит большие социальные задачи. Недаром его называют планом развернутого социалистического наступления. (Чит.: «На стройке смотри в оба!» Дайреджиева, «В гвардию пятилетки — только стойких» Безыменского, «От горячих мартенов» Шведова, «Мы дойдем» И. Жига, «Что я видел» Серафимовича, «Комсомольская ударная бригада» Безыменского, «Токарь Алексеев» Зорич, «Подарок» Ардатова, «Товарищ Самолетов» Никифорова,

«Перековка человеческого материала» Микулиной, «Нужны рабочие кадры» Коласа.) И на наше социалистическое наступление отвечают бешеным сопротивлением наши классовые враги, всеми мерами стараются сорвать нашу социалистическую работу.

Хитер, упорен и гибок наш враг в борьбе.

От открытых террористических выступлений до систематического вредительства в нашем хозяйстве, в науке, в искусстве, в аппарате — везде, каждое наше затруднение использовывается врагом в целях затормозить социалистическое строительство.

«Рушится и превращается в прах последняя надежда капиталистов всех стран, мечтающих о восстановлении капитализма в СССР,— священный принцип частной собственности». (Чит.: «Борьба двух миров» Карла Радека).

Этим объясняется обострение классовой борьбы внутри страны. Успехами нашего социалистического строительства объясняются озлобление и вой капиталистов и их лакеев в Западной Европе вплоть до организации крестового похода на СССР, подготовки интервенции и т. д. Но миллионы друзей во всех буржуазных странах поддерживают нас и мешают буржуазии сорвать наше строительство.

Наши успехи убеждают рабочих и угнетенные народы всего мира, что наш путь — единственно правильный путь. Дружба и революционный союз между рабочими нашей страны и пролетариями и угнетенными народами всего мира крепнут из года в год. (Чит.: «Штурм прорыва» и «Мировой пролетариат на защиту СССР».)

Великие трудности стоят на нашем пути, но истекший период доказал, что рабочий класс во главе со своей коммунистической партией успешно справляется с задачами социалистического строительства, преодолевая все затруднения и атаки правых. Нашим успехам и претворению в жизнь поставленных партией задач способствуют громаднейшая инициатива, огромный энтузиазм рабочего класса, широкое развертывание социалистического соревнования, которые становятся одной из основных форм новой социалистической организации труда. Энергичный переход на непрерывное производство дает возможность увеличить нашу продукцию, сделать более целесообразными капитальные затраты, снизить себестоимость, повысить производительность труда, уменьшить безработицу.

Наконец, поднятие трудовой дисциплины и надлежащая организация производственных совещаний, переход на семичасовой рабочий день, охвативший уже свыше миллиона рабочих в этом году, являются главными условиями успешного выполнения плана великих работ в более короткий срок.

Рабочий класс в своих недрах таит еще огромные неиспользованные силы. Выдвигая лучших представителей своего класса на руководящую работу в хозяйстве, аппарате — будет лучшим залогом борьбы с бюрократизмом и вредительством.

Огромные трудности стоят в подготовке кадров промышленности, но и с этой задачей рабочий класс справится. На пролетарских кузницах — заводах и фабриках — фабриках, втузах и школах — растут новые пролетарии — инженеры, директора и другие специалисты, руководители социалистической стройки.

Огромной волной прокатилось изобретательство, — это говорит об огромной творческой инициативе самих масс.

«Мы идем на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую «расейскую» отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим рабочего на автомобиль, мужика — на трактор, — пусть попробуют догнать нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией»! Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет «определить» в отсталые и какие в передовые» (Сталин, «Год великого перелома»). (Чит.: «Ответственный» Охроменко, «Женщина на страже пятилетки» Поповского, «Рабочий изобретатель» Свирского, «К станку, товарищи!» Уткина, «Мы строим социализм» Гладкова.)

ПЕРЕГОНЯЕМ ДНИ.

Стих. Сем. Кирсанова.

Дни пятилетки —
На полном ходу.
Песня, быстрей звени!
Новых заводов
Гуды гудут, —
Перегоняем дни.
Там, где лесами
Встал Сталинград, —
Струну телеграфа
Настрой.
Пусть зазвенит
По стране телеграф:
— Выстроен Тракторострой!
Всюду, — где взлеты
Решеток и трапов, —
Голос
Великих годов.
Сталину — рапорт [1],
Сталину — рапорт:
— Строим. Заложен. Готов!
Дни, пролетайте,
Безудержно быстрые!
Силу удара утрой!
Слышите?
— Слышим!
Выстроен?
— Выстроен!
Выстроен Тракторострой!
Скоро протянется
Нивами гуд
Над красотою закатовой, —
Каждые шесть
Знаменитых минут —
Трактор,
Спеши, выкатывай!
Кто же придумал
Такую быстрь?
Кто ты,
Бегун удаленький?
Встаньте
Над блеском литейных искр,
Социализма ударники!
Вы заставляете
Время мчать,
Кончены
Темпы слизней.
Вы приближаете
Каждый час

[1] *Рапорт* — письменное или устное донесение подчиненного своему начальнику.

Сроков социализма.
Вами гордятся
Донбасс и Урал,
И вся страна
Влюбленно
Следит, как идет
Борьба за металл —
Соревнованье мильонов.
Уже подымается
К небу дым
Заводов,
Затмивших солнце.
— К съезду партии
Трактор дадим!
Клянутся краснознаменцы.
Дни пятилетки —
На полном ходу,
Песня, быстрей звени!
Новых заводов
Гуды гудут,—
Перегоняем дни.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Ответьте на вопрос автора: «Кто же придумал такую быстрь»?
2. Кого поэт подразумевает под словом «слизни» и кого — под выражением «социализма ударники»?
3. Почему в «борьбе за металл» «соревнуются миллионы»?
4. Определите политическое значение клятвы краснознаменцев («К съезду партии трактор дадим»).
5. Приведите данные, говорящие за то, что «дни пятилетки — на полном ходу».

О ТЕХ, КТО СТРОИЛ.

Очерк Б. Галина.

Решающие бои шли на четвертом участке. Здесь гулял ветер, земля лежала огромным сплошным массивом.

Сюда стянулись тамбовские, курские, орловские...

Тысячи шли степью, день и ночь к берегам Волги. В землю, в 530 гектаров вогнали первые колья — сигналы гигантского строительства.

Обутые в лапти, курские, орловские, тамбовские должны были возвести железобетонные корпуса. Их вела фаланга [1] людей, посланных партией, железной волей рабочего класса. На этой земле, где мечется ветер, тысячи столкнулись впервые с темпами, с американской техникой. Надо было поднять и осилить темпы, взятые нами у Америки. Страна требовала машин. «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, — мечтал Ленин, — снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока — это фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «Я — за коммунию» (т. е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать, надо сначала победить междуна-

[1] *Фаланга* — у древних греков боевой порядок тяжелой пехоты, тесно сплоченный и состоящий из многих рядов, образующих четырехугольник.

родную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их достать. Только так будет верно поставлен вопрос».

Вопрос о тракторах, о 100 тысячах взялись разрешить на волжских землях в кратчайший срок. Землекопы, бетонщики, водопроводчики, слесаря — десятки тысяч — выравнивали землю, заливали ее бетоном. Сжимались темпы, — казалось. их брали за горло, заставляли свернуться в короткие сроки.

Американцы дали свои методы стройки, они предложили строить круглый год, осенью и зимой, возводить цех за цехом.

Американцы дали точные сроки сборки: 163 дня. Тракторострой внес поправку: 62 дня. Тысячи внесли свою поправку: 1615 тонн железных конструкций сборочного цеха установили в 28 дней!

В мороз, в стужу надо было смолить пол механическо-сборочной. Смола курилась, металась дымом, ветер сбивал людей; артели, ругаясь, уходили в бараки. Девятнадцать молодых вошли в корпус. Смола била в них жаром, от ветра коченели руки. Девятнадцать смолили пол метр за метром. Десять из них лишились кожных покровов на лице, волдырями вздулись руки, но все девятнадцать остались у кипящих смолой котлов, на ветру, на морозе.

На высоте 15 метров надо было остеклить корпуса. Раскаленные жаровни пылали днем и ночью. Стекольщики наотрез отказались работать в такие морозные дни. Ветер бил в пустые провалы железных рам, жаровни пылали дни и ночи. Две сотни комсомольцев пошли на железные пустые окна. Их вел старый безымянный стекольщик, ушедший от своих. Двести взошли на леса и впервые алмазами врезались в стекло, пригоняя, вставляя его в железные рамы окон.

Девушки протягивали коченеющие руки на огонь жаровни, отогревались и снова и снова окровавленными руками вставляли стекла в холодное, жестокое железо корпусных рам.

Двести, которых ветер рвал, которых пылающие жаровни били огнем, сошли с лесов, остеклив 28 тысяч квадратных метров.

Люди, не отступая, шли, **водимые волей партии.**

Техник вошел с тремя сотнями землекопов в тоннель. На глубине 5 метров они ползли кротами, рыли мерзлую землю.

По пятам землекопов шли бетонщики, по следам бетонщиков двигались паропроводчики. Из рук строителей темпы перешли в руки металлистов. Линия боев передвинулась со строительства — на монтаж.

60 молодых рабочих отказались от выходных дней. Они установили валики в литейной в 8 часов вместо 24. Они

установили молот в 5 тысяч фунтов в 3 дня вместо 26. Они установили молот в 2000 фунтов в 12 часов вместо 13 дней.

По цепному конвейеру собирается двигатель-мотор. Его цикл — 3 часа. Река в 70 метров течет медленно, навстречу главному сборочному конвейеру.

На 200 метров тянется главный конвейер.

В нем, в первом тракторе, наши темпы, наша воля, наша зреющая сила.

И как ни оглянуться, ни вспомнить тот день в июне 1927 года, когда к берегам Волги подошли плоты с лесами, с них сошли люди, посланные партией и рабочим классом, и окружили забором голую землю на 530 гектаров. Ветер, степь, безлюдье... В землю вбили колья... И думали ли они, мечтали ли первые, что в 1930 году, в такой же сухой день на этой земле — на четвертом участке, где в стуже двигалась по осмоленным половицам железная бригада девятнадцати, бригада двадцати пяти с окровавленными от порезов руками — водители тысяч, — что на этом четвертом, решающем участке бои кончились победой класса, мечтавшего о 100 тысячах тракторов?!.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Какие поправки внесли «тысячи» в «точные сроки сборки», намеченные американцами? О чем говорят эти поправки? Чем они были вызваны?

2. Приведите примеры необыкновенного героизма и энтузиазма «тех, кто строил».

3. Выпишите из очерка цитаты, в которых говорилось бы о руководстве ВКП(б) строительством.

4. Разъясните слова очерка: «бои кончились победой класса» (какие бои, за что, какого класса).

5. Припомните мысль В. И. Ленина: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, то средний крестьянин сказал бы: «Я — за коммунию». Учтите это замечание при коллективном обсуждении содержания разбираемого очерка.

МЫ — РОБИНЗОНЫ.

Очерк Ф. Толстоевского.

В книге Даниэля Дефо [1] под названием «Робинзон Крузо» описывается, как герой романа потерпел кораблекрушение и был выброшен на необитаемый остров.

---

[1] Английский писатель, автор всемирноизвестного романа: «Жизнь и приключения Робинзона Крузо», Дефо родился в 1661 г., умер в 1731 г.

Произошло это по воле темных неорганизованных сил. Здесь участвуют ветры, бури, волны, обмороки, обломки мачт, вера в провидение и другие чисто случайные события, в результате которых Робинзон принужден был начать новую жизнь на голом месте.

То, что произошло 3 декабря 1926 года на заседании Совета труда и обороны, не носило никаких признаков случайности. Стихия здесь не участвовала.

Здесь слушали доклад Госплана о крупном строительстве. И здесь же постановили в текущем году приступить к осуществлению в пятилетний срок постройки Семиреченской железной дороги.

Этим постановлением десятки тысяч людей были брошены в пустыню для того, чтобы построить там новую жизнь. Условия работы этих людей были приблизительно такими же, как и у Робинзона, выкинутого на необитаемый остров. Не было ни жилых помещений, ни колодцев, ни дорог. Все нужно было начинать сызнова.

Провидение бросило вдогонку Робинзону толстую книгу сказок в телячьем переплете под названием «Библия».

Госплан поступил куда осмотрительнее. Вдогонку туркси-бовцам он забросил в пустыню рельсы, шпалы, машины.

Предстояло возводить гигантские насыпи, пробивать длиннейшие выемки в скалах, строить мосты: мост через Иртыш длиной в 600 метров, мост через Или в 266 метров, стометровый мост через овраг Мулалы высотой в 34 метра (этот мост пришлось строить особым способом, чтобы предохранить его от частых землетрясений). И много еще надо было построить мостов — больших и малых!

Огромны были трудности транспортирования [1]. Надо было перевозить материалы, инвентарь, громоздкие механические снаряды, предметы широкого потребления.

Предстояло накормить 40 тысяч рабочих. На Турксибе находилось больше 100 тысяч человек, разбросанных на протяжении $1^1/_2$ тысяч километров.

Единственно рациональным [2] транспортом мог быть только сам Турксиб. Началась форсированная [3] укладка рельсов. От станции Луговой с юга и от Семипалатинска на севере вышли друг другу навстречу два укладочных поезда. Они вышли не-

[1] *Транспортирование* — перевозка.

[2] *Рациональный* — разумный, целесообразный, правильно организованный.

[3] *Форсированный* — усиленный.

49605

Библиотека

медленно, как только были проложены первые километры насыпи.

Два поезда с жильем для укладчиков, с кухнями, банями, столовыми, лавками и красными уголками изо дня в день продвигались все дальше в глушь и дичь восточного Казакстана.

Робинзону Крузо приходилось изобретать и изготовлять сотни мелких предметов, которыми мы повседневно пользуемся, не придавая им значения, не замечая их.

Робинзону Турксиба было не легче.

Юного робинзона-комсомольца выбросило плановой стихией Турксиба на станцию Маяк-Кум, где его быстро нагрузили: поручили ликвидировать неграмотность среди рабочих-строителей.

Перьев не было, бумаги не было, грифельных досок не было, и мелу не было. Писать можно и углем, но угля тоже не было. Была только белая краска.

И комсомолец начал робинзонить. Он сыскал деревянные доски и закрасил их белой краской. Следующим этапом была организация небольшого угольного производства. Робинзон принялся выжигать древесный уголь. Этого требовал его учебный план.

И уже через несколько дней ученики новой школы ликбеза выводили углем на белых досках:

— «Ба-ры не ра-ды. Ры-бы не га-ды».

Тысячи таких робинзонов и построили Турксиб.

...Нелегка была борьба со скалами. У их подножий прокладывались штольни, которые начиняли аммоналом [1]. Взрывы сотрясали пустыню. Скалы обваливались, освобождая путь Турксибу.

Пустыня была побеждена. Побеждено было и время. Смычка произошла на год раньше установленного планом срока.

28 апреля на станции Айна-Булак, в середине Турксиба, последний рельс был пришит к шпалам, и великая магистраль [2], соединяющая Сибирь со Средней Азией, — дорога, по которой с севера на юг пойдет хлеб, а с юга на север — хлопок, — дорога, которая сделает Казакстан процветающей республикой, — была открыта.

Скучным обычно кажется протокол с его неизбежным «слушали — постановили». Но когда к нему добавляется параграф «и построили», то он становится еще более увлекательным, чем «Робинзон Крузо», сочинение Даниэля Дефо.

---

[1] *Аммонал* — взрывчатое вещество.

[2] *Магистраль* — главная линия железной дороги, от которой идут ответвления.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Почему Госплан решил строить Турксиб? Какое значение имеет эта дорога для социалистического строительства промышленности? (Указания найдите в очерке.)

2. Скажите, в чем, по мнению автора очерка, заключались сходство и различие между Робинзоном Крузо и строителями Турксиба.

3. Опишите трудности, стоявшие перед строителями Турксиба. Чем объясняется, что дорога была окончена раньше намеченного срока? Какой отсюда можно сделать вывод?

4. Расскажите о культурно-просветительной работе, проведенной организаторами постройки. Возможна ли она в условиях капиталистического строительства?

5. Кому была поручена ликвидация неграмотности рабочих Турксиба? Припомните условия, в которых приходилось комсомольцу выполнять нагрузку. Дайте оценку изобретательности ликвидатора.

6. Сравните очерки: «О тех, кто строил», «Мы — Робинзоны» и стихотворение «Перегоняем дни». Сопоставьте мысли авторов, высказанные относительно а) темпов работы, б) условий труда, в) классового состава строителей, г) руководства. Постройте собственное заключение (по всем четырем пунктам).

ПЕРЕКЛИЧКА ГУДКОВ.

Стих. В. Лебедева-Кумача

Днем и ночью бегут паровозы,
И упругие рельсы гудят, —
Городам говорят про колхозы,
А деревне — про город твердят.
Чтоб услышать, увидеть воочью
Всю картину гигантских трудов, —
Надо только прислушаться ночью
К голосам паровозных гудков.
Паровозных гудков перекличку
Чутким ухом услышать сумей, —
И почуешь великую смычку
Трудовых городов и полей.
Паровоз из Донбасса
Надрывается басом:
— Иду-ду-ду-ду-у-у!..
Везу руду-у-у!..
Из темных шахт.
Тах-тах-тах-тах!
А вагоны, ставши в ряд,
Тарахтят, говорят
И желанием горят
Срочно выполнить наряд.

— Что нам отдых!
На заводах
Нехватает чугуна!
Ждет рабочая страна
Чугуна, чугуна!
Побежим скорее вдаль,
Повезем чугун и сталь.
Паровоз из Москвы заливается,
На подъеме кряхтит, отдувается:
— Пуф-пуф! Помоги!
Я везу сапоги.
И мануфактуру-у-ур-у-у!
И литературу-ур-у-у!
И звучит неугомонный,
Неустанный звук вагонный:
— Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!
Трактор и плуг! Трактор и плуг! Тук-тук!
Мы везем для крепких рук!
Перестроим все вокруг —
Поле и луг. Поле и луг. Тук-тук!
Город деревне — первый друг.
Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!
И ответно кричат паровозы:
— Мы бежим из колхозов,
Мы летим из совхозов!
Нас послал чернозем!
Мы подарок везем
От комбайна [1] — станку
Мы везем му-у-ку-у!
Голоса не смолкают в ночи,
Не смолкает симфония [2] смычки
— Мы везем кир-пи-чи-и-и!
Кирпичи, кирпичики!
— А мы — соль и спички-и-и!
— Мы — одежду для Донбасса!
— Мы — рабочих для Урала!
— Рыбу, мясо! Рыбу, мясо!
— Из Сибири — масло, сало!
— Мы везем подъемный кран

[1] *Комбайн* — сложная сельскохозяйственная машина, которая одновременно жнет, вяжет снопы, веет, собирает зерно в мешки.

[2] *Симфония* — музыкальное соединение различных звуков в единое стройное целое.

на Мурман! На Мурман!
— Мы — машины для Баку!
— Мы — муку-у-у! Мы — му-ку-у-у!

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. В чем состоит «смычка трудовых городов и полей»? (Учтите: что дает деревня городу и что город — деревне.)

2. Как следует понимать слова стихотворения: «Перестроим все вокруг — поле и луг»? В чем будет заключаться эта перестройка? Посредством каких технических достижений она будет осуществляться?

3. Объясните, почему на Мурман везут подъемный кран, для Баку — машины, для Урала — рабочих? При ответе примите во внимание производственные особенности данных районов.

4. Какое значение имеет для промышленности транспорт? Перечислите его виды. Что такое «Автодор»? Расскажите о его задачах.

5. Используйте данное стихотворение для коллективной декламации в классе, на вечере.

ПОКОРЕНИЕ ДНЕПРА.

Очерк Константина Большакова.

Тучи заботливо пытались укутать солнце. Жар его нестерпим. Ощущается он плотным и тяжелым, и вода за бортом — его последний отстоявшийся слой. Облачные старания, однако, не умеряли зноя. Тучи, — из лодки кажется, что они поднимаются прямо с земли, — меняют только характер пейзажа [1]. Из задыхающегося, словно залитого расплавленным металлом, он делается зловеще-настороженным, лиловым. Стаи галок, компрометируя [2] гоголевскую гиперболу [3], всполошенно переносились с одного берега на другой. Кроме них и нас, плывущих в «дубе», кругом ни одного живого существа.

«Дуб» скользит по гладкой поверхности Днепра меж берегов и островов, ни в чем ни изменивших своего вида за тысячелетия. Такой же челн, такой же пейзаж, который был здесь и при запорожцах.

Пороги начинаются в 15 километрах ниже Днепропетровска. Здесь течение реки окаймлено обрывистыми берегами, высота которых иногда достигает 60 метров над уровнем воды. Гранитные гряды на каждом шагу перерезают русло реки сплошными лавами.

---

[1] *Пейзаж* — живописная местность в натуре, или изображенная на картине.

[2] *Компрометировать* — срамить, позорить, вредить кому-либо во мнении общества.

[3] *Гипербола* — преувеличение истины.

Поверхность такой лавы бывает усеяна множеством камней, оторванных водою. Сплошные лавы, загораживающие все русло реки от одного берега до другого, называются «порогами». Лавы, запруживающие лишь часть русла, носят название «забора». Всех заборов насчитывается свыше тридцати. Главных порогов — девять. Самый грозный и большой из них — Ненасытецкий.

Рев Ненасытца слышен еще издалека. Гребцы на нашем судне подняли весла, а течение тем не менее все ускоряет и ускоряет свой бег. Омельченко, навалясь на «стерно» (рулевое весло), правит к левому берегу. От правого по всей ширине реки кипит и ревет бушующий водопад. Волны, заплетаясь косами, брызгая пеной, — от этих брызг над водопадом не пропадает пестрая, низко спустившаяся радуга, — стремительные, словно они только что прорвали плотину, несутся по ступенчатым уступам. Падение их начинается по одной ровной, от берега до берега, прямой, словно по веревке протянутой линии. Над нею — ровная гладь водяной террасы [1].

Течением нас стремительно относит влево. Омельченко правит к узкому протоку меж двух каменистых островов. Это и есть пресловутый канал.

— Часы посмотрите! Час заметьте! — кричит лоцман.

Мы точно исполняем приказание.

Канал — это узкий, в 2 метра, расчищенный от камней фарватер [2], края его выложены обтесанным гранитом. Рядом, отделенный островком, с ревом обрушиваясь вниз, на целых полкилометра бушует Ненасытец. В канале на-глаз заметна стремительность течения; видно, каким падающим уклоном опускается в нем водяная поверхность. Направляемая опытной рукой Омельченко наша ладья течением выносится на середину канала. Весла попрежнему подняты; лоцман [3], стоя, всем корпусом навалился на «стерно». Чахлые кустики по берегам канала мелькают, как в окне вагонов. Минута и десять секунд, — и канал, протяжением больше километра, оказывается пройденным. Это скорость почти курьерского поезда. Теперь с нижнего бьефа [4] реки видна почти отвесная стена падающего через порог Днепра...

---

[1] *Терраса* — широкий горизонтальный уступ почвы.

[2] *Фарватер* — удобный и безопасный проход для судов, среди мелей и подводных камней.

[3] *Лоцман* — человек, хорошо знающий прибрежную местность и расположение фарватеров; подводит суда к месту стоянки.

[4] *Бьеф* (верхний и нижний) — участок течения воды, разделенный плотиной или водопадом.

* * *

Утром солнце горело просторно раскинувшимся блеском. Светился Днепр. Свежеобструганные бревна плотов золотились. Тимофей Платонович, ухмыляясь, сказал:

— В этом году обижаться на заработки нам не приходится Ишь, сколько лесу вниз гонят!

— Ну, а когда весь прогонят, когда «Днепрострой» окончат, тогда что вы будуте делать?

Он ответил вопросом:

— А кто знает, что будет?

Ни в улыбке, ни в жесте, которым сопровождался этот вопрос — ответ, не было ни тревоги, ни беспокойства.

Ночевавшие в «дубе» гребцы разматывали грязный парус. Дул легкий ветерок. На вершине обрывистого берега поднималась пыль. Ветер относил ее в степь, и казалось: кто-то темный горстями швырял бронзовый порошок в голубое небо. Пыль исходила от развалин глиняных хат. В развалинах копошились люди. Это переселенцы добирали из своих разрушенных жилищ остатки строительных материалов, которые могли пригодиться и на новом месте. Район подлежал в будущем затоплению. И у таких переселяющихся, как и у Омельченко, я не заметил ни тревоги, ни беспокойства за будущее, которое им несет «Днепрострой».

На другой день мы смотрели на «Днепрострое» работы по основным сооружениям. На камнедробильном заводе громадные глыбы гранита глотала чудовищная пасть основной дробилки. Из дробилки на подвижной лоток высыпались уже совсем маленькие камешки. За час эта дробилка сокрушала 250—300 тонн камня. В котловане[1] электрический экскаватор[2] «Марион», ворочаясь направо и налево с легкостью, непостижимой в такой махине, грыз скалу. Стальные зубья черпака, как сахар, крушили разрыхленный взрывом гранит. Черпак, емкостью до 3 кубических метров, легко отбрасывал разрушенную породу. Один человек неделями точил кремень о гранит, извлекая из мертвой массы камня живое тело топора; другой одним поворотом рычага заставлял машину перебрасывать с места на место полуторатонные глыбы гранита. За час машина срывает до основания мощную скалу. Этого достиг потомок полуголого человека. Это делалось затем, чтобы здесь можно было поставить плотину, остановить, покорить, подчинить воле человека воды Днепра. Они, натолк-

[1] *Котлован — (правильнее: котловина)* ров или яма, вырываемая для заложения фундамента под здание, мост и т. п.

[2] *Экскаватор* — землечерпательная машина.

нувшиеся здесь на препятствие, выйдут из берегов, зальют огромные пространства земли. Орошенные поля приобретут высокую плодородность, дешевая электроэнергия будущей Днепровской станции послужит мощным стимулом для сельскохозяйственной промышленности. Пейзаж, остававшийся неизменным в течение тысячелетий, разом и резко изменит свой вид.

«Днепрострой» — сооружение, которое скроет под водой пороги, сделает реку судоходной; сооружение, которое будет питать даровой энергией 10 турбин по 80 тысяч лошадиных сил каждая; «Днепрострой», который снабдит район 555 тысячами киловатт дешевой электроэнергии, — такое сооружение оказалось возможным и осуществимым только в наше советское время, только формы социалистического хозяйства могли настойчиво требовать скорейшего проведения такого проекта в жизнь.

Но «Днепрострой» — это не только гидротехническое сооружение [1], призванное изменить на пространстве 95 километров тысячелетиями остававшийся неизменным пейзаж, — «Днепрострой» — это новая эпоха, в корне меняющая открывавшиеся до сих пор экономические перспективы района.

Дешевая электроэнергия, будущий избыток ее здесь настойчиво требуют себе потребителей. Проект «Днепростроя» предусматривает возведение огромного промышленного комбината [2] металлургических и химических заводов. С их возникновением, с открывающимся новым водным путем появляется необходимость в новых мощных железнодорожных магистралях. Одновременно с основными сооружениями «Днепростроя» уже перекидываются мосты через оба рукава Днепра ниже будущей плотины, уже поднялись из воды их гранитные устои, уже подводится и подведена к ним насыпь будущего полотна сверхмагистрали. Уже заводы будущего комбината обретают свою вторую форму; не на бумаге и кальке [3] в карандаше и туши, а на земле, в кирпиче и бетоне. Века сблизились, сошлись вплотную, новый грядущий стирает последние следы своих предшественников.

Необычайные даже для Америки сроки, в которые будут сооружены величайшая в мире плотина и гидростанция, необычайные, невероятные темпы работ, их максимальная механизированность перестраивают и перестроили уже во многом инертную [4]

---

[1] Гидротехнические сооружения имеют своим назначением борьбу с вредными действиями вод.

[2] *Комбинат* — объединение нескольких предприятий по различным отраслям промышленности в единое хозяйственное целое.

[3] *Калька* — особая прозрачная бумага, пропитанная маслом.

[4] *Инертный* — бездеятельный, неподвижный.

человеческую психику [1]. Новые, невиданные до сих пор, трудовые процессы поколебали привычные представления о самом труде и времени у всех этих полтавских и казанских землекопов, херсонских каменщиков, минских и костромских плотников, штукатуров, бурильщиков, бетонщиков, каменотесов. Все они, стянутые сюда на строительство из разных уголков Союза, живут и работают здесь темпами не сегодняшнего дня. Может быть в сознании только еще очень немногих из них укрепилась мысль, что они являются бойцами на одном из ответственнейших участков боя за социализм, но то, что они строители, перешагнувшие через наше время, обогнавшие его, — это чувствует каждый.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Почему ни у Платона Тимофеевича, ни у переселенцев из района, подлежащего затоплению, не было ни тревоги, ни беспокойства за будущее, которое им несет Днепрострой?

2. Что дало возможность «потомку полуголого человека» «поставить плотину, покорить, подчинить воле строителя воды Днепра»?

3. Передайте своими словами мысль рассказчика о значении «Днепростроя» («Днепрострой» — это новая эпоха, в корне меняющая открывавшиеся до сих пор экономические перспективы района»).

4. В каком отношении «необычайные даже для Америки сроки, необычайные, невероятные темпы работы, их максимальная механизированность перестраивают и перестроили уже инертную человеческую психику»?

5. Кого разумеет рассказчик под «бойцами на одном из ответственнейших участков борьбы за социализм» и под «строителями, перешагнувшими через наше время, обогнавшими его»? (При подготовке к ответу учтите роль партии, «стянувшей на строительство из разных уголков Союза» «всех этих полтавских и казанских землекопов, херсонских каменщиков, минских и костромских плотников, штукатуров, бурильщиков, бетонщиков, каменотесов».)

6. Каким образом и в силу чего «новый грядущий век стирает последние следы своих предшественников»? Возможны ли подобное положение и подобный же размах строительства в капиталистических странах? Почему? (Дайте ответ, обоснованный ссылками на текст разобранного сейчас очерка.)

7. Использовав разъяснения автора (1. «Орошенные поля приобретут высокую плодородность». 2. «Дешевая электроэнергия будущей Днепровской станции послужит мощным стимулом для сельскохозяйственной промышленности». 3. «Проект «Днепростроя» предусматривает возведение огромного промышленного комбината металлургических и химических заводов. С их возникновением, с открывающимся новым водным путем появляется необходимость в новых мощных железнодорожных магистралях»), напишите коротенькую статейку на тему: «Ближайшее будущее Приднепровья».

---

[1] *Психика* — совокупность всех внутренних переживаний.

ПЕСНЬ О МЕТАЛЛЕ.

Стих. А. Жарова.

Слышите? Песнь о металле
Льется по нашей стране:
— Стали, побольше бы стали!
Меди, железа вдвойне!

(Припев.)

Плавьте, не зная досуга,
Пламя не гаснет в печи...
Пару полос для плуга!
Пару полос на мечи!
— Мало! Повысить! Утроить
Хватку плавильных печей!
Балок для новых построек!
Рельсы для новых путей!

(Припев.)

Жадность к металлу вскипает
В наших просторных полях:
— Мало. Плугов нехватает!
Помните о тракторах!

(Припев.)

О проводах для избушек!
Но не забыть о другом, —
Мы ведь не можем без пушек
Украулить наш дом.

(Припев.)

И в нарастающем гуле,
Там, где пока еще ночь,
Мы не сумеем без пули
Братьям восставшим помочь.

(Припев.)

Будут куски нашей стали
Данью последней войне.
Слышите? Песнь о металле
Гулко звучит по стране.

(Припев.)

Плавьте, не зная досуга,
Пламя не гаснет в печи...
Пару полос для плуга!
Пару полос на мечи!

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Почему песнь именно о м е т а л л е «льется по нашей стране»?

2. Объясните слова припева: «Пару полос для плуга, пару полос на мечи». Надо ли их понимать буквально, или же они имеют иной смысл? Какой именно?

3. Где еще (в этом стихотворении) есть указание (кроме припева), что страна наша должна быть готова к обороне?

4. Используйте «Песнь о металле» для декламации и для хорового кружка.

5. Отметьте стихи, наиболее ярко и сильно изображающие современное строительство СССР. Перепишите их в ваш рабочий дневник.

ДОРОЖЕ ЗОЛОТА.

Отрывок из очерка М. Горького «По Союзу советов».

На промысла Азнефти я поехал рано утром, прямо с вокзала. Тов. Баринов [1], — крепкий, озабоченный человек, — повел меня по промыслу, говоря как бы предисловие к чудесам труда:

— Нефть не топливо, а богатейшее сырье для фабрикации [2] бесчисленного ряда высокоценных химических продуктов. Нефть можно изработать всю, почти до нуля, на масла, — мы еще не научились брать из нее все, что она дает. На нее как на топливо привыкли смотреть капиталисты, которым нет дела до будущего страны, до интересов народа. Им нужно только одно: выжать из действительных сокровищ земли как можно больше золота — металла, пригодного лишь как меновой и для пустяков, для украшений. Жечь нефть как топливо — это в сущности преступление против трудового народа, грабеж... Капиталисты — люди без будущего, они чувствуют это и хищнически торопятся превращать все действительно ценное в условную ценность, в золото, из которого машину не построишь, инструментов не сделаешь. Золото полезно только в руках зубных врачей.

Чем больше ходил я по промыслам, тем более удивляло меня незначительное в сравнении с прошлым количество рабочих на этой огромной площади, где железо, камень и бетон вытеснили деревянные вышки. Куда ни глянешь — всюду цистерны [3], железные колонны, связанные дугообразными трубами, всюду растут каменные стены. И нигде нет этой нервной, бешеной суеты, которую я ожидал увидеть, нет пропитанных нефтью людей, заму-

---

[1] Заведующий промыслами.

[2] *Фабрикация* — выделка, производство.

[3] *Цистерна* — построенное из металла или камня хранилище для жидкостей (керосина, бензина и т. д.).

ченных и крикливых, нет скоплений железного лома. Создается впечатление строительства монументального [1], спокойной и уверенной работы надолго; сказать «на века» — уже нельзя в наше время фантастически быстрого роста промышленной техники.

Когда мы осматривали новый масляный завод, — тяжелый, горячий воздух над нами вдруг негромко, но глубоко вздохнул, в нем как бы лопнуло что-то, и через дорогу от завода, над группой труб, железных колонн, цистерн взлетело курчавое, черно-серое облако.

— Эх, бензин! — вскричал кто-то сзади меня.

Через минуту мы, человек пять, стояли в двух десятках шагов от картины, которую я никогда не забуду: в тупике, между каменной стеной, железной колонной обензинивающей трубчатки и целой цистерной, принимавшей бензин, бушевал поток странно-белого, почти бесцветного огня, а в огонь совались, наклоняясь над ним, накрывая его чем-то, рабочие — человек пятнадцать, тюрки и русские. Седобродый тюрк [2] командовал:

— Давай кошма [3], давай! Скор-ро!

Я никогда не видел, чтоб огонь гасили так яростно, с такой бесстрашной дерзостью, с таким пренебрежением к боли ожогов, — в этой дружной, ловкой работе было что-то непонятное мне. Поток огня стремился к цистерне, а в ней, — как мне потом сказали, — было несколько тысяч пудов бензина. Тов. Баринов, тихонько отталкивая меня плечом, советовал:

— Уходите, уйдите подальше!

Сам он не уходил.

Я наблюдал внимательно. На своем веку много видел я пожаров, и всегда они вызывали бестолковную, бессмысленную суету. Повторяю, что быстрота, с которой рабочие бросались на огонь, ловкость, с которой они тушили его, и то, что они делали это без лишнего шума и крика, не мешая друг другу, с какой-то немецкой выдержкой, — все это было ново для меня и очень удивительно. С огнем покончили в 12 минут. Я спросил Баринова:

— Могло взорвать цистерну?

— Конечно, могло, — ответил он.

— Быстро погасили!

— Привычка. Случай не из редких.

— А если бы взорвало цистерну?

— Ведь я предлагал вам уйти.

---

[1] *Монументальный* — прочный, долговечный, основательный.

[2] *Тюрки* — народы и племена, говорящие на турецком языке и его наречиях (турки, татары и др.).

[3] *Кошма* — покрышка, одеяло из верблюжьей шерсти.

— Да, но сами-то вы не уходили.

Эти слова как будто удивили его:

— Куда же я уйду?

Подумав, он сказал:

— Если бы взорвало, люди сгорели бы. Но у нас покамест эдаких шалостей не было.

Я спросил: думает ли он, что при старых собственниках рабочие также самоотверженно боролись бы с огнем.

... Баку — неоспоримое и великолепное доказательство успешности процесса строения государства рабочих, создания новой культуры — таково мое впечатление. Это отлично формулировал один из старых рабочих, очевидно хороший ученик Ильича:

— На производстве наш брат обязан показать себя во всей своей силе — хозяином разумнее буржуя, талантливее. Покажем это — значит дело сделано.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Какую разницу нашел Горький между прежними и теперешними бакинскими промыслами? Ответьте подробно.

2. Согласны ли вы с утверждением Горького, что рабочий «чувствует себя хозяином» на бакинских промыслах? Какие доказательства этому можете вы найти в рассказе?

3. В чем видит Баринов неправильность постановки нефтяного производства при капиталистическом строе?

4. Найдите основную мысль очерка и выпишите ее или передайте своими словами.

5. Расскажите о рабочем жилищном строительстве на вашем предприятии (или в вашем совхозе, колхозе и т. д.). Как предполагается развернуть это строительство в пятилетнем плане?

НА СТРОЙКЕ СМОТРИ В ОБА!

Отрывок из романа Дайредджиева «Через отмели».

Кабинет председателя Окрпрофбюро Молина — большая, светлая комната. В ней прямо против двери — громадный дубовый стол. Сбоку почти во всю длину комнаты стоит длинный, крытый малиновым сукном, стол для заседаний. На нем тяжелые бронзовые пепельницы и высокие граненые хрустальные графины.

Молин сидел у края стола с раскрытыми серебряными часами «луковицей» и курил толстую папиросу. У Молина коротко стриженые седые волосы как будто постоянно движутся. Маленькие, острые глазки озабоченно бегают; он чуть косит и, когда сердится, кладет голову набок и, держа в правой руке карандаш, левой начинает аккуратно его оттачивать. «Старик заточил», —

шопотом говорили тогда кругом и знали, что через минуту какого-то особенного, спокойного говорка он вдруг бросит карандаш на стол и, грохнув кулаком по столу, с налившимся кровью лицом, начнет разнос провинившегося. Ткач по профессии, он уже около двадцати лет активно участвует в профессиональном движении. Говорит с прибаутками, смешлив, весел, подвижен, но до тех пор, пока его не рассердят. Тогда, покусывая левый, вполовину меньше правого, ус, он с налившимся кровью лицом и дрожащими, темными ноздрями, в пух разносит противника. А вообще Молин очень добродушный, веселый и подвижной старик. Точен он, как хронометр [1], — опозданий на заседания под его председательством не полагается. Если член бюро опаздывает на три минуты, он сиповатым со льдинкой тоном, вполголоса, говорит:

— Выдь за дверь! Без тебя начали, без тебя и кончим.

Было без четырех минут два. В комнату, запыхавшись, вбегали люди, опасливо косясь на большие старинные часы в углу комнаты.

Гулким бешеным боем пробило два.

— Ну, что ж, ребятки, заседание президиума считаю открытым. Давайте, чего у вас там, по порядку.

— Да тут ерунда какая-то, — прогудел заворготделом Мурашов. — Местком, что ли, из комнаты в комнату перевели? Что это такое, товарищи, делать вам нечего!

— А ты сиди, лоб, — оборвал его старик. — Я велел поставить. Там предправления Текстильтреста зазнаваться стал, — фабзавкомами как щенятами швыряется. А тут не угодно ему, вишь, стало, что в солидном его учреждении местком какой-то. Взял да и выкинул их со всеми делами на чердак. А по фабрикам что он делает каждый день: в газете как в санях сидит. Давно я до него добираюсь. Это — предлог. Понял?

— Да он и у меня в зубах навяз, — сказал Карпов. — Бесконечные конфликты [2], и ведь конфликтует, подлец, — только бы время провести.

— Я вот ему проведу сейчас. Ванька, зови их!

В комнату вошли курчавый парень и кругленький, мягкий человечек в сером щегольском костюме. Шел он на самых носочках, отчего весь качался, точно на рессорах [3]. Может быть оттого, когда он ступал на всю ступню, походка его казалась нагл

---

[1] *Хронометр* — часы с особо точным механизмом.

[2] *Конфликт* — столкновение интересов, чувств, взглядов.

[3] *Рессора* — часть экипажа, поддерживающая кузов и имеющая назначением смягчать толчки, происходящие от неровностей дорожного полотна.

— Ну, рассказывай, что у вас там вышло, — сказал старик, обращаясь к кудрявому пареньку, председателю трестовского месткома.

— Да вот, Маркыч (так звали его рабочие), в наше отсутствие выгряхнули нас со всеми монатками на чердак. Там светелка, что-ли, когда-то была. Только теперь от нее две стены остались, остальные сожгли в голодные годы. Однако сейчас уже улажен вопрос: дали комнату и мебель даже.

— Ну, вот видишь, — сказал Розанов, — нечего было и кипятиться. Вопрос улажен. Недоразумение вышло, вот и все. Я и говорю — пришел извиниться.

Молин сидел и тоненько зачинивал карандаш. Члены бюро переглянулись: «ну, держитесь, мол!»

— Так, — тихо начал Молин. — Так, стало быть, извиниться приехал? С тобой разговор впереди, — зло прищурив левый глаз, сказал он кудрявому пареньку. — Я тебя научу, молокосос, как престиж [1] союза держать. Накось, до чего допустил, выкинули, как очес [2], а потом извинились. За извинения ты, лодырь, двести десять целковых получаешь, людей занимаешь, сам лодыря гоняешь, да, поди, ведь машину пригнал, негодяй.

— Нет, Маркыч, мы пешком, — стараясь отшутиться, сказал Розанов.

— Ну уж, коли извиняться, так извиняйся и за то, что на Ленинской фабрике из кабинета директора председателя фабкома в шею выгнал. Извиняйся и за то, что до сей поры с фабзавучем волынишь, извиняйся и за каждое дневное пребывание в газете. А вот мы тебя, паршивый чорт, — рявкнул он, грохнув по столу кулаком, — за энти за извинения — слушали да постановили: снять к чортовой матери с треста... А? Как смотрите, ребята? — почти шопотом спросил он членов бюро и, не дожидаясь ответа, крикнул: — Держи у меня ухо востро! До первого замечания, а там я тебя так ломану, куда твой форс денется. Чего у нас там следующее? — как ни в чем не бывало, закончил он.

Розанов, красный как огонь, выкатился из кабинета на носочках, что-то ворча под нос.

— Ну, чего там дальше-то, давайте скорее, а то у нас нонче во фракционном [3] делов по горло с этой станцией.

---

[1] *Престиж* — уважение, внимание.

[2] *Очес* — негодные очистки шерсти.

[3] *Фракция* — 1) Сложившаяся в особую группу часть какой-либо партии; 2) часть полит. партии, представляющая эту партию в каком-либо междупартийном собрании.

— Ну, видно тебе, Маркыч, сегодня еще придется поругаться, — начал Мурашов, по-детски светя своими голубыми глазами.

— Вали уж к одному! — улыбаясь, ответил Молин.

Мурашов был его выучеником, и старик очень гордился этим талантливым слесарем-свердловцем [1].

— Мы провели обследование медноплавильного завода. Самое возмутительное — это производственные совещания. Инструктору рассказали такой случай: позвали директора на общезаводское совещание, а он там и заявил: «Не морочьте-де нам головы, неужели заводоуправление хуже вас знает, что ему делать?..» Я предлагаю дело это раздуть и послать на завод специальную комиссию, которая, обследовав положение, доложит нам здесь свои выводы.

Молин весь вдруг съежился. Лицо у него покраснело, глаза сузились и блестели, как сталь, жесткими полосками. Сжав челюсти и стукнув по столу кулаком, он сказал:

— Морду бить директорам за производственные совещания. — Он шалым взглядом кинул по сторонам, словно ища виновника. — А мы вот, ребятки, что, — сразу спокойным тоном продолжал он, ровно огонь кошмой накрыли, — давайте-ка проведем обследование всех производственных совещаний да снимем пару-тройку директоров. Это лучше всяких приказов будет.

* * *

После небольшого перерыва была созвана фракция президиума.

— Ну, вам, ребятки, по пять минут каждому, — сказал Молин, обращаясь к Суркову и Зельману. — Твою информацию, Власов, мы уже слыхали. Вот чего они нам скажут.

Первым выступил Сурков.

— Я, товарищи, насчет бесхозяйственности буду, — начал он своим тоненьким голоском. — Нужно нам закрепить за станцией главного инженера. Это свой человек, специалист хороший, но перегрузили его как лошадь. Он и рад бы что сделать, да бывает у нас редко. Помощник его — жулик. Вертит хвостом, всем кланяется, а дела не делает. Вот у нас с транспортом какая волынка. Плотина рассчитана так, что через нее и ездить можно, а подъездных путей не делают. Дорого, говорят. И все на пароме возят. Мы на производственном совещании раз десять говорили. «Подумаем», говорят. И думают все. А почему? Перегрузку всю сдали

---

[1] *Свердловец* — обучающийся или обучавшийся в Коммунистическом университете имени Свердлова в Москве.

подрядчику, ну там и им перепадет. И все это орудует наш помощник главного инженера, а на него глядя и остальные. Кто сколько может — тащит. Его гнать обязательно надо.

— Что же, товарищи, — как-то необычно-спокойно сказал старик. — Информацию товарищей нужно будет передать куда следует. Пусть назначат комиссию там и прочее. А мы давайте пока насчет людей поговорим. Вали, Мурашов! Строительство у нас в округе большое, — сказал он. — Если этак-то начнут пакостить везде, как на станции, мы со своей индустриализацией в трубу вылетим. Вот и думаю я, что не мешало бы это дело передать коллегии ГПУ. Пусть без суда, как за экономическую контрреволюцию, разменяют тройку подлецов, а потом нам созвать конференцию специалистов да договориться с ними на будущее. Что скажете?

— Я против расстрела, — сказал Ворохов. — Это только отпугнет специалистов, и ни о какой конференции тогда и речи быть не может.

— Вот, вот! Они и начнут. С одной стороны, нельзя не признать, а с другой — нельзя не сказать, а в общем и целом безусловно мы воздерживаемся. А тут шлепнуть пару спецов да этого подлеца-мошенника с ними за кампанию, вот и прижали бы уши! Ну, прощайте, ребята, я к Золотову...

Он быстро перебежал улицу и скрылся в подъезде Дома советов.

— Что скажешь? — спросил Сергей.

— Прав старик. Нужно подобрать вожжи.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. В чем проявилось твердое руководство Окрпрофбюро со стороны его председателя Молина? Приведите примеры, подтверждающие ваш ответ.

2. Почему Молин придавал большое значение «мелочам» и ставил разбор этих дел на заседании Окрпрофбюро?

3. Чем объяснить, что предправления Текстильтреста мало считался с профсоюзными организациями? Каково на самом деле должно быть положение профсоюзной организации (завкома, фабкома, месткома и др.) в предприятии или учреждении?

4. Перечислите основные задачи профсоюзных организаций в Советском Союзе. При ответе учтите разбор дел на президиуме Окрпрофбюро (см. рассказ На «стройке»).

5. Что вы знаете о профсоюзных заграничных организациях, об их роли в деле руководства рабочим движением; чьи интересы они поддерживают?

6. Правы ли партийные организации, когда доверяют одной части специалистов и не доверяют другой? На основании данного рассказа докажите правильность своих выводов.

7. Сравните Молина и Самолетова (из рассказа на стр. 70 — 73). Какая разница в руководстве местными организациями того и другого? Ответ пишите небольшими фразами.

8. Почему необходимо бороться не только с уклонами в партии, но и с примиренчеством к ним?

В ГВАРДИЮ ПЯТИЛЕТКИ — ТОЛЬКО СТОЙКИХ!

Из стих. Безыменского: «Зарисовки на чистке».

1. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО.

Кругом смеющиеся лица, —
И не поймет он, в чем секрет.
Быть может, нужно разозлиться,
Иль партбилетиком закрыться?
Но кем-то отнят партбилет.
Он хочет оправдаться сам
И шепчет, обливаясь потом,
Что он всегда, как честный зам,
Ходил в ячейку по средам,
Как раньше в баню по субботам.

2. НА ДВА ФРОНТА.

Иконы — это у жены.
Зато вождей на стенке вдвое.
Все мысли Дарвином [1] полны,
И нет богов, и все такое.
Он чтит все Марксовы труды...
Но в праздник он под гимнастеркой,
На случай тяжкой божьей мзды [2],
Домой несет святой воды
В бутылке из-под русской горькой.

3. ЖЕНЩИНА.

Затягивает пояс туже...
Ну, время тоже! Ну, дела!
Жена!
Жена пошла на мужа
И заявленье принесла:
— Хранит икону... пьет без меры...
Меня лупцует... нету сил...

---

[1] *Дарвин* (1809—1862 гг.) — известный английский естествоиспытатель.

[2] *Мзда* — награда, воздаяние.

Хотела сына в пионеры,
А он зачем-то не пустил...
Глазами смерили друг друга,
И муж отвел глаза тотчас.
И вдруг в сердцах рванулась вьюга,
И кто-то крикнул туго-туго:
— Вступай к нам, баба!
Будь у нас!
И встали все толпой густою,
Аплодисментами гремя.
И стал ей зал — родной семьею,
И бывшею тюрьмой — семья.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ

1. В чем был виновен партиец, пытавшийся во время чистки выставить себя «честным замом»?

2. Почему ссылка проверяемого на аккуратность посещения заседаний ячейки была встречена смехом присутствовавших? (Учтите замечание автора: «Ходил в ячейку по средам, как раньше в баню по субботам».)

3. Припомните: а) содержание заявления, поданного женою «зама», б) отдельные обороты ее речи, в) товарищеское предложение рабочего: «Вступай к нам, баба!» и решите вопрос: к какой социальной группе принадлежала женщина, выступавшая против мужа.

4. Перечитайте второй отрывок («На два фронта») разбираемого произведения и выскажите свое суждение о партийце, у которого «вожди на стенке», «мысли полны Дарвином» и который «чтит все Марксовы труды». Правильно ли поступило собрание, решив «отнять партбилет» у мужа и предложить его жене?

5. Какие результаты (помимо освобождения партийных рядов от примазавшихся, от подхалимов, бюрократов и вообще классовых врагов трудящихся) дает умело проводимая чистка? Каково ее значение для пятилетки в промышленности?

6. Изложите своими словами директивы ЦК ВКП(б) по вопросу о пополнении рядов партии рабочими от станка.

7. О чем свидетельствует подача заявлений (бригадами, цехами и даже заводами) о приеме в партию Ленина больших рабочих объединений? Почему желание стать в ряды ВКП(б) особенно усилилось у квалифицированных пролетариев именно в настоящее время?

ОТ ГОРЯЧИХ МАРТЕНОВ.

Из повести Шведова «Гвозди».

В середине июля завод остановился на ремонт.

Подошла пора отпусков. От горячих мартенов [1] ушли на месяц литейщики, от тянульных барабанов ушли на столько

[1] *Мартены* — мартеновские печи — дают чрезвычайно высокую температуру, при которой получается литая сталь путем сплавления чугуна с железом.

же тянульщики. Медленно стали остывать горячие печи. На заводе остались только сторожа да бригады, занятые на ремонте.

Мотька на все время отпуска получил путевку в дом отдыха металлистов. В прошлом и позапрошлом году он отдыхал в том же доме отдыха.

Вспомнив, что в этом месяце будут жить исключительно рабочие их завода, Мотька улыбнулся: «Это самое главное. Со своими куда веселее».

Дурманно пахли цветы табака. Горели факелы пионов.

У клумб остановил Мотьку сторож:

— Поздновато сегодня встал, Матвей! А ко мне братан из деревни приехал. Помнишь, я тебе о нем как-то говорил? Пришел он сюда к отдыхающим за подмогою и спрашивает у меня, к кому бы ему толкнуться насчет одного дельца. Я ему и говорю: «Иди, мол, да переговори с Матвеем Переведенцевым, а других я и сам не знаю».

— Ну, я пойду в столовую, дядя Василий, с твоим братаном толковать.

В столовой Мотька увидел крепкого и плотного, как кряж, парня.

Познакомились. Николай (так звали брата дяди Василия) сказал:

— У нас в округе нет нигде поблизости моста через речку. И речонка — не речонка, а кляуза какая-то, а ходу не дает. Она маленькая, но глубокая... А весной как разливается!.. Ниже, у фабрики, — плотина, она и сдерживает реку. Из-за плотины и река стала глубокой. Вброд перейти и не подумай даже. За рекой, на порубках, пастбищ много, а нам скотину некуда гонять. Был когда-то мостик простой, немудрящий, да в водополье и тот снесло. Мы уже давно решили построить хороший мост и уже всего наготовили для стройки. Закупили скоб, болтов, гвоздей. Баб сваи набивать наготовили. Лето в этом году жаркое, река не такой уж глубокой стала. Теперь я пришел к вам, в дом отдыха рабочих металлистов, за помощью. Думаю, что не откажетесь помогнуть в порядке смычки. Думаю, что уйду от вас обнадеженным. Построим сообща мост.

Мотька задумался.

— Думаю, что дело выйдет. Самое маленькое, думаю, человек пятнадцать отдыхающих на стройку придет.

— Ну, что ж, — ответил председатель вика, — человек пятнадцать, да если опытных — очень хорошо. Мы задумали моста три построить. А пока, для затравки, нам хотя бы один сделать.

Если от вас человек пятнадцать да от нас человек пятнадцать, — хорошая артель выйдет.

Расстались.

* * *

Отстали только «шикари». Никто из рабочих и не подумал отказываться. Даже главный счетовод из заводоуправления «Красный перун» — и тот изъявил желание работать на стройке моста.

До постройки отдыхающие шли, распевая песни.

Трое вальцовщиков [1] и трое крестьян с двух сторон стали на забивку первых свай. Взлетали вверх скованные железом «бабы». Сталевары Климохин и Симов согласились работать на скрепке свай и упоров. Тянульщик Владислав приготавливался к засъемке работ. Слесарь с болтового, работавший на левом берегу, крикнул:

— Вызываем на соревнование правый берег по постройке моста, принимая в расчет наши равные силы! Кто скорее и прочнее забьет сваи! Договор подписывать не будем. Обойдемся без бумажек!

Рабочие и крестьяне подтаскивали кряжи, вырубали гнезда. На реке качались плоты. Первые щепки пушистые, как утята, нехотя отплыли от постройки вниз по течению.

Когда на шипы устоев нагнали балки, работающие на том и другом берегу отошли под кусты отдохнуть и покурить. Их сменила запасная партия.

Горели костры, под песню тянулись сырые кряжи, под песню укладывали бревна в вырубленные пазы [2]. Восемь кряжей плотно прилегли на поперечные балки. Дымилось дерево, поддаваясь силе раскаленного железа.

Укрепив поперечные кряжи, принялись за настил досок. Ставили перила, закрепляли гайки на болтах, будто хотели своей силой навеки слить в целое древесину.

Когда настлали доски и укрепили перила, Мотька гоголем вышел на середину моста и на миг застыл от изумления; он увидел ящик из-под гвоздей, на одной стороне которого чернели надпись о размере гвоздей и фабричная марка завода «Красный перун».

Мотька прочитал надпись на ящике и подумал:

---

[1] *Вальцовщик* — работающий на приборах, придающих металлу форму листа или полосы.

[2] *Пазы* — 1) длинная узкая щель между досками, бревнами, недостаточно плотно пригнанными; 2) выемка в одной деревянной части, куда вгоняется выступ другой.

«Выходит, этот мост мы делали гвоздями нашего завода. В последнее время только я работал на станках, вырабатывающих гвозди таких размеров. Может быть, и эти гвозди сделаны, мною?»

На отстроенный мост входили рабочие. Мотька, указывая на ящик из-под гвоздей, сказал:

— Глядите, гвозди нашего завода... Может быть, я их делал.

— А я, наверное, их сортировала! — сказала Аксинья. — Кроме меня, в сортировке гвоздильщиц нет. Я ведь одна во всем заводе.

— А я марку по шаблону делала и гвозди запаковывала! — вставила свое слово Сонька.

— А я ящики для гвоздей делала!

— Ну, гвоздики ржавые, чего раскричались? Много ли вас пойдет на фунт отсортированных?— сказал подошедший тянульщик. — Бахвалитесь, бахвалитесь, а толку от вас немного! Если б не работали мы, то и вам не работать. Мы вам проволоку готовим. Если мы проволоки не натянем, так вам не из чего будет гвозди делать. Вы от нашего цеха зависите! — и улыбнулся, показывая корешки гнилых зубов.

Тянульщика перебил вальцовщик:

— А вы, тянульщики, чего бахвалитесь? Что вы будете без нас делать, если мы вам катанки у себя в вальцопрокатке горячим способом не приготовим? Погибнете без нас.

— А я — всех вас давишь! — сказал литейщик Петр. — Мы, литейщики, всему заводу голова! Мы делаем литье. Можем из литья сделать колеса, шестерни [1], цилиндры рзличные, можем сделать болванки[2], потом наши болванки идут в прокатку, а из прокатки — во все другие отделения. Все вы делаете и обрабатываете уже нашу работу. Сталелитейная — всему заводу голова! Без нашего цеха вы все ничто.

На мосту, около пустого ящика из-под гвоздей, спорили рабочие. Каждый из них старался доказать, что его профессия важнее для выработки гвоздей, чем другие. К спорящим подошли крестьяне. Ивантеев, вслушавшись в споры рабочих о гвоздях, спросил:

— Чего вы около пустого ящика из-под гвоздей спорите? Слышу: спорят о гвоздях; решил подойти и узнать, не сродни ли вам те гвозди, которые были в этом ящике, что спор такой завели?

---

[1] *Шестерня* — зубчатое колесо с шестью зубьями.

[2] *Болванка* — грубо сделанная вещь из металла, глины, дерева, требующая дальнейшей обработки.

— Вот именно, нам эти гвозди не только сродни, но родные. Мы работаем на том заводе, где делаются эти гвозди, и даже, может быть, мне пришлось запаковывать этот ящик.

— Вот какое дело! Дело хорошее! Давайте побольше гвоздей да подешевле. Знаете, сколько мостов еще надо строить!..

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Как откликнулись отдыхающие на предложение Василия? Опишите совместную работу металлистов с крестьянами. Предварительно составьте план.

2. Каким образом связаны «медвежьи углы» нашего Союза с заводом «Красный перун»?

3. Проводите ли свой отпуск в деревне? Если да, то что вы делаете для проведения политики правительства и партии в вопросах сельского хозяйства?

4. В чем должна выразиться организующая и воспитательная роль пролетариата по отношению к батрацкой и бедняцкой крестьянской массе?

5. Что вы знаете о деятельности рабочих бригад, командированных в деревню для постоянной работы или проведения кампании? Дайте обстоятельный ответ.

МЫ ДОЙДЕМ.

Отрывок из очерка И. Жига «Новые рабочие».

> Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех слоев рабочих, которые упорно держатся традиций, привычек капитализма и продолжают смотреть на Советское государство попрежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже, содрать с «него» денег побольше. Разве мало таких мерзавцев среди рабочих?
>
> В. И. Ленин, О характере наших газет.

Не будем мы надевать себе «розовые очки на нос», а посмотрим на рабочую жизнь открытыми глазами.

* * *

На сцене задребезжал звонок. Люди хлынули вперед. Председатель суда поднял руку, и сразу наступила такая тишина, словно и не было никого. Спокойно и деловито спросил:

— Дубинин здесь?

— Здесь.

Все вытянули шеи. Некоторые приподнялись, чтобы взглянуть на него.

— Приступая к разбору дела Владимира Дубинина, — продолжал председатель, — надо сказать, что мы судим Дубинина товарищеским судом. Это значит, что судить должны не только мы, вот здесь трое сидящих, но и все присутствующие здесь товарищи. Владимир Иванович Дубинин на заводе работает с осени 1923 года. Здесь он и показал себя как дезорганизатор производства: часто опаздывал на работу, на завод приходил иногда пьяным, работал небрежно и систематически недовырабатывал установленной нормы. Владимир Дубинин виновен в следующем. Первое: самым беззастенчивым образом нарушал трудовую дисциплину, без которой немыслима заводская работа. Второе: вместо того, чтобы укреплять и развивать товарищеские отношения на заводе, он вносил дезорганизацию и разложение в рабочую среду. Третье: вместо того, чтобы повышать производительность труда, — что сейчас делают все сознательные рабочие и в чем заинтересован рабочий класс — хозяин социалистической промышленности, — вместо этого Дубинин призывал к противному, во вред рабочему классу...

Сад зашумел, загудел. Рабочие уже начали обсуждать поступки Дубинина, но председатель остановил.

— Гражданин Дубинин, признаете ли вы себя виновным? — спросил он.

— Нет. Дайте слово мне, — ответил Дубинин и дерзко заговорил: — Вы меня обвиняете в нарушении дисциплины, а я вам скажу — в старой армии на что была дисциплина строга, и то я ее не исполнял. Я работал, я старался, ну, только, извините, я хочу работать так, как я хочу, а если вы будете подходить да будете говорить: «Работай лучше, работай больше», а сами расценки будете снижать, — к чорту такую работу!.. Теперь насчет завода. Вы хотите, чтобы я любил завод. А что, разве он баба? А потом, если бы он был мой, может, я тогда и любил бы его, а то чего ж его любить, если тут тебя и в холку, и в гриву дуют!

— Чей же, по-вашему, завод? — спросил председатель.

— Чей? Да ваш! Вы — хозяева, ваш и завод. Вы командуете нами, вы нас эксплоатируете, вы нас судите, а мы, что мы? Как были рабы, так и остались. Наше дело махонькое: знай, как верблюд, работай и не разговаривай.

— Правильно! — кто-то поддустил басом.

— К чорту! — закричали несколько голосов. — Это издевательство над нами, это безобразие!

Многие рабочие повскакали с мест и готовы были с кулаками кинуться на Дубинина.

Председатель предоставил слово свидетелю. На сцену вышел высокий длинноногий парень. Переступая с ноги на ногу, он спокойно и просто начал рассказывать.

— У нас с Дубининым станки подряд. И вот я расскажу, как Владимир Иванович работал, как вел себя, о чем говорил... Пришел Дубинин к нам на завод. Дали ему станок, помогли ему с машиной освоиться, начал он работать и все, бывало, спрашивает: «И только-то?» — «Что только-то?» — говорим мы. — «И вся, — говорит, — работа?» — «А что тебе еще нужно?» — «Да, — говорит, — делать нечего, за что, — говорит, — вы деньги тут получаете». Правда, норма тогда была низкая, и впрямь делать нечего было: нас не толкали, и мы помалкивали — греха, братцы, таить нечего. А тут Ильич скончался, встрепенулись мы, загорелись, можно сказать. Многие из нас в партию пошли; стали мы сами себя критиковать; что же, — говорим, — работаем-то скверно мы. Напротив довоенного и половины не делаем. Стыдно, — говорим, — ребята: все дело от самих зависит, завод-то нам принадлежит. Работал и Дубинин. Зря нечего говорить, — хорошо работал. Ему показалась даже наша жизнь хороша, а крестьянская никудышная. Выходило это у него так, как будто мы, значит, от революции в выигрыше, а крестьяне в проигрыше. Но мы замечать стали: чем больше мы налегать начали, чтоб, значит, поднять производительность, чем больше мы соглашались норму увеличивать, тем все больше Владимир Иванович становился злее. «Здорово, — скажет, — нажимают на нас, пора бы и отпустить». А я ему, бывало, и припомню: «Ну, как насчет деревни-то, меньше, говоришь, работаем?» — «Нет, — говорит, — одинаково». В уборных он начал проповедывать, что, мол, и в городе, и в деревне одинаково скверно жить стало, что коммунисты с буржуазией да со спецами стакнулись, что все только про свои карманы думают. Одним словом, наше дело, по его выходило, швах, надо новую революцию начинать.

Новый свидетель заговорил:

— Я, братцы, живу в одной квартире с Владимиром Ивановичем. И вот я скажу: жил он хорошо, никуда не ходил, ни с кем не водился и не пил, и не безобразничал...

— Это еще ничего не доказывает! — крикнул кто-то.

— Нет, братцы, доказывает. Ить мы вон, как чуть деньга в кармане звякнула, счас ее в пивную иль на горькую, фук! Лети, матушка, на все четыре стороны! А сами опосля в кулак свистим. А Владимир Иванович не такой. Он зря деньги не тратит, он даже

из деревни и сало, и хлеб, и масло, и яйца получает. Он только рублей двадцать в месяц расходует, а остальные полсотки, или больше, в деревню. Вот как! А то, говорите, шкурник он...

— Ха-ха-ха, — это ж и есть шкурник, раз он только о деньгах и думает.

— Об чем же нам еще-то думать? — удивился свидетель.

Весь сад разразился хохотом, свистом, криками.

Выступил комсомолец:

— Я, товарищи, нынче летом был в отпуске в деревне, а с Дубининым мы в селе соседи. На заводе он выставляет себя бедняком-крестьянином, жалуется, что его будто бы задавили налогами, а я вам скажу, товарищи, — возвысил голос комсомолец, — Дубинин на два фронта действует: тут работает и в деревне хозяйством руководит, и делает он это очень даже замечательно. Земли у него двенадцать гектаров, часть он отдает своим же односельчанам в аренду, а часть ему работают исполу. И он, понимаете ли, устраивает такую комбинацию: корму для скота на его часть много приходится — целый сарай одного сена накашивают. И вот... лошади у него нет, она не нужна ему... зиму он кормит одну корову, а остальной скот — под нож. Весной поэтому у него остается масса сена, а мужики весной сено нарасхват. «Дай только, батюшка, летом отработаем». Вот Владимир Иванович часть сена продает, часть отдает мужикам, а они ему землю пашут. Наступает лето, он покупает вторую корову, а то и две, покупает поросят штуки четыре, телят, овец. Летом, когда скот в поле ходит, он по скоту богач, и в это время запасается маслом, творогом, яйцами и т. д. А осенью, когда приходит время налог платить, Владимир Иванович скот весь по-боку, оставляет опять одну коровенку и делается бедняком. ...Налогу он еще ни разу не платил, взять не с чего — одна коровенка, декрет не разрешает. Вот, понимаете ли, какая хитрая механика! Если Владимир Иванович бунтовать начал, значит ему теперь плевать на завод, он теперь в деревне будет кадило раздувать.

Неожиданно на сцене появился Гусев.

— Товарищи, — басом крикнул он, — сегодня мы судим нашего товарища. А за что? — За то, что он оказался паршивой овцой среди нашего стада.

— Правильно! — снова подхватили рабочие.

— Он, понимаете ли, хочет, чтобы дисциплины на заводе не было. А какие ж мы тогда будем рабочие, если разбредемся, кто в лес, кто по дрова? Он говорит, что завод, мол, ваш, вы хозяева, а мы как были рабы, так и остались рабами. Товарищи, нешто рабочий так может говорить? Да за такие слова надо расстрелять

каждого, потому — для чего ж мы тогда революцию делали? Да это ж, товарищи, контрреволюция сидит перед нами в лице гражданина Дубинина.

Рабочие, возбужденные, наэлектризованные горячей речью Гусева, были согласны с ним. Нарастало враждебное чувство у окружающих к Дубинину.

После Гусева на трибуну вышел Рыжов, Константин Миронович. Спокойный, аккуратно одетый, этот беспартийный активист производил выгодное впечатление.

— Товарищи, давайте разберем по существу, что произошло у нас на заводе. Наш рабочий Дубинин пьянствовал, хулиганил и дошел до того, что избил мастера. Он сам эту вину не отрицает. Но прежде чем говорить о Дубинине, я хочу задать вопрос, товарищи, а как вы думаете, мы тут ни в чем не виноваты? Один ли у нас Дубинин проделывал такие штуки? К сожалению, это делают многие. Это позорное явление у нас, товарищи, имеется. И поэтому, осуждая Дубинина, мы должны осудить и то, что породило дубининщину. А породила ее, товарищи, наша собственная расхлябанность. Мы поотпустили гайки себе, развинтились. Мы стали сыты, обуты, одеты и на все махнули рукой. Мы видим, например, на улице пьяного рабочего, и нам хоть бы что, как будто бы так и надо, или, в лучшем случае, — наплевать! ...Мы видим хулиганствующего рабочего, а нам и на это наплевать. К нам на завод приходят пьяные рабочие или приносят с собой водку, а нам наплевать. Наши же товарищи по станку делают прогулы за прогулами, а нам на все наплевать. Мы, наконец, видим, — возвысил голос Рыжов, — что среди нас имеются рабочие, которые поддерживают подобных негодяеев, а мы и тут плюем. Мы снисходительно улыбаемся: несознательный, мол, рабочий. А этот рабочий плюет нам в лицо, и мы только утираемся. Мы не замечаем, что среди вот таких якобы несознательных рабочих на наших фабриках и заводах завелись самые доподлинные фашисты [1].

В саду наступила жуткая тишина.

— И я теперь спрашиваю вас, — решительно зазвенел голос Рыжова, — я спрашиваю вас, можем ли мы на все это плевать? Что ж в конце концов получится? А то, что мы уже и имеем с Дубининым: нам слова нельзя сказать, сейчас в морду. Вот почему я и предлагаю: осуждая Дубинина, мы должны в первую

[1] *Фашисты* — боевые вооруженные организации буржуазии за границей, направленные против рабочего движения. Здесь «фашист» употреблено в смысле: готовый к активному боевому выступлению контрреволюционер.

очередь осудить дубининщину. Вместе с Дубининым мы должны выбросить эту проклятую дубининщину за ворота и накрепко их закрыть, чтобы не могла она больше проникнуть к нам!

Стоило Рыжову бросить лозунг: «Вон Дубинина и дубининщину», как все повскакали с мест и изо всех сил били в ладоши, крича:

— Правильно!

Возбужденные рабочие быстро перекидывались фразами, делились впечатлениями от произнесенной речи и снова со вниманием слушали.

Дубинин сидел, как затравленный волк.

— Вы все против меня, — крикнул он. — Своя шкура всегда дороже! Как были вы подхалимы и предатели, так и остались. И на все ваши слова я отвечаю: пойдите вы к чо-ор-ртовой матери! Вот и все. Я завтра же уеду домой, а вам все равно не подчинюсь. Поняли? Шваль!.. — Дубинин сплюнул и сел спиной ко всем.

Рабочие, как ошпаренные, повскакали с мест, некоторые с кулаками бросились к Дубинину.

— Крышка теперь, — раздавались голоса, — сами прижмем сволочей, чтоб не пикнули, а то, ишь, голову задрали: «Не подчинюсь». Нет, подчинишься, голубчик, справимся!..

Провожаемый бранью, согнувшись по-вольчи, рысью пробежал Дубинин мимо рабочих, вырвался за ворота и скрылся в переулке.

* * *

Спустя несколько дней я снова пришел на завод, чтобы посмотреть, произошла ли какая-нибудь перемена после суда над Дубининым. Снова вокруг меня гремели вальцы, громадные ножницы как бумагу резали толстые медные листы, в кузнице бухали, содрогая землю, паровые молоты.

В литейной попрежнему клубился зеленый дым, взмывал из-под земли зеленый огонь, во рту становилось сладко, но мне уже показывали новую литейную, чистую, бездымную, электрическую. Рабочие с радостью говорили об этой литейной. Говорили, как о достижении завода, как о своей победе, и с гордостью заявляли:

— Это, брат, не литейная, а прямо театр, в перчатках работать будем...

В уборной, — в этой заводской лаборатории, где вырабатываются сплетни, где «дым стоит коромыслом» от табаку и крика, — теперь удивительно тихо. Людей немного. Подолгу не

задерживаются. Забежит человек, покурит и снова убегает к станку. Ясно, произошла какая-то перемена, какой-то глубокий сдвиг в заводской обстановке. Казалось, торчала раньше заноза в заводском теле, нарывала она, отзывалась болью, люди нервничали, спорили, ругались, не понимали друг друга, хотя и говорили как будто на одном языке. А теперь вот выдернули эту занозу, и всем стало легче, успокоились, нарыв прошел, сразу все и всем стало понятно.

В уборной я спросил у рабочего:

— Ну, как после Дубинина и дубининщины?

— Го, брат, совсем другое дело пошло. Словно новая сила скрутила расхлябанную волю, приковала к станку и приказала: «Работай!»

Когда я вышел из завода, набережная вздрагивала от заводской работы.

Я шел мимо завода, и, глядя на этот чудесный грохочущий город, на дымящиеся трубы, на сверкающую маслом Неву, думал, что в своем движении вперед мы, действительно, свершили грандиозный [1] исторический «поворот». Миллионы людей наша партия повернула на новый путь. Оставляя трудности позади, преодолевая болезни, мы идем вперед, и с нами идут и миллионы.

Перед нами, как Нева, широкая и ясная дорога к цели, и мы дойдем, потому что наши кони хорошо везут, наш рулевой хорошо управляет, сил у нас хоть отбавляй.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Дорожил ли Дубинин мнением товарищей по работе? О чем свидетельствует замечание подсудимого: «Вы хозяева, ваш завод. Наше дело махонькое»?

2. Учтите показания комсомольца и решите вопрос: с какой целью Владимир Иванович поступил на завод?

3. Можно ли хозяйство Дубинина считать бедняцким? а середняцким? Почему? Дайте ответ со ссылками на текст отрывка.

4. Разъясните товарищам (по бригаде, по цеху, по школьной группе), что заставило Владимира Ивановича показывать себя первое время примерным рабочим.

5. Только ли снижение расценок побудило Дубинина показать свое истинное лицо? (Припомните содержание разговоров Владимира Ивановича с Рыжовым.)

6. Назовите отдельные моменты дезорганизаторской и подрывной деятельности Дубинина. Почему рабочие решили предать его только товарищескому суду?

7. Как и в чем именно изменилась жизнь на заводе после ухода Дубинина? (Перечитайте последнюю часть очерка: «Спустя несколько дней я

---

[1] *Грандиозный* — великий, величественный, громадный по размерам.

снова пришел» и т. д.). Где следует искать причину усиления труддисциплины и исчезновения рваческих настроений среди рабочих? Подумайте над словами Ленина, приведенными в начале отрывка и сопоставьте их с тем, что вы прочитали в заключительных строках рассказа. Сделайте вывод.

8. Какой смысл вы придаете словам автора: «Наши кони хорошо везут, наш рулевой хорошо управляет»?

9. Напишите небольшую статейку (2—3 страницы) на тему: «ВКП(б) вывела на новый путь миллионы строителей социализма».

ЧТО Я ВИДЕЛ.

Очерк А. Серафимовича.

— Надо рационализировать [1] свою жизнь до мелочей... уплотнить... Ты посмотри, как теперь рабочие! Нельзя губы развешивать по-старинке... Во сколько едешь?

— В десять тридцать.

— Ага, скорым. Ну ладно, сиди и жди. Я возьму такси [2] ровно в десять десять заеду за тобой, две минуты — спуститься по лестнице и сесть с вещами на такси, пятнадцать минут — до вокзала, две с половиной минуты — выйти из такси, дойти и сесть в вагон, полминуты — оглядеться в вагоне, итого десять тридцать и... марш!

Я вздохнул:

— А не лучше ли на извозчике и пораньше выехать?

— Ну вот, ты всегда так: заберется за два часа до поезда на вокзал, сидит на платформе, ждет и боится опоздать, пока поезд подходит. Ведь это неразумная трата времени. Это ж по-старинке, помни — теперь так нельзя жить. Необходимо уплотнять время.

Я опять вздохнул, ну, уплотнять и уплотнять, — молодым и книги в руки. Покорно стал ждать.

Десять десять. Гудок. Такси. Две минуты спускались. Пятнадцать минут неслись. Две с половиной минуты... две с половиной... словом, когда надо садиться, последний вагон закраснел убегающим фонарем, и я — на пустой платформе, — ровно на полминуты мы зацепились.

— Ну, что? Ничего. А как на фабрике, что же думаешь, разве гладко рационализация проходит? Тоже со всячинкой. ...«Это действительно!..» — подумал я. ...Ехал я на тихоходном пассажирском поезде, пропадал от табачного дыма, скуки и семечек, которыми плевались отовсюду.

---

[1] *Рационализация* — улучшение работы производства на основе разумного усовершенствования.

[2] *Такси* — легковой автомобиль для перевозки пассажиров за точно высчитываемую (по счетчику) плату.

Вот она — станция Никифоровская под Козловом. Встречает товарищ. Верхняя губа молодая, голая, начисто подбритая. Глаза крепкие, серые, чуть с ухмылкой — глядит на человека в лицо, а и сзади всего видит, — у него не вывернешься. Рабочие ласково встречают, трогают кепку:

— Красному директору!

Ага, любят парня.

Ведет нас на свое производство — бэконная фабрика. Это — свиная фабрика, — свиней не выделывают, а разделывают.

Длинное-предлинное, низкое, сводчатое, без окон (горит электричество) здание. Электрические лампочки теряются в бесконечной дали бесконечной вереницей. Чувствуешь себя в странном подземелье, — вода, холод.

Вот на одном конце подземелья рабочий хватает свинью — раз! — крюком за ногу, поехала свинья, вися вниз головой, к судьбе своей неотвратимой. Следующий точным, коротким движением перехватывает ей горло. И уже молча свинья ползет по воздуху с красным фонтаном из горла. Следующий ее ошпарил, следующие ее оскребли, следующий с изумительной ловкостью испанского матадора [1] длинно сверкнувшим ножом одним движением распахнул ей грудь и брюхо, причем линия разреза должна быть математически точна. На миллиметр в сторону — брак. Англичане — строгий народ.

Но если все сделано математически точно, если упаковка также стандартно [2] точна, то свинья едет к лордам и шлет нам золото, т. е. тракторы, машины. Вот почему рабочие с таким страшным напряжением колют горло, распахивают грудь и брюхо, нечеловечески метко отрубают голову, ноги.

Как и во всей производственной громаде Союза, и тут свои бури, свои взрывы, катастрофы, столкновения.

Свиней поставляют раздробленные крестьянские хозяйства. Предложение крайне неровное, колеблющееся, — то нагонят кучу, то, поддаваясь разным слухам, торопливо сами режут и едят, и фабрика вынуждена останавливаться.

Случилось, погнали свиней целыми гуртами [3]. Заполнили приготовленные стойла, заполнили дворы, сараи, расположились, глазом не охватишь, на улице, на выгоне, — но ведь это же катастрофа! Тысячи свиней! Ведь их же надо держать, за ними надо

---

[1] *Матадор* — участник боя быков (в Испании), наносит шпагою последний (смертельный) удар быку.

[2] *Стандарт* — точно установленный размер, обязательный для однородных предметов и изделий.

[3] *Гурт* — стадо, пригоняемое на продажу или убой.

смотреть, свинья — нежное создание, чуть не доглядел, она и сдохнет на зло. А, храни судьба, затесалась заразная, — так ведь глазом не успеешь моргнуть, тысячи повалятся.

И вот, когда нагнали свиней без меры, фабрика задрожала — пробка! Сразу могут свалиться колоссальные убытки. Прощай, валюта! Красный директор побледнел, как полотно, свиньи все подваливают да подваливают, необозримо стоит свиной визг, хрюканье, поднятые свиные уши.

Красный директор созывает административно-техническое совещание и говорит:

— У нас пробка, а свиньи все прибывают, — катастрофа. Мы убиваем в среднем пять тысяч голов в месяц. Надо убить...

Он приостановился, потом раздельно уронил четыре страшных слова:

— у-бить шест-над-цать ты-сяч в ме-сяц...

Водворилась могильная тишина: десять пар блестящих глаз смотрели, не отрываясь, на директора, лицо которого было обреченным.

И в той могильной неподвижности опять упал голос:

— ...и без снижения ка-чес-тва!!!

Тогда заговорили, все так же глядя на него блестящими глазами, заговорили ласково и нежно, как говорят с больным ребенком, с ласковой улыбкой на судорожно дергающихся губах:

— Товарищ директор, это, понимаете ли, невозможно...

«Тронулся!»

— Физически невозможно...

«...к вечеру свезем...»

До самого утра не расходились, окарауливая спятившего директора, как бы не поджег фабрику или не взорвал на воздух.

А свихнувшийся директор созвал экстренное собрание одних рабочих. Сказал им:

— Либо мы пробьем пробку, шестнадцать тысяч свиней обделаем, либо свиньи подохнут, государство понесет громадные убытки, фабрика крахнет, валюты [1] не дадут. Как, ребята,—сдюжаем?

Кто курил собачью ножку, кто вяло глядел соседу в спину, кто лузгал семечки, иной лазил по столу, ища неположенного. За окнами стоял бескрайний свинячий визг, гомон, беспокойство.

Один сказал:

---

[1] *Валюта* —1) денежная единица, признаваемая законодательством данной страны; 2) совокупность всех денег данной страны (русская, английская и т. д.).

— Ну и что ж: надо — так надо, шешнадцать — так шешнадцать, понатужимся, може, и одолеем.

Стукнул кулаком по столу свихнувшийся директор, гаркнул:

— Нам нечего свинячьим хвостом вилять. Одно: либо не беремся, не одолеем, ну, так и поставим. Либо беремся, ннo!..

Он опять хряпнул по столу:

— ...ежели постановим сейчас взяться убить шестнадцать тысяч, а в работе кто из вас сдаст — за ворота!! Слова не скажу, выкину, как щенка. Смотрите, сейчас хорошенько подумайте, взвесьте силы. Помните: мало убить — чтоб к тому же ни единого браку не было. Ежели постановите убить шестнадцать, пощады не будет.

Постояла тишина. За окнами отчаянно гомонили свиньи.

Люди все лазили глазами по потолку, другие дымили собачьими ножками.

А один сказал:

— Ну и что ж: шешнадцать — так шешнадцать, пиши резолюцию.

А убили не шестнадцать, а *восемнадцать тысяч* за месяц. В бесконечном, придавленном помещении, без окон, похожем на камерное подземелье, стоял ледяной холод — в стенах ледники, а с рабочих бежал пот, едко заливая глаза. Они, ни на секунду не прерывая взмахов руки, кололи, распахивали свиной живот, ошпаривали, скребли, отрубали ноги, головы и тушу за тушей опускали в рассольный чан. Браку не было. Англичане готовили валюту, и некогда было смахнуть ручьями катившийся пот, слепивший глаза, солено заливавший рот.

На границе англичане не забраковали ни одного свиного вагона. Валюта. Тракторы едут.

И все-таки кто-то бросил в машину на электрической станции фабрики кусок железа. Во-время заметили, иначе в самый захватывающий разгар работы фабрика стала бы, все полетело бы кувырком.

— А ведь страшно это. Да не материальные убытки, не потеря валюты, — поправили бы, восстановили бы, снова пустили бы фабрику, в конце концов убытки бы заравняли. Не это. А вот, что среди рабочих находятся такие, что бросают в машины железо...

Он медленно завертывал козью ножку, согнул ей коленко, достал кисет, стал засыпать махорку, тщательно подбирая на ладони, равнодушно, не слушая меня.

Потом закурил, пыхнул, сказал:

— Чудной ты! Один железину кинул, а тут тысяча везет, ужели остановить! Шабаш[1]... теперича и захочешь вертаться, — не вернешься. Каюк.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. От кого и почему требуется сейчас «рационализировать, уплотнить жизнь до мелочей»?

2. Чем вызываются «зацепки» при рационализации производства? (В ответе сошлитесь на пример работы бэконной фабрики.)

3. Как отражается на жизни предприятия зависимость от частных поставщиков (в данном случае — раздробленных крестьянских хозяйств)? (Подробно остановитесь на простоях и «пробках».)

4. Дайте оценку отношения к «пробке»: а) административно-технического персонала фабрики, б) рабочих, в) красного директора. Сделайте выводы.

5. Учтите условия, предъявленные рабочим (утроить количество без снижения качества, повысить труддисциплину и т. д.), и согласие последних; подумайте над вопросом: что побудило собрание принять предложение докладчика? Постройте обстоятельный ответ.

6. Для кого было важно устроить поломку машины на электростанции бэконной фабрики? Увенчалась ли успехом вылазка классового врага?

7. Вскройте смысл замечания ударника: «Один железину кинул, а тут тысяча везет, ужели остановить! Шабаш... Теперича и захочешь вертаться, — не вернешься. Каюк».

8. Составьте краткий отчет (2—3 тетрадочных страницы) о результатах работы ударных бригад предприятия (или учреждения), с которым вы связаны. В конце отчета необходимо дать общую оценку ударничества, его роли в социалистическом строительстве.

КОМСОМОЛЬСКАЯ УДАРНАЯ БРИГАДА.

Отрывки из пьесы А. Безыменского «Выстрел».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

П р и ш л е ц о в — завтрампарком.
Г л а д к и х — ответственный секретарь ячейки.
Г р а е в с к и й — помзав механической, член бюро ячейки. В гражданской войне был начальником партизан.
Ч е к м а з о в — слесарь; раньше, при бельгийцах, был первым мастером.
Г о р и н — слесарь.
С т е п а н о в — токарь.
П и щ а л о в — вагоновожатый.
К у д р и н — токарь.
П а н о в — мастер.
Д е м и д о в — старый партиец, старый рабочий.

[1] *Шабаш* — кончено, довольно.

Оволь — секретарь комсомольской ячейки.
Шелкунов — кондуктор; бывший городовой.
Брест — инженер.
Сорокин Иван
Корчагин Николай
Власюк Федя
Лена
Остапенко
} комсомольская ударная бригада капитального ремонта.
Инструктор.
Рабочие, кондуктора, вагоновожатые и др.

КАРТИНА 1-я.

Трамвайная канава. Виден трамвайный вагон. Ряд слесарных тисков. Корчагин — на крыше. Остапенко прикрепляет дощечку: «Обновлен комсомольской бригадой капитального ремонта». Сорокин, Лена прыгают от радости. Васюк задумчив.

Корчагин. Кончаем, братцы.
Лена. Выпускаем.
Остапенко. Запротоколил — ставь печать.
Сорокин. Да, это дело мы кончаем,
Чтоб новые дела начать.
Корчагин. Ну-с,
Морген [1] утречком приемка, —
И наш вагон покажет прыть.
Власюк. Уж больно радуемся громко, —
Печали б тихой не нажить.
Остапенко. У нас, брат, и печаль была бы
Семьсот Шаляпиных громчей.
Сорокин. Эх, тютя.
Корчагин. Скептик [2].
Остапенко. Нытик.
Лена. Баба.
Власюк. Спасибо.
Вас за трепачей
Я не считал еще доселе.
А нынче даже бригадир...
Лена. Победе нашей ты не рад.
Власюк. Я? Очень рад.
Лена. Так в чем же дело?
Власюк. Да в том, что смело говорят,
Но делают весьма несмело.

---

[1] *Морген* (немецкое слово) — завтра.
[2] *Скептик* — человек, относящийся ко всему с недоверием и сомнением.

Сорокин. Вот что, ребята! Я хотел
Сегодня радоваться только,
Но если уж коснулось дел,
То нам держаться надо стойко.
Я слышал речи шептунов,
Что нам ударников не надо,
Что с тем и создана бригада,
Чтоб сжить со свету стариков.

Корчагин. Граевский прет сюда с Озолем.
Всем Фордам в темпе[1] нос утрем!

Входят Граевский и Озоль

Граевский. Ребята! Что вы! Поздно очень!
Давно кончить вам пора.
Быть можно пламенным рабочим
И быть влюбленным в вечера.

Озоль. Поэт сказал бы: вечер летом —
Дитя, заснувшее в пути...

Корчагин. А если нам трамвай вот этот
Дороже всякого дити?!

Граевский. Ну, что ж! Работайте. Ведь мы вас
не неволим.
Вам кое-кто готовит пакость,
Чтоб уничтожить вас совсем.
Вы не понравились лентяям!

Лена. Так это что ж! Комплимент[2]?

Граевский. Нет, это окрик часового.
Враги ведут себя хитро!

Входят Пришлецов.

Пришлецов *(Сорокину)*.
А! Бригадир! Ты, брат, героем.
Трамвай окончил? Очень рад.
Мы праздник маленький устроим,
И я произнесу доклад.
На поле, в шахте, на заводе
Работаете вы всегда,
А мы... Не плохо руководим.
Се — разделение труда!
И вы и мы в мученьях трудных,
Мы все — строители страны...

---

[1] *Темп* — степень скорости.
[2] *Комплимент* — любезность.

Сорокин. Почаще
Замечайте в будняx,
А в праздник
Мы и так видны!

КАРТИНА 3-я. МИНИАТЮРА 18-я.

Чекмазов. Ну? Сговорился? Все готово?
Пароль условленный — «харчи».
Ты — бывший чин городового,
Мы в пристава...

Шелкунов. Молчи! Молчи!

Чекмазов. Ну? Кто там есть?

Шелкунов. Четыре парня.
Один был раньше офицер,
Другой имел свою пекарню,
Еще эсдек,
Еще эсер...

Чекмазов. Такой товар нам пригодится.

МИНИАТЮРА 19-я.

Группа трамвайщиков, в центре Степанов. Бедняк, мол, им нужен!
Кулак не годится!
Все тянут и тянут!
Мол, правый уклон!
Ну, вот поглядим, как они, комсопливцы,
Починют теперя второй вагон...

МИНИАТЮРА 20-я.

Группа трамвайщиков, в центре Горин. Расценок понизят!
Мол, твари!
Ленивцы!
Зажали!
Прижали!
Знать выгонят вон!
Ну, вот погляди, как они, комсопливцы,
Починют теперя второй вагон...

МИНИАТЮРА 22-я.

Граевский. Товарищи! Понять нам надо,
Где мы сильны и где слабы.
Случайно стала здесь бригада

Опорным пунктом для борьбы.
Случайно! Да! Я повторяю:
Всем вместе драться надлежит.
Но кто-то спит, а кто-то сыт
И у кого-то хата с краю.

Сорокин. Когда работаем мы, братцы,
Следят за нами сотни глаз.
Я, в общем, не привык бояться,
Но боязно и мне подчас.

Граевский. Записку я нашел в кармане.
Она полна больших угроз.
Бодрей, ребята! Помни, Ваня,
Что ты ответственность понес.
Враги грозят. Они тут близко.
Не будем же и мы нежны!

Лена. Приветствую тебя, записка,
Как объявление войны!

КАРТИНА 6-я. МИНИАТЮРА 5-я.

Чекмазов. Бригада ходит в новой роли...
Проект [1] Сорокиным внесен:
Для сборок подвести контроллер
Катать тележку под вагон.

Пищалов. Но это ж хорошо весьма!

Горин. Лупи! Дави! Не то капут.
Мешай работать! Издевайся!
Рац-нализацию введут,
А там с работой распрощайся.

КАРТИНА 8-я.

Панов. Где Сорокин?

Граевский. А что?

Панов. Приемку проводить.
До срока сделали вагон-то!

Степанов. Кому нужна такая прыть?

Демидов. Для производственного фронта!
И для тебя...

Степанов. При чем тут я?

Демидов. Ну, как же ты не понимаешь?
Трудится Ваня за тебя,
А ты за Ваню отдыхаешь.

---

[1] *Проект* — предположение, плановое предложение.

Степанов. Сорокин хапает чужое!
Разряд такой, как у меня,
А вырабатывает вдвое.
Демидов. Меж вами разница...
Большая разница, Емеля!
Он будет бодрым от труда, —
А ты устанешь от безделья.
Панов. Ты что, старик, навеселе?
Демидов. Нет, я любуюсь этим парнем:
Башка и сердце — на селе,
Штаны с карманами — в токарной.
Степанов. Деревню не отдам, небось,
За проклятущую машину!
Панов. Ну, это ты, парнюга, брось!
Станок обидишь — в морду двину!
Граевский. Ты этак убеждать привык?
Демидов. Не трожь, Петряй! Пусть будут драться.
В словах горяч...
Панов. Молчи, старик!
Демидов. Зато работает с прохладцей.
Панов. Молчи, старик!
Граевский. Чего «молчи»?
Бригада раздувала дело.
А вы, лентяи,
трепачи,
Лишь только гадили умело.
Панов. Кто гадил?
Граевский. Ты.
Панов. Я — в стороне.
Граевский. Такие люди нам знакомы!
Они участвуют в войне
Не иначе, как сидя дома.
Ты в их числе.
Панов *(свирепея)*. Я не таков.
Демидов. Не видно.
Панов. Зря болтать негоже!
Создам бригаду стариков,
И мы покажем молодежи!
Граевский. Ур-ра!
Панов. Но...
Граевский. Браво! Ура!
Панов *(разводя руками)*. А я доказывал вчера,
Что ты бы высказался против,

Граевский. Чудило! Кройте молодежь! *(Обнимая Панова).*
А молодежь покроет вдвое.
Панов. Как-то не поймешь...
Граевский. Пойми, чудак! Ты дрыхнул стоя,
А тут не хочешь, да идешь.
Не зря бригада билась в дверь...
Крик за сценой. На целый час!

Вбегают: Озоль, Лена, Сорокин, Власюк, Остаменко и др.

Сорокин *(запыхавшись)*. Батюшка! Людей!
Власюк. Ох, мать честна!
Лена. Как стыдно стало!
Пришлецов *(рабочим)*. Вы почему не на работе?
Производительность труда...
1-й рабочий. Мы поглядеть...
2-й рабочий. Мы по охоте.
4-й рабочий. Мы отработаем всегда.
Панов. Начнем приемку.
Пришлецов. Зачем осматривать детали? [1]
В дорогу сразу! В новый быт!

Сорокин входит на площадку. Напряженное молчание. Он двигает ручку контроллера. Вагон стоит. Снова дергает ручку. Вагон стоит. Сорокин медленно сходит с площадки.

Сорокин. — Не идет.
Власюк. — Неправда! Он вчера ходил!
Крики. — Работнички!
— Зазнались, черти!
— Пойдет!
— Сопливцы!
— Пойдет!
— Долой!
— Еще проверьте!

Сквозь молчаливую толпу пробирается обвязанный, больной Корчагин.

Корчагин. Братцы!.. Ленин...
сказал...
что мы возьмем
весь... свет...
но только...

[1] *Детали* — подробности.

всем...
рабочим классом...
Вагон нейдет... *(Кричит.)*
Не верно! Нет!
Неправда!
Нет!

КАРТИНА 9-я.

Гладких. Слово для доклада о расформировании комсомольской ударной бригады капитального ремонта имеет товарищ Пришлецов.

Пришлецов. Товарищи! Я буду очень краток перед лицом рабочих масс. Дискредитировали [1] нас от головы до самых пяток...

Вбегает Лена, шатаясь идет к столу. Закрывает руками лицо.

Лена. Николай
Корчагин
За...
стре...

КАРТИНА 10-я.

Инструктор губкома. В губкоме требуют ответа,
Кто в этом деле виноват.
Мы, чтобы выяснить все это,
Поставим завтра ваш доклад.

Гладких *(вытирая слезы)*. Доклад мы, ясно, заготовим,
Но не понять мне ни за что:
Кто здесь виновен?
Кто виновен?
Кто же?
Кто?
Ведь я почти его не видел.
По спискам, правда, был такой.

Инструктор. Нам важно,
Что лежит в основе.

Гладких *(хватаясь за голову к публике)*.
Скажите мне,
Кто здесь виновен?
Кто здесь виновен?

---

[1] *Дискредитировать* — подрывать доверие.

Кто же?
Кто?

Демидов. Комсомолята, цепь!
Елена,
говори!

Лена. Товарищи! Я виновата...
Мне стыдно, стыдно ваших глаз!
Когда тут убивали брата,
Я... Пинкертоном увлеклась.
Я сил потратила немало,
Чтоб мерзкий сговор был раскрыт.
Но я не знала!
Я не знала,
Что он меня предупредит!..
Товарищи, теперь вы вправе
Узнать, откуда вышло зло.
У нас недавно на канаве
Собрание произошло.
Оно решило тем заняться,
Чтоб нам испортили вагон,
Их было человек двенадцать,
А председательствовал... *(указывая на Шелкунова)* он!

Шелкунов *(отшатываясь)*. Неправда!

Лена *(идет к нему, протягивая руки)*. Ну-ка, дай карманы!..
... Ну, что? Раскроем ваши планы
И так!
Городовой ты! Факт доказан.

Брест. Неверно!

Лена. Выясним потом.
А почему же ты, Чекмазов,
Сидел у них секретарем?

Чекмазов *(спокойно)*. Не ври, холера!

Лена. Ты спокоен?
Кем поручение взято?
Скажи мне,
что это такое?
А это что?
А это что?

Быстро снимает платье, оказывается в мужском костюме, завязывает лицо платком, как при флюсе напяливает кэпи.

Брест. Мартынов!
Граевский. А, признал, мошенник?!
Лена *(идет к Горину)*. Что, сдрейфил?
Отрицать посмей,
Что ты пошел не из-за денег?!
(Поворачивается к Бресту)
Но пусть ответит сам хозяин,
Не приходил ты к ним тогда,
Но что ты делаешь, мы знаем.
Брест. О заграннце тоже?
Лена. Да!
Чекмазов. Дурак!
Брест (*Лене*). Не ври так неумело.
Товарищи, я пошутил.
Тут ищут шахтинское дело,
А я затратил много сил...
Лена *(махая бумагой)*. А это что?
Брест. Бумажку эту
Она украла у меня!
Демидов. Он подтверждает!
Лена. Не посетуй
На то, что плох ты для вранья.
(Инструктору)
Читайте!
Инструктор *(читает)*. «Товарищ Брест, разрешаю вам делать с бригадой что вам угодно. Как-никак, а не сердитесь. Рабочие еще дико некультурны. Связь с интеллектуальной [1] интеллигенцией, лучшим представителем которой вы являетесь, всегда меня освежает. Итак, бригада в вашем рас...» Нет подписи. Не все понятно.
Лена. Я знаю план. Глядите все! *(Идет к вагону. Открывает крышку силовой коробки.)*
Старик, сюда! Вот вам причины.
Своей рукою сам бери!
Предохранительной пластины
Отвинчивают сухари...
Что там?
Демидов *(поднимая руку)*. Бумажка.

---

[1] *Интеллектуальный* — умственный, исходящий от разума.

Это значит,
Что ток не мог вести вагон.

Страшный шум.

Крики. — Мерзавцы!
— Гады!
— Морды прячут!
— В тюрьму!
— В тюрьму!
— Мерзавцы!
— Вон!

Демидов *(разглядывая бумажку)*. Товарищи! Еще событие!

(Инструктору)

Отдай письмо!
Из двух кусков...
Как раз приходится...
Глядите!
Читаю подпись:

(Опуская руки)

При...
шле...
цов...

Гробовое молчание.

Кудрин. Пришло ведь правды торжество.
Но кто нам возвратит...
его?!
Старье кругом нас и внутри нас
Мобилизовано врагом.
Ну что с того, что сам я ринусь
Врага громить одним штыком?
Стальной громадой встать нам надо,
Чтоб каждый рядовой боец
Касался локтем локтя рядом
И сердцем слышал стук сердец.
Нет! Я не беспартийный боле.

Демидов Граевский. Ты — настоящий коммунар!
Мы отвечаем вражьей воле
Двойным ударом на удар.

Рабочий. Меня... меня... примите тоже!

Демидов *(протягивая руку)*. Иди!

Голоса. — И я!
— И я иду!

Озоль. Товарищ наш на смертном ложе
Услышит мощный гимн труду.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. В чем сказалось влияние бригады на производительность труда всего рабочего коллектива?

2. Определите социальный состав вредителей.

3. Опишите приемы борьбы сознательных и бессознательных врагов с ударниками.

4. Как отозвалась рабочая масса на вредительство? Подберите цитаты из прочитанного сейчас произведения.

5. Приведите примеры, рисующие трудовой подъем широких рабочих масс, а не отдельных бригад.

6. Каково значение ударничества в выполнении программы пятилетних великих работ, намеченных партией и всем рабочим классом? (Ответьте подробно.)

7. Дайте классовую оценку поступкам (поведению в целом) ударников по прочитанному произведению. Придерживаясь указанного ниже плана, используйте собранный материал.

ПЛАН.

I. Материал:

а) «Да, это дело мы кончаем,
Чтоб новые дела начать».
б) «Ребята! Что вы? Поздно очень.
Давно бы кончить вам пора».
в) «А если нам трамвай вот этот
Дороже всякого дити?»
г) «Вы не понравились лентяям».
д) «Всем Фордам в темпе нос утрем».
е) Факты: темп и качество работы.

II. Материал:

а) «Приветствую тебя, записка,
Как объявление войны».
б) «Я в общем не привык бояться».
в) «Нам держаться надо стойко».
г) Факты: упорный труд вопреки грозящей опасности.

III. Материал:

а) «У нас брат, и печаль была бы
Семьсот Шаляпиных громчей».
б) «Он будет бодрым от труда».

8. Что вы можете сказать об отсталой части рабочих трампарка? Предварительно составьте план; пользуйтесь собранным материалом.

а) «Кто-то спит, кто-то сыт
И у кого-то хата с краю».
б) «Башка и сердце — на селе,
Штаны с карманами — в токарной».
в) «Ты на словах горяч,
Зато работаешь с прохладцей».
г) «Бригада раздувала дело,
А вы, лентяи, трепачи,
Лишь только гадили умело».

9. Соберите и запишите материал (по образцу задания 7-го и 8-го), характеризующий передовых рабочих трампарка.

10. Напишите сочинение на одну следующих тем:

1. «Значение ударных бригад для поднятия производительности труда».

2. «При каких условиях осуществимо намеченное пятилетним планом повышение производительности труда?»

ТОКАРЬ АЛЕКСЕЕВ.

Очерк А. Зорич.

Токарь Алексеев, Дмитрий Иванович, ушел на пенсию, на соцстрах около года тому назад.

Он бессменно проработал до этого за станком тридцать девять лет, и ломать теперь весь привычный уклад жизни, расставаться с заводом, который стал для него вторым домом, и с людьми, которые составляли для него вторую семью, было чрезвычайно тяжело.

Теперь приходилось порвать и навсегда проститься с тем, что составляло содержание его жизни почти сорок лет.

Он взял расчет и по традиции из полы в полу сдал новому токарю свой станок. Молодые рабочие посмеивались, окружив их и следя за торжественной церемонией: старик был серьезен. Он хмурил седые, клочковатые брови, покашливал и подозрительно долго сморкался, отвернувшись и скрывая волнение, когда новый токарь принял, наконец, станок и занял место, принадлежавшее ему тридцать девять лет...

Дмитрия Ивановича с почетом проводили последний раз всем цехом за ворота. Толпа окружила его, и десятки напутственных, дружеских, теплых, искренних слов наперебой зазвучали вокруг, и десятки рук одновременно протянулись к нему со всех сторон, ища его руки. Пожимая эти руки, он в последний раз оглянулся на ворота, в пролет которых виден был корпус его цеха и окно у его станка, — и заплакал, не выдержав, сгорбившись сразу, всхлипывая, стыдясь этих внезапных слез и поспешно размазывая их по лицу.

Как дерево, вырванное из земли, долго питается еще старыми соками корней, как человек, у которого отняли вдруг самое большое и ценное, что было у него в жизни, продолжает жить воспоминаниями об ушедшем,— так продолжал старый токарь, уйдя с завода, жить его жизнью и его интересами. Попрежнему, вставая по гудку, он тотчас же шел посмотреть в окно, как дымится заводская труба, по цвету и густоте дыма определяя, каким углем заправлены нынче топки и насколько хорошо будут работать машины. Попрежнему, разворачивая газету, он искал прежде всего заметок о заводе, о своем заводе, и радовался, как ребенок, если в них содержались похвалы, и, как всегда, испытывал стыд и тяжесть, когда там сообщалось о неудачах и непорядках. Попрежнему, когда наступал час завтрака, он торопливо, почти бегом шел к столу и ел, не моя рук и едва прожевывая куски. Торопиться теперь было совершенно некуда и не к чему, но старые привычки попрежнему владели им.

Едва давали вечерний гудок, он спешил тотчас же к заводским воротам и неизменно и озабоченно спрашивал у всех, дождавшись, когда выходили токаря его цеха:

— Ну, что? Ну, как там?

— Да, ничего, — отвечали ему, улыбаясь, — вертится!

И здесь, у ворот, и в гостях, и в пивной, и в клубе, и у себя дома, всюду, где бы ни случалось ему встречаться с ними — он засыпал их десятками вопросов, жадно интересуясь всеми мельчайшими деталями и подробностями жизни, которой жил завод. Его завод! Это попрежнему занимало главное место в его сознании и в душе.

И вот однажды, в пасмурный и хмурый осенний день, он побрел, как всегда, к заводским воротам, дождался, пока вышла смена, и спросил, как всегда, увидев знакомого старого токаря:

— Ну, что? Ну, как там?

— Да что! — угрюмо сказал тот, не улыбнувшись. — Сказать стыдно! Сами себе ворота дегтем вымазали! Тридцать лет на заводе работаю, а такого не было еще. Видал вывеску?

И он махнул рукой, плюнул и ушел, не попрощавшись.

Ничего еще не понимая, но чувствуя, как закрадывается в душу тревога, старик подошел поспешно к воротам и тут впервые увидел большую, черную доску, прибитую высоко наверху, к решетке. У доски, храня странное, необычное молчание, кучкой стояли рабочие.

«Завод, — торопясь и волнуясь, плохо видя без очков и почти по складам разбирая слова, читал старик, — завод, не

выполнивший плана, завод, который плетется в хвосте всех предприятий области, заносится с сегодняшнего дня на черную доску! Эта вывеска будет висеть на его воротах, пока его рабочие не смоют позорного пятна с предприятия, ликвидировав прорыв и вернув свой долг стране».

Дальше шли длинные столбцы сравнительных цифр и сообщений о дневной и декадной выработке, которых старик уже не дочитал. Что-то дрогнуло в его лице, он повернулся медленно и молча, не отвечая рабочим, которые здоровались с ним, побрел прочь.

Этой ночью он не лег спать.

Тихо прошел за перегородку и долго рылся, перебирая старое тряпье в зеленом сундучке...

Утром с гудком он явился на завод. Новый, незнакомый сторож задержал его в проходе контрольных ворот.

— Чужим нельзя! — сказал он равнодушно и зевнул, прикрывая ладонью рот.

— Чужих тут нету! — сухо и с достоинством ответил, отстраняя его руку, старик. — Я сорок лет мозоли на ладонях набивал! Очнись, тетеря!

Подошедшие рабочие окружили его, он прошел кое-как, явился к директору и попросил поставить его за станок.

— Уж не знаю, как и быть, — сказал директор, который сам был раньше фрезеровщиком на этом заводе и знал старика почти двадцать лет, — и станка нет свободного, и цену ты, пожалуй, загнешь?..

— Загнуть-то загну, — насупив клочковатые брови, сказал старик и вдруг побагровел весь, и жилы вздулись у него на лбу: — только знаешь, во что загну, в какую богородицу? Я с тебя денег не спрашиваю, я не за деньгами пришел! У меня своих на капусту хватает! Меня государство кормит! Я без цены желаю работать, отдай мои деньги детям в ясли! Я с сердца пришел, сердце болит, на вас глядя! Люди пальцами тычут! До черной доски доработались! У меня голова седая, мне стыдно там помещаться! А он — деньги! Больно ты умен что-то стал, черного от белого не отличаешь!

— Ну, ну,— примиряюще сказал директор: — не пыхти, Дмитрий Иванович! Свои люди! Поставлю, раз такое дело! Не знаю только куда, все позанято. Вот разве на михеевский станок пойдешь?

— Это в котором шестерня заедает? Где зуб свареный?

— То-то и оно-то, что совсем полетела шестерня! Михеев пьяный вышел и своротил. А новую где возьмешь?

— Точить надо.

— Ребята отказываются — будто бы английскую сталь резец не берет.

— Возьмет, если попросить.

— Ну, валяй, валяй. Спасибо скажем, в герои труда попадешь.

— Мне туда не требуется, — сказал старик и, подняв очки на лоб и шаркая калошами, пошел из кабинета. Директор смотрел ему вслед; морщинки в углах рта у директора разгладились вдруг, и мягкий теплый блеск засветился в его глазах...

Знакомой тропинкой старик прошел в свой цех, к михеевскому станку. Искалеченная машина стояла неподвижно, перекосив стан; откуда-то снизу, точно слезы, падали одна за другой капли стекавшего масла.

— Ну, ну, сейчас, сейчас! — утешая ее, точно это было живое, обиженное существо, сказал старик, засучая рукава, и даже погладил шершавой ладонью холодную полированную сталь вершинки...

Токаря, когда он пришел к ним, наотрез отказались было точить новую шестерню. Они повторяли то же, что говорили директору — будто английскую сталь не берет резец, и приводили вообще десятки причин, по которым это будто бы невозможно было сделать, не упоминая о главной: а главная состояла в том, что им не хотелось из-за одной шестерни заново заправлять станки.

Верховодил же всеми Васька Семенюк, отличный токарь и хороший, душевный в сущности, но норовистый человек, постоянный смутьян и бузотер.

Старик молча выслушал его и, вдруг шагнув вперед, взял его за рукав:

— Ты кому это говоришь, Васька? — строго сказал он и нахмурил клочковатые брови, — ты кого это учишь, что́ можно, а чего нельзя? Ты смотри, а то как возьму за вихры, не посмотрю, что ты мастер!

Вокруг захохотали, а Васька сверху вниз посмотрел на старика с высоты своего огромного роста, усмехнулся добродушно и сказал:

— Ну, уж ладно. Уж так и быть!

Вечером, отработав смену, его бригада осталась дополнительно на четыре часа, заправила станки, и станки, хотя это многим, действительно, казалось невозможным, взяли сталь.

Вечером перед сменой токарь Алексеев, Дмитрий Иванович, обошел цеха, о чем-то таинственно переговариваясь со знакомыми

стариками. После гудка старики собрались в задней клубной комнате и заперли дверь. Неизвестно, о чем они говорили там, какие замечательные слова звучали этим вечером в прокуренной, душной комнатушке, какие чувства волновали людей, в которых закипала горечь большой, настоящей обиды за свой завод. Только в двенадцать часов ночи старики разошлись из клуба; лица их были сосредоточены и серьезны.

Утром двадцатого октября сломанный станок, у которого всю ночь хлопотал, получив новую шестерню, старик, был пущен в ход. Утром этого дня стало известно, что на заводе образуется, чтобы срочно залатать брешь в программе, особая, почетная бригада старых токарей и фрезеровщиков...

... Шестого ноября, через две недели, прорыв был ликвидирован, и постановлением областного промышленного штаба черную доску с завода разрешено было снять. После гудка у ворот собрались толпы рабочих, приехали представители учреждений и даже кинооператор из области. У ворот развернули лестницу, и цеховые уполномоченные гуськом торжественно полезли по ней вверх.

Оператор расставил треногу и завертел ручкой аппарата. На ленте человек, который первым с молотком и клещами влез наверх и первым рванул с петель позорную доску, вышел крупным планом. Голова его была бела, как лунь, на лице играла хорошая улыбка, и над сияющими глазами свисали хмурые седые клочковатые брови. Этот человек был старый токарь Алексеев, Дмитрий Иванович.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Чем поддерживалась связь Алексеева с родным заводом?
2. Какое событие взволновало сознательную часть рабочих, и что сделал старый токарь, узнав о прорыве?
3. Кто поддерживал Алексеева? Был ли он одинок в стремлении помочь «своему» заводу? Ответ подтвердите цитатой.
4. Расскажите о киносъемке, произведенной в момент удаления позорной доски. Составьте собственное, более подробное описание этого кинокадра.
5. Припомните известные вам случаи удачной массовой борьбы с невыполнением производственного плана. Напишите на эту тему газетную заметку.

ПОДАРОК.

Отрывок из рассказа В. Ардатова «Индустрия».

... Машинизация сельского хозяйства!.. Индустриализация производства!.. Машины для машин!... Электрификация страны... Ин-ду-стри-а-ли-за-ци-я!..

Вот уже вторая неделя пошла, как Федя лишился сна. По ночам перед Федей проносились с молниеносной быстротой фабрики, заводы, чудовищные машины, пулеметы и орудия, стрелявшие сами, и даже полковая баня, поставленная на колеса, сама носилась в банный день за дровами и водой!

Федя не унывал:

— Найду что-нибудь и я, а сделаю!..

Курсанты знали о Фединых поисках и частенько посмеивались, незлобиво предлагая свои проекты:

— Фе-эдя.. Изобрети механическую чесальницу для Костюхиной гривы...

— Или замок специальный на язык Пестюхину, чтоб не трепал того, что не надо, своим кралям...

— А еще лучше аппарат-вседелатель для Гринюка. Вот будет благодать. Гринюк на койке лежит да «Тарзанов» почитывает, а аппарат все за него делает...

Федя смеялся вместе с курсантами над проектами, под конец говорил всегда настойчиво:

— В лепешку расшибусь, а сделаю...

Как-то вечером Федя вбежал в казарму в сильном возбуждении. Разыскал Бурова и Кострова, отвел в угол и радостно сказал:

— Нашел... Там, в старом сарае... Хлам, барахло всякое... А если собрать, да сделать — шуму будет на всю округу...

И потащил ребят за собой.

В темноте жгли спички, осматривали и тут же постановили:

— Начать работу втроем: никому не говорить о ней, а сделанное поднести командованию как подарок в какой-нибудь праздник.

Опять Федя не спал целую ночь, все обдумывал: как и с чего начать работу.

На следующий день сделали первую вылазку в сарай. Двери были запечатаны, так что в разбитое окно лазить приходилось.

Работа началась. Каждый раз после обеда и ужина шли к сараю, незаметно ныряли в дыру окошка и все свободное время отдавали задуманному подарку.

Так пролетело три месяца.

Скоро Федя, кроме значка «Отличный стрелок», получил диплом об окончании полковой школы, надел красные треугольники на петлицы и ушел с назначением на должность отделенного командира в пулеметный эскадрон.

Приближалась весна.

В мае — лагерь, жизнь в полотняном городе, летняя учоба, тактические занятия, маневры в бесконечно-золотистых степях.

Радуются все и особенно Федя со своими товарищами. Работа близится к концу. Теперь они из сарая перекинулись в кузницу.

В клубах сизого дыма, у ярких горнов, красные, с засученными рукавами лихо бьют молотами по наковальне. Брызжут искры от ударов в потолок.

Пришел Иван Иванович, помкомполка по хозчасти. Ничего не подозревая, — просто похвалил за усердие.

Через несколько дней вечером Иван Иваныч по обыкновению сидел за шашечным столиком. Вдруг к столику подскочил квартирмейстер Яловой:

— А я вас ищу... а я вас ищу...

— Ну что еще?.. — вырвалось недовольно у Иван Иваныча.

— Злоумышленника поймал... Отделком пульэскадрона Федор Сурик... Вылезал из нашего сарая в окно с тремя шинами... — выпалил Яловой и замер, глубоко вздохнув.

— Ну-у?.. С тремя шинами?.. А-ах, кана-а-алья. Арестовать, арестовать сейчас же, а потом дознание.

— Слушаю-с... — и Яловой скрылся в соседней комнате.

— Э-эх ты, чорт... Не везет же как, — сожалел Федя по дороге на гауптвахту [1]. Пришел, повеселел, и тучки, набежавшие на его лицо, исчезли. За одно досадовал Федя, что на параде побывать не придется.

На «губе» Федя встретил только одного красноармейца Круглова из первого эскадрона. Но и этот, к великому Фединому огорчению, должен был через час выйти — срок истекал.

Вспомнил тут Федя о своем подарке и взмолился перед Кругловым:

— Будь другом, родной... Передай записку командиру полка сегодня же, а?

— Даешь... Хоть десять передам...

Федя с радостью кинулся к столу и заскрипел над посланием. Писал долго, обдумывая каждое словцо, а когда Круглов ушел и унес с собою записку, Федя, довольный, разделся и закутавшись в одеяло, протянул нараспев вслух:

— А по-о-дарочек будет на я-ать...— и уснул крепким, здоровым сном.

Командир полка яростно ходил по кабинету.

---

[1] *Гауптвахта* — помещение в военных частях для содержания арестованных.

— Чорт знает, что такое... Выпустила школа отделкомов, нечего сказать: шины воруют...

— Товарищ командир, вам записка...—доложил дежурный и подал белый листок бумаги. В тот же миг его брови подскочили вверх, а лицо вытянулось от удивления.

«Товарищ командир! Вы, должно быть, здорово серчаете, что меня на губу посадили, — а я, честное слово, не виноват ни в чем. Я не воровать ходил, а подарок вам делал вместе с Буровым и Костровым. Пойдите в сарай сегодня — увидите.

Федор Сурик».

— Хм... вот те раз... Подарок... Надо узнать сейчас же...— и быстро вышел из штаба.

На следующее утро полк строился на плацу. В золотистых, солнечных брызгах алели полотнища ярким знаменем.

— Дорогу... дорогу...

Толпа расступилась, пропуская на плац пулеметный эскадрон. Вихрем влетели пулеметные тачанки [1], запряженные каждая четверкой лошадей. Сверкали, пики, винтовки и пулеметы, но ярче всего шесть новеньких тачанок пулеметного эскадрона.

От удивления полк застыл на месте. А Иван Иваныч подскочил к командиру эскадрона, закричал:

— Радлов!.. Откуда это у тебя? — и показал на тачанки. Товарищ Радлов молча протянул Федину записку.

— Что?.. что?..— и глаза у Ивана Иваныча стали вылезать из орбит.

— Где же он, этот герой?..

— На губе...

— Как?.. В такой праздник и на губе?.. Да кто же посадил его туда?

— Вы, Иван Иваныч...

— Что-о-о?.. Я?.. Не может быть!.. Освободить... Освободить... Яловой!..— закричал Иван Иваныч и кинулся куда-то в сторону.

Начался митинг.

Через 10 минут Федя, сияющий, явился на плац. — Иван Иваныч, натужившись, тащил его под руки на трибуну.

Военком, кончая речь, обнял Федю, подвел его к перилам и прогремел:

— Вот наш герой сегодняшнего дня. Его подарок шесть пулеметных тачанок для эскадрона, над которыми он со своими

[1] *Тачанка* — четырехколесная повозка, приспособленная для перевозки пулеметов и стрельбы с нее.

товарищами Буровым и Костровым проработал три месяца — это золотой подарок, говорящий лишний раз за то, что в Красной армии растут не только защитники Советского Союза, но и строители социализма в нашей стране...

Гордыми искорками лучились Федины глаза, а в груди от слов военкома билось столько радости, столько неизмеримого счастья, теплого, как июльское солнце, — от одного только сознания:

— «И я, — мужик из глухой, медвежьей деревеньки — строителем социализма стал...»

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Какой момент из жизни Красной армии изображен в рассказе: военные действия или подготовительное строительство в области обороны страны?
2. Опишите взаимоотношения рядовых красноармейцев и начсостава. Сказанное подтвердите цитатами из текста разбираемого отрывка.
3. Чему посвящен досуг красноармейца?
4. Расскажите, что делает советская власть для наших изобретателей на производстве и в армии.
5. Организуйте экскурсию в местный музей или дом Красной армии и поделитесь своими впечатлениями с товарищами по работе.

ТОВАРИЩ САМОЛЕТОВ.

Рассказ Г. Никифорова.

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК.

Станки все те же. Станкам этим, может быть, лет тридцать или больше того: токарные, сверлильные, строгальные, фрезерные[1], болторезные, шлифовальные. Все они стоят, выстроившись как на параде, только болторезные залезли в самый угол, и работать на них приходится всегда со светом. Только одна мысль беспокоит Трубилина — подчинятся ли старые, расхлябанные станки дисциплине и выполнят ли боевой приказ? Главное, чтобы не оскандалиться. Он, опытный мастер, рабочий-выдвиженец, пуще всего боится этого, и вот после окончания работ он ходит по мастерской и приглядывается к станкам. Он уже обошел всю мастерскую, задержался около двери, взялся за скобку и вдруг остановился. Двадцать восьмого числа этого месяца Трубилин подписал вместе с другим заводом договор о соревновании. С первого числа нового месяца нужно заставить крутиться эти станки

[1] *Фреза* — особый вид режущего инструмента, применяемого при обработке металлов, дерева и др.

вдвое, втрое быстрее обычного. Или нет — станки, пожалуй, ни при чем. Нужно суметь доказать товарищам, — ну, да, своим товарищам рабочим, что самое серьезное дело начнется именно с первого числа нового месяца. Хорошо бы завинтить по этому поводу словечко, что ни на есть понятное. Трубилин вытянул руку и даже поднялся на носках. Раскрылись губы и сомкнулись.

...Дни проходили торопливо. Мастер Трубилин делал медленный и всегда внимательный обход мастерской. Нужно было проследить, как работают первая, вторая и третья смены, и заглянуть в лицо каждому мастеровому — не думает ли он, этот мастеровой, чорт его знает о чем. И вдруг в первую неделю соревнования первый телефонный звонок.

— Товарищ Трубилин, с вами говорить хотят из завкома, — сказал сторож.

И товарищ Трубилин, мастер цеха, пошел в конторку, к телефону...

— А ну? — спрашивает Трубилин.

— Здорово, Гриша! — надрывается предзавкома. — Ну, как ты там наворачиваешь? Так, правильно! Валяй, брат, валяй! Так, так!.. Что говоришь?.. Ну, да, соревнование на все сто процентов, и чтобы так точно. Помни, Гриша: пролетариат, сбросивший цепи рабства, не может и не должен рассчитывать на помощь со стороны. Задача пролетариата — доказать врагу... Погоди, дай мне договорить!.. доказать врагу, что он, рабочий, вооружен техникой.

— Доказываем, — буркнул Трубилин, лишь бы избавиться от стрекочущего голоса из телефонной трубки.

— Ну, вот... Одним словом, ты понимаешь, дорогой товарищ, — продолжает выкрикивать Самолетов, — мы тут на ответственном посту с трепетанием следим за вашей работой, с трепетанием, как бы не осрамиться, и даже со страхом следим. На тебя, товарищ Трубилин, только и вся надежда, как на преданный пролетариат. А все остальные там, спецы и вредители, может, без границ доверия и... одним словом, ты заходи в завком для контакта... раз мы объявили соревнование на все сто процентов.

ВТОРОЙ ЗВОНОК.

Мастер Трубилин имеет дело с подчиненными ему товарищами. Просыпается мастер к первой смене, бегает от станка к станку при второй и встречает потом третью смену, и думает иногда мастер Трубилин: «А хорошо бы собрать все три смены вместе, взять на промер несколько отделанных вещей и сунуть

товарищам мастеровым в нос двадцать процентов браку». Но нет, мастер не умеет говорить. Он предпочитает встречать смены, останавливаться около каждого станка и проверять кронциркулем обточенные части машин. Иногда он замечает с ехидной укоризной:

— Конусок получился, товарищ Ипатов!

— Да ведь гони работу — день мал, Григорь Василич! Соревнование, одним словом. Без этого как же? — пытается токарь Ипатов свалить вину на обстоятельства.

— Нет, уж ты еще стружечку пройди, — предлагает мастер и, гмыкая в кулак, идет к следующему станку. И опять кронциркуль нащупывает изъян в работе.

Дни бегут. И в этих днях идут смены рабочих — одна за другой. И когда проходит месяц и тысячи рабочих часов, вдруг раздается второй звонок — продолжительный по особому требованию...

— Я помдиректора Самолетов! — кричат по телефону. — Да, да, помдиректора! Что дало соревнование, товарищ Трубилин? А-а-а!.. Отлично, что выработает... Я по привычке к тебе, товарищ Трубилин... Там у вас эти самые, не при полном доверии спецы... В деле соревнования прежде всего заинтересован пролетариат...

— Пять процентов браку сшибли! — еле успевает ввернуть свое слово Трубилин. — Ну, думаю, я не помирюсь, я...

Однако из трубки уже сыплются торопливые, малоразборчивые, но насыщенные великолепной бодростью слова:

— Верь, товарищ Трубилин: победивший пролетариат сумеет сломить сопротивление врага. Мы знаем, что на пути нашем стоят преграды, но это не задержит нашего революционного разбега, который устремлен к мировому торжеству на мировой арене. Одним словом, приходи ко мне. Я с тобой потолкую, товарищ Трубилин. Мне давно хочется потолковать с тобой.

— И я... — хрипнул Трубилин в телефон и тут же одумался и, не дослушав, повесил трубку на место. И мысли были у него соответствующие: «Деляга-парень! Это уж как есть — козырь по нашему соревнованию».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Они встретились в Крыму, в доме отдыха. С расстегнутым воротом вышитой рубахи, утомленный морем и солнцем, Самолетов. Трубилин. Сели на скамью под кипарисами.

— Да-а, — сказал Самолетов, — поработали мы все-таки здорово, товарищ Трубилин!

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Дайте оценку деятельности мастера, рабочего-выдвиженца Трубилина. В чем заключалось его руководство соцсоревнованием? Перечислите положительные результаты этого руководства.

2. С помощью каких приемов Самолетов сумел возглавить соцсоревнование? Вскройте смысл конца рассказа.

3. Что такое общественный буксир? Кого берут на общественный буксир? Почему? Назовите известные вам случаи принятия на общественный буксир.

4. Как проходит соцсоревнование у вас на производстве? Каковы достижения? Кто руководит этим соревнованием? Охарактеризуйте взаимоотношения между соревнующимися и руководящими органами.

5. Напишите небольшую заметку в стенгазету о результатах соцсоревнования у вас на предприятии (учреждении, колхозе).

ПЕРЕКОВКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА.

«Грандиозные задачи социалистического строительства требуют коренного перелома во всей работе по обеспечению быстро растущей промышленности и развертывающегося крупного земледелия не только руководящими и техническими кадрами (высшими и средними), но и низшим командным составом (мастера и т. п.) и квалифицированной рабочей силой. Необходимо решительно покончить с кустарщиной и неорганизованностью в этом деле. Размах подготовки кадров должен соответствовать общему размаху социалистического строительства. В соответствии с этим необходимо добиться того, чтобы промышленные предприятия и совхозы, — в особенности те из них, которые наиболее технически оборудованы, — превратились в своего рода школу по массовой подготовке и переподготовке квалифицированных кадров рабочих, мастеров, техников и инженеров.

ЦК предлагает всем партийным, хозяйственным и профессиональным организациям поставить в центре своей работы выполнение этой важнейшей задачи». (Из постановления ноябрьского пленума ЦК ВКП (б).)

Отрывок из очерка Е. Микулиной «На стройке».

Из отдела в отдел мы ходим по фабрике [1], и везде нас поражает обилие людей у станков: 3—5 взрослых мужчин и женщин окружают каждую машину и станок.

Может быть, это только в прядильне? Но нет, приходим в ткацкую.

[1] Первая суконная фабрика в Грузии.

Там люди, еще не сменившие домашнюю одежду на спецовку, неловкими движениями суетятся у машин.

В их движениях не слышится еще ритма фабричной работы, они еще не прошли производственной школы.

Цифры состава рабочей силы говорят следующее:

К четвертому кварталу текущего года, чтобы пустить фабрику полным ходом, надо 1639 рабочих.

На фабрике имеется «опытных» рабочих, т. е. которые насчитывают от одного до двух месяцев практики, всего 157 человек. Учеников на фабрике 492 человека, т. е. 55% всех рабочих.

До четвертого квартала остается всего два месяца, за которые надо подготовить 1182 человека.

— Как тут быть? — спрашивает вас мастер и смотрит в упор маленькими серыми глазами.

— Кровью сердце обливается, глядя, как портят станки по неопытности. Да здесь бы старые ткачи с горя головы об станки порасшибали.

Мастер Зуев старенький. Ему трудно понять, что на его глазах происходит невиданная в мире перековка сырого человеческого материала в организованный коллектив.

Ему, болеющему за производство, 38 лет проработавшему на фабриках, никак не оттолкнуться от субъективной боли за неналаживающийся цех.

1639 человек, живущих до сих пор отдельно, не связанных никакими общими интересами, слиты сейчас под одну крышу.

1639 человек, проходя курс практической подготовки, в три смены, за книжками изучают теорию текстильного дела.

Это невиданное и неслыханное дело по своему размаху. Массовая подготовка кадров.

Здесь 100%, исключая ездивших учиться в Москву, не видали в глаза машину. И они будут работать. Они выполнят свой промфинплан.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Как отражается недостаток квалифицированных рабочих на качестве продукции и темпе работы? Приведите данные.

2. Почему партия (см. постановление ноябрьского пленума ЦК ВКП (б)) так остро поставила вопрос об обеспечении промышленности квалифицированной рабочей силой в первые годы пятилетки?

3. Какие конкретные мероприятия можете вы предложить производству, на котором вы работаете, для ликвидации недостатка в квалифицированной рабочей силе?

4. Прочтите постановление ноябрьского пленума ЦК ВКП (б) (см. эпиграф к очерку Микулиной). Проверьте, что сделано партийной, профессиональной ячейками и администрацией вашего предприятия для выполне-

ния постановления ЦК партии. Сделайте на основании собранного вами материала устный доклад.

НУЖНЫ РАБОЧИЕ КАДРЫ.

Отрывки из повести Я. Коласа: «На просторах жизни».

С большим старанием взялся Степка за свое учение. Рассчитывать на отцовскую помощь не приходится: отец и слушать не хочет об его учении.

Степка все это знает и ведет свою линию твердо: читает, пишет, думает. Ни один свободный вечер не пропадает даром.

Подвернулся такой случай, когда Степке пришлось на деле показать свою образованность: довелось ему однажды быть секретарем. И что же?.. Такой протокол закатил, что приезжий, прочитав его, сказал:

— Ну, и молодец! На рабфак тебе нужно поступить.

Крестьяне слышали, как похвалил их парня городской ученый человек, и эта похвала им льстила.

* * *

Хорошая вещь — этот Дом крестьянина, и не одного только Степку приютил он. Нахвалиться не мог Степка этим домом, иначе куда бы он делся в незнакомом городе? А здесь и отдохнуть можно, как полагается человеку, и время провести разумно среди газет и книг, и людей послушать, и о делах нужных справиться.

...Степка проснулся довольно рано. В доме было тихо.

Степка тихонько поднялся, оделся и вышел из комнаты. В прихожей встретился незнакомый пожилой человек, одетый по-городскому.

— Что, ночевал тут? — спросил незнакомый человек.

— Да.

Разговорились.

— Я хотел вас спросить, не знаете ли вы, где тут рабфак?

— Идем, я тебе расскажу и покажу.

* * *

Было шумно и людно около здания рабфака в день экзаменов. Красные платочки девушек смешивались с головными уборами парней. Тут можно было увидеть и городскую кепку и самодельную соломенную шляпу. Бросались в глаза деревенские суконные свитки.

Экзамены тянулись почти неделю. В первые же дни Степка сдал их все, но покоя не чувствовал: можно выдержать экзамен

так, как лучше нельзя, и все же не поступить на рабфак. Будет еще одна комиссия после экзаменов.

Говорили, что в первую очередь будут принимать детей рабочих, как показывает само слово «рабфак». Затем будут отдавать предпочтение тем, кто имеет действительный рабочий стаж. Ну, а про комсомольцев и говорить нечего. Ни к одной из этих групп Степка не подходил. И заслуг у него перед революцией никаких нет.

* * *

Не приняла Степку комиссия, и не одного его, а сотни таких же Степок, — мест нехватило.

Серьезный и нахмуренный сидел Степка около здания рабфака. Привык к нему, полюбил его, и казалось ему, что он тут живет уже и учится, — и вот не приняли! Что ему предпринять? А предпринять что-то нужно. Кое-куда постучался — ответ один: «Что делать? Вакансий нет»...

Но чем больше возникало препятствий, тем упрямее становился Степка. Нужно своего добиться — и больше ничего.

* * *

Поздней осенью мать Степки пряла пряжу, а отец мастерил сани к зиме. Алесь сидел с письмом в руках возле лампы, а подле него стоял Юрка. Алесь читал:

«Дорогие папа, мама, Алесь и Юрка!

Я поступил на рабфак. Хоть и тяжело было, но поступил. На рабфаке учится больше 450 человек. Утром перед началом занятий, когда соберутся все рабфаковцы, здание гудит, как пчелиный улей. Движения и суеты бывает больше, чем у наших крестьян во время сенокоса. После занятий мы идем обедать в свою студенческую столовку. Здесь, в этой столовке, обедает столько людей, сколько их во всем нашем селе нет. После обеда я читаю газеты и занимаюсь в кружке. Готовлюсь к урокам.

Спать ложимся мы в двенадцать, а то и позже. Все время занимаемся, читаем различные книжки. Живем в большом каменном доме. В нашей комнате живет 10 человек. Живем одной семьей. Всем, что есть у одного, пользуются и другие. Кроме парней, есть у нас и девушки. Они живут в особых комнатах. Нам дают стипендию [1] — 12 рублей в месяц, но из этой суммы вычитают за обед, ужин, хлеб и прочее, так что на руки приходится 2—3 рубля. Мне, не видевшему ничего лучшего дома, живется здесь хорошо. Недавно выдал мне наш рабфаковский комитет тюфяк,

[1] *Стипендия*—денежная помощь учащимся, оказываемая государством.

одеяло и материю на белье. В баню ходим через каждые две недели. Я решил поступить в комсомол, чтобы быть организованным и вести борьбу за нашу пролетарскую долю.

Дорогие! Если бы вы знали, как я доволен тем, что учусь! И в праздничные дни не имею отдыха. Наш рабфак ведет культурную работу. Мне, как знакомому с деревней, хочется помочь крестьянскому люду. Наша помощь деревне заключается в том, что мы посылаем для школы и избы-читальни бесплатно газеты и книги. Собираем разные жалобы на непорядки и незакония местной власти и передаем их в газеты.

Жизнь в Минске кипит, бьет ключом. На улицах беспрестанно с утра до поздней ночи ходят люди, снуют автомобили, громыхают телеги. Везде горит электричество. В городе и за городом имеются различные фабрики. Там работают по нескольку сот человек. После тяжелой работы (я раз был на заводе и видел, как там трудятся рабочие) идут они в клубы и там проводят свободное время: читают газеты и книги.

Как видите, родные, рабочим тоже приходится тяжело работать, но они после работы стараются разумно провести время, не так, как наши крестьяне: в ругани, в пьянстве, в драках.

Дорогие! Уж очень поздно: три часа ночи. Все мои товарищи уснули. Мне тоже хочется спать. О том, что делается на свете, напишу вам в другой раз.

Будьте здоровы! Напишите мне.

Шлю вам свой рабфаковский поклон.

Ваш сын Степка».

Отец Степки тихо улыбается, а мать утирает слезы печали и радости.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Прочтите вновь то место, где говорится о поступающих на рабфак, и определите, к каким социальным группам они принадлежат.

2. Выберите из письма Степана к родителям выражения, свидетельствующие о том, что он вспоен и вскормлен деревней.

3. Чем он мотивирует свое решение вступить в комсомол? Будет ли он хорошим комсомольцем, строителем новой жизни? Приведите данные.

4. Что вы знаете о работе Степана для подшефной деревни?

5. Докажите рядом примеров правильность положения, «что мы не просто вовлекаем рабочего в политическую жизнь, — мы поднимаем его культурный уровень». (К а г а н о в и ч, Организационный отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б).)

6. Напишите доклад на тему «Быт рабфаковцев» (материал возьмите исключительно из письма Степана к родителям) по следующему плану: а) бюджет рабфаковца, б) жизнь в коммуне, в) рабочий день, г) день отдыха.

7. Напишите продолжение рассказа: «Деятельность Степана Батуры по окончании учобы».

БОРЬБА ДВУХ МИРОВ.

Отрывок из статьи Карла Радека.

На подмостках Колонного зала стоит старый человек. Он полуслепой, и яркий свет юпитеров, ощупывающих его, кажется ему жгучими глазами миллионов, которые хотят разгадать его тайны... Он хочет что-то объяснить шопотом, но рупоры [1] радио полным голосом передают его хрип и хлюпанье в его груди.

Федотов — особый тип одной из прослоек технической интеллигенции. Тип, который поможет нам уяснить себе кое-что в той общественной среде, которая была поставщиком обвиняемых на процессе контрреволюционной организации. Эта среда еще жива и, вероятно, будет жить еще до тех пор, пока завершение пятилетки и дальнейшие великие победы советского и мирового пролетариата не вырвут окончательно почвы из-под ног капиталистических элементов в СССР, убедив и последних могикан [2] русского капитализма, что дело буржуазии в СССР окончательно проиграно. С этой средою нам придется, вероятно, иметь дело еще в продолжение ряда лет, пока не возмужает молодое поколение наших собственных красных инженеров, пока это поколение не возьмет на себя и самые высшие технические задачи, которые приходится решать советскому пролетариату.

В зале суда висел портрет Ленина. Над скамьями подсудимых надо было повесить портрет того Рябушинского, о котором рассказывал А. А. Федотов, что, помогая организовать белые армии, которые должны были вернуть ему имущество и власть, он продавал им сапоги с бумажными подошвами. Если над портретом Ленина виден боевой клич «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»—клич, за который погибали миллионы, то над портретом Рябушинского — символа [3] капиталистической России — должна красоваться надпись: «Или освобожу святую Русь, или смошенничаю на три миллиона». Вот Россия, во имя которой должен был положить свою старую голову на плаху А. А. Федотов.

Прокурор республики, по профессии не склонный к сентиментальности [4], искал на скамье подсудимых человека, от которого не надо было бы отвернуться с омерзением, искал, как ищут оазиса в пустыне. И глаз его мог задержаться только на

---

[1] *Рупор* — прибор для усиления звука и передачи его в определенном направлении.

[2] *Могикане* — вымершее индейское племя. Отсюда выражение «последние могикане», т. е. последние представители отживающего направления.

[3] *Символ* — условный знак, изображение.

[4] *Сентиментальность* — преувеличенная чувствительность, слезливость.

А. А. Федотове, которому рабочелюбие не помешало приветствовать в душе белые полчища русских помещиков, несущих крестьянству плеть, рабочим — кандалы, которому все знания законов развития обществ не помешали мечтать о вечном существовании капитализма. Верность капитализму не помешала Федотову «лояльно» приспособляться к советской власти, а лояльность [1] не помешала ему сползти к контрреволюции, загнавшей его в подворотню шпионских вертепов.

Дело в двух мирах — в том мире, который выковывают рабочие на наших заводах, который создает крестьянин-колхозник, яростно борющийся с предрассудками своего мелкого собственнического мира, и в том мире, который гниет на корню, заражая своим гниением все, что только с ним связано. Цели этого мира, обреченного историей на гибель, не могут создавать героев. Они создают только авантюристов [2], аферистов, карьеристов.

Картина, которую представляли обвиняемые контрреволюционеры на процессе в Колонном зале, списана с самых выдающихся по своим знаниям представителей технического мира.

Кто из специалистов хочет отвернуться от картины, кто хочет сказать, что он ее отвергает, тот должен заработать себе право на это. Право это можно завоевать, только поняв, что такое капитализм, поняв необходимость бороться с ним, поняв, что такое социализм, и поняв необходимость сражаться за него. Когда интеллигентные люди, когда инженеры говорят: мы не политики, то надо им сказать: политика — это судьба общества, это борьба за направление его развития. Не быть политиком — это значит не знать, куда ты хочешь итти и куда хочешь, чтобы шло общество. Такое незнание — ложь, которая лопается, как мыльный пузырь, при первом же соприкосновении с борьбою двух миров. Не было на роду написано старому А. А. Федотову, что он кончит в тюрьме за измену стране, за шпионство и подготовку войны против своего отечества. Но раз он не выбрал твердо того пути, которым шагает история, то только от обстоятельств зависело, куда его заведет судьба.

Грехопадение А. А. Федотова не личная судьба, и поэтому она касается всего мира советской интеллигенции. Непривлекателен портрет А. А. Федотова, но очень поучителен.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Обоснуйте мысль, что «завершение пятилетки вырвет окончательно почву из-под ног капиталистических элементов в СССР».

---

[1] *Лояльность* — признание существующего государственного строя, подчинение его законам.

[2] *Авантюрист* — искатель приключений, проходимец.

2. Передайте своими словами место из статьи, в котором говорится о двух мирах. Что, по мнению автора, дает возможность специалисту «заработать право» принадлежать к миру, возглавляемому Лениным?

3. Какой путь привел Федотова на скамью подсудимых?

Истолкуйте смысл слов: «Политика — это судьба общества, это борьба за направление его развития. Не быть политиком — это значит не знать, куда хочешь итти и куда хочешь, чтобы шло общество».

4. Вспомните ряд судебных процессов над вредителями (шахтинское дело, «Промпартии» и др.), социальный состав участников, преследуемую ими цель, приемы разрушительной деятельности вредителей и их союзников. На основании собранного материала докажите, что явления вредительства связаны с ходом пролетарской революции внутри страны и международным положением нашей рабоче-крестьянской республики.

5. Почему проведение в жизнь пятилетнего плана вызвало усиленную деятельность вредительских организаций?

6. Расскажите, как отозвалось ваше предприятие (завод, мастерская и пр.) на процесс вредителей.

7. Напишите, использовав помещенные здесь материалы, сочинение на тему «Отношение пролетариата СССР и Запада к попытке сорвать нашу пятилетку».

8. Составьте доклад на тему «Будущее интервенции находится в руках пролетариата всего мира». Материал найдите сами (подберите вырезки из газет, журналов и. т. д.); прочитайте также пункты А и Б.

Материалы к 7-му и 8-му заданиям.

А. ШТУРМ ПРОРЫВА.

«Прожектор», декабрь 1930 г.

Процесс «Промышленной партии» раскрыл перед трудящимися массами СССР чудовищную картину вредительства, имевшего целью сорвать все наше социалистическое строительство. В первую голову вредители направляли удары по линии энергетики, по линии свертывания и замедления развития топливной промышленности, хорошо учитывая, что без топлива, без энергетической базы должно погибнуть все наше социалистическое строительство. Не случайно шахтинский процесс вскрыл вредителей именно в Донбассе — самом сердце Советского Союза, где добывается основная масса угля, питающая социалистическую промышленность. С холодным расчетом, с превосходным знанием своего дела агенты французской военной клики, бывшие директора, совладельцы и главные приказчики хозяев копей и шахт, вели свое разрушительное дело. Заведомо закладывались шахты, не имеющие никаких перспектив и, наоборот, затоплялись или совсем не проходились богатейшие шахты, которые могли бы дать миллионы тонн угля. Механизация Донбасса сводилась почти на-нет. Преступно затягивалась постройка Штеровской и Зуевской электростанций, без которых сильно замедлялась механизация Донбасса. Из рук вон плохо шло рабочее жил-

строителество, проводка водопровода, и тем самым прекращался приток свежей рабочей силы, необходимой для развития Донбасса. И все же, несмотря на колоссальный вред, причиненный красному Донбассу вредителями, творческий мощный энтузиазм пролетарских масс сломил все преграды и добился того, что Донбасс в значительной части сумел выполнить поставленные ему партией и правительством задачи.

В течение многих дней донбасовские горняки штурмовали подступы к стопроцентному выполнению производственных заданий по углю. Ликвидация прорыва на угольном фронте, одном из важнейших участков социалистического строительства, стала делом широких рабочих масс. Мобилизуется рабочая общественность. Газеты устраивают боевые посты в шахтах и рудниках. Рабочие механических заводов берут шефство над механизмами шахт. Каждый горняк работает, как красноармеец на фронте. Его работа видна всем, и работа всех видна ему. Прогулы становятся позором, который немедленно клеймится товарищами. Парторганизации Донбасса переключаются на боевые темпы работы. И хотя неумение организовать инициативу и творческий порыв масс изжито еще не везде, но каждый день работы приносит в этой области новые достижения и успехи. Слабым местом до сих пор остается недостаточное использование дорого стоящих врубовых машин, неумелое пользование ими, что и сейчас еще создает понижение добычи.

Открытие контрреволюционного заговора «Промышленной партии», поставившей СССР перед угрозой близкой интервенции, с новой силой подняло энергию донбассовских горняков и направило ее на ликвидацию угольного прорыва. Последние телеграммы говорят о небывалом подъеме горняцких масс. В ответ вредителям и интервентам горняки объявили декаду штурма. Декада проходит с величайшим подъемом. Рекорд поставили горняки шахты «Иван», в Макеевке, за два дня выполнившие 25 % месячного задания. Интересно отметить огромную активность, проявляемую женами и детьми рабочих. Женщины спускались в шахты вместе со своими мужьями и работали наравне с ними. Отдельные бригады выполняли задание на 160—180%. В ряде шахт, где добыча угля подымалась очень медленно, рабочие устраивали самопроверку, выясняя недостатки своей работы. На шахте им. Ленина после тщательного исследования причин неполного выполнения плана рабочие пришли к следующему заключению:

«Главная вина в нас самих. До сих пор как следует не используются механизмы, нет четкого хозяйственного руководства,

недостаточен технический надзор. Задание, данное нам на ноябрь, вполне осуществимо. После проведения небольшой реконструкции шахта начинает полностью работать и на 100% выполнит свой план».

Превосходнейший пример, на что способны горняки Донбасса, дали штурмовые дни 7—8 ноября. Горняки приняли постановление отработать эти дни для пролетарского государства.

В штурмовые дни были показаны цифры выработки, много лет невиданные в Донбассе. Пионеры, дети шахтеров с барабанами подходили к шахтам и домам горняков и кричали:

«Отцы, выходите 7 и 8 ноября на работу!» В Рутченкове через всю стену был протянут иллюминованный плакат:

«Горняки, 6 ноября штурмовая ночь! Вперед! На угольный Перекоп!»

Комсомольцы были в первых рядах забойщиков. В 5 часов вечера возле шахт зажглись красные звезды. Это был сигнал к штурму. Красные звезды загорелись и на других шахтах. Рабочие с песнями двинулись на работу. Началась штурмовая ночь.

В результате за двое суток было добыто столько угля, сколько в обычных условиях добывается за неделю.

Б. МИРОВОЙ ПРОЛЕТАРИАТ НА ЗАЩИТУ СССР.

«Звезда» № 34 за 1930 г.

Каковы те ответные отклики, которые поступают из-за границы в Страну советов в связи с разоблачением подготовки интервенции?

Ответ международного пролетариата звучит совершенно ясно и недвумысленно: рабочие в Англии, Франции, Америке, Германии заявляют громогласно, что они видят в Советском Союзе социалистическое отечество всех трудящихся и считают защиту Советского Союза от интервентов делом каждого сознательного рабочего.

Зарубежные рабочие проявляют свои настроения самыми различными способами. Если где-нибудь происходит съезд или собрание революционных рабочих, то немедленно вне порядка дня ставится вопрос об угрозе интервенции против Советского Союза. Одними из первых откликнулись трудящиеся женщины Германии, конгресс которых открылся как раз одновременно с началом процесса «Промпартии». На этом конгрессе присутствовали далеко не только коммунистки; делегатками на этот конгресс были выбраны трудящиеся женщины,

еще окончательно не втянувшиеся в политическую борьбу; на конгрессе присутствовали представительницы германских трудовых крестьянок, которые постепенно начинают понимать, что от разорения их может спасти только диктатура пролетариата. На этом конгрессе трудящихся женщин Германии была принята резолюция, требующая самой жестокой кары для агентов интервенции, причем делегатки конгресса не ограничились принятием резолюции, но избрали депутацию из трех женщин, которых послали в Москву для передачи требования конгресса.

Непосредственные обращения к Верховному суду поступают от рабочих разных стран: такие обращения поступили из Германии, Франции и даже Швейцарии. Собрание берлинских безработных послало специальную телеграмму присутствию Верховного суда, где говорится: «Мы, друзья Советского Союза, требуем смертной казни контрреволюционных преступников».

В Англии, где рабочие обычно еще не проявляют такой же революционной активности, как в Германии, состоялся ряд митингов в промышленных центрах. Со всех концов Англии поступают сведения об этих собраниях, на которых выступают низовые представители рабочих. В Блэкпуле рабочие постановили немедленно организовать секцию Общества друзей СССР и заявили: «Что касается английских участников интервенционистского заговора, то поскольку их не может покарать советский пролетариат, мы обещаем в недалеком будущем устроить над ними свой пролетарский классовый суд». Массовый митинг в Клайдбанке около Глазго также постановил немедленно организовать отделение Общества друзей СССР и вынес резолюцию, целиком одобряющую меры, принятые советским правительством по отношению к контрреволюционерам.

В Эссене, в Руре громадное собрание рабочих послало Верховному суду телеграмму, в которой говорится: «Четыре тысячи участников с нетерпением ожидают того момента, когда и в Германии будет создан свой революционный трибунал».

Можно было бы привести еще ряд примеров таких коллективных боевых выступлений рабочих различных стран. Но характерно, что, кроме этого, наблюдается проявление личной революционной инициативы отдельными рабочими. Английская «Дейли Уоркер», французская «Юманите», германская «Роте Фане» публикуют ряд писем отдельных рабочих, выражающих свое революционное негодование и боевые настроения.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ.

Рассказ Охроменко.

Налево, за стеклянной перегородкой, стынет в напряженном молчании чертежная. Там, согнувшись над четкими квадратами досок, маячат углубленные в кропотливую работу люди.

Направо, у низенького барьера [1], заливаются дружным стрекотом красногубые стриженые машинистки.

А прямо, в конце коридора, желтая пахнущая масляной краской дверь с четкой табличкой: «Директор завода».

Громадный, сутуловатый человек, в сером лоснящемся пиджаке, сидит за столом. У него тяжелые волосатые руки; на густом коротком ежике и острых скулах щетинится серебряная седина. Это — Сурков. Ответственный. Тимофей Иванович Сурков.

Протяжный гудок разносит по уголкам завода весть о шабаше. Конец работы.

Сурков инстинктивно [2] встает и сладко выпрямляет плечи. Но потом, спохватившись, машет рукой, глядит на часы и с виноватой улыбкой снова садится за работу.

Нужно еще пересмотреть кипу корреспонденций, нужно терпеливо выслушать покаяние Петра Ильюшина, отличного модельщика [3], но пьяницу и картежника, намеченного к увольнению. Вслед за модельщиком обязательно придет предзавкома Пищик с папкой неотложных дел. Потом надо будет присутствовать на совещании в ячейке, в производственной комиссии и еще где-то, и еще где-то...

В шестом часу директор, утомленный и голодный, вместе с кучкой завкомовцев выходит за контрольную будку.

Он торопливо просматривает исписанные вдоль и поперек и измочаленные странички блок-нота [4]:

«Сост. консп. доклада в Металлотресте»... «Пятница 14-го. Окрплан»... «МОПР, МОПР, МОПР»... «Изобрет. кружок»...

Десятки торопливых записей.

Какое-то беспокойство, какая-то ускользнувшая из памяти назойливая мысль заставляет Суркова перелистывать книжонку с нервной торопливостью.

И вот...

---

[1] *Барьер* — загородка из брусьев или решеток; употребляется в виде препятствия при упражнениях, состязаниях и пр.

[2] *Инстинктивно* — безотчетно, бессознательно.

[3] *Модель* — уменьшенный образец какого-нибудь изделия или предмета; форма, употребляемая при выделке изделий в некоторых видах промышленности. *Модельщик* — заготовщик моделей.

[4] *Блок-нот* — отрывная записная книжка.

— Да, конечно же, сегодня! Так и записано: «Анатолий Кириллович. Четверг от 7 до 9 час. Алг. и геометр.».

Именно сегодня придет этот чортов студент, а ведь ничего не повторено, не сделаны два последних примера.

Тягостное волнение охватывает директора, и уже кажется ему, будто трамвай, как нарочно, ползет медленнее обыкновенного.

Юность Суркова протекла в тяжелой изнурительной работе. Едва окончив двухклассную школу, он попал на завод в подручные, и уже некогда стало думать об учобе.

Потянулись годы упорной борьбы за квалификацию, за аттестат токаря первой руки. Потом захватило другое — листовки, брошюры [1]. И новая борьба — за рабочее дело — привела Тимофея к холодным казематам тюрем.

С первых дней революции токарь мечется с фронта на фронт, а затем возвращается к заводу уже полуинвалидом с драгоценным орденом Красного знамени на груди.

Постепенно одолевают дружные руки разруху. Одолевают, сводят на-нет.

Сурков — цеховой мастер. Сурков — предзавкома. Сурков — комиссар завода. Потом — директор. Богатейший жизненный опыт и практическая сметка выковали из этого человека преданного делу хозяйственника.

Пытливый, недюжинный ум помогал рабочему разбираться в тысячах незнакомых доселе вопросов.

Но неотвязно угнетало Суркова одно — недостаток знаний, основных школьных знаний, которых не дала ему усвоить когда-то скупая рабочая доля. Долго крепился директор, долго старался убедить себя в том, что уже поздно ему, седоусому, начинать с мальчишеских азов.

И вот решил. Невмоготу стало видеть в почтительных взглядах инженеров едва уловимую насмешку и молчаливый укор.

Решил учиться настойчиво, систематически.

* * *

Едва пообедав, Тимофей Иванович торопливо уходит в свою комнату.

Ровно в семь дребезжит в передней резкий звонок.

Студент, сбросив черное потертое пальтишко, шаркая тяжелыми сапогами, проходит к директору.

— Анатолию Кирилловичу наше нижайшее, — говорит Сурков, пожимая холодную, жесткую руку репетитора [2].

---

[1] *Брошюра* — книжка с небольшим количеством страниц.

[2] *Репетитор* — учитель, занимающийся на-дому.

— Здравствуйте, — отвечает тот, силясь говорить солидным басом.

— Ну-с, сначала алгебра. Покажите пример, — хмурится студент, грозно усаживаясь у стола.

Парень обшаривает внимательными глазами лицо директора и вдруг разом вспыхивает негодованием.

— Опять не повторяли урока, — хрипит он, подергивая плечами. — Что это за работа, в самом деле, где задачи с двумя неизвестными?! А геометрию, наверное, даже и не раскрывали!?

Тимофей Иванович багровеет от неловкости и смущения.

— Действительно, Анатолий Кириллыч, — виновато ежится он, шевеля деревянными пальцами. — Работки у меня много. Собрания, заседания, то да се... Примеров это, действительно, не успел я, но геометрию повторил и многоугольник под орех разделал, это факт!

— Ну, ладно, уж вечно у вас отговорки, — с досадливой усмешкой обрывает репетитор. — Скажите-ка мне вот... чему равен квадрат суммы?

Сурков напряженно смотрит в угол, ероша серебристую щетину ежика.

— Квадрат суммы равняется... квадрату первого числа, — выдавливает он, собирая мысли. — Квадрату, значит, первого члена плюс удвоенное произведение первого на второй... плюс квадрат второго числа.

Подняв голову, вопросительно смотрит на Петрухина.

— Ну, это так, —снисходительно цедит едва обросший пухом мальчишка, закуривая директорскую папиросу. — Это вы знаете твердо. Перейдем теперь к дальнейшему.

Тимофей Иванович неимоверными усилиями тушит вспыхнувшую в глазах радость и подсаживается поближе к репетитору.

Очередной урок идет своим порядком.

В комнате нет ответственного работника, нет студента.

Здесь есть только требовательный учитель и внимательный седовласый ученик.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Определите трудовой и революционный стаж Суркова. К какому классу принадлежал он? Подтвердите ответ ссылками на текст.

2. Почему Тимофей Иванович не учился раньше, и что заставило его взяться за учобу в зрелом возрасте?

3. Опишите ход вашей собственной учобы: а) вполне ли гладко шла она, без перерывов? б) какие основные затруднения встречались у вас на этом пути и т. д.

4. Охарактеризуйте Суркова как выдвиженца, отмечая последовательно и на основании текста: а) его социальное происхождение, б) отношение к работе и учобе, в) стремление к самоусовершенствованию, г) настойчивость.

5. Назовите основные мероприятия советской власти, имеющие целью повышение квалификации рабочих. Что вы знаете о «пятилетнем плане» в области народного образования?

ЖЕНЩИНА НА СТРАЖЕ ПЯТИЛЕТКИ.

Отрывок из повести А. Поповского «Анна Калымова».

Десяти лет Анютку отдали в школу, а в одиннадцать она уже стала фабричной. Ей пошел пятнадцатый год. Она работала на банкаброше [1], слыла примерной девушкой, хоть и нелюдимой.

В один морозный день, когда Петр [2] вернулся с ночной смены, он узнал, что сестра дома не ночевала. Прошла неделя, и наконец прибыла весть, что девушка ушла с отрядом красногвардейцев, квартировавших в селе.

Десять лет ни слуху ни духу — и на вот!..

— Что же ты до сих пор делала?

— Разное. Была я красноармейцем, политруком, инструктором, комвзводом, следователем, председателем союза швейников. Училась в дивизионной школе, в губпартшколе, на краткосрочных курсах, только в университете не привелось. Понял?

— А теперь? — допрашивал брат.

— Теперь на фабрику вернулась, — ответила она. — Я назначена директором фабрики.

— В добрый час, сестра! Не знаю только, управишься ли, тут инженерам не под силу бывало. Дело важное: фабрика пять тысяч человек кормит... Что же, раз послали, им виднее...

Петр говорил теперь сдержанней, как будто сознавая, что он — только председатель фабричного комитета и небольшая величина рядом с директором.

* * *

Появление на фабрике Анны вызвало ливень злых шуток и сплетен. Кто-то вспомнил, что вновь прибывшая директорша — та самая Анютка, что бежала с солдатами. «История» пошла гулять из цеха в цех, от машины к машине, и скоро не было уже ткача, который не знал бы ее. Молодежь смотрела на Анну с восхищением и готова была перенести что угодно, лишь бы не дать ее в обиду.

---

[1] *Банкаброш* — машина, употребляемая в прядильном производстве; служит для скручивания волокон в нить.

[2] Брат Анютки.

Прошла неделя, вторая, и насмешки над новым директором сменились недовольством. Первым распоряжением своим Анна перенесла ремонт машин с будней на воскресенья. Это вызвало возмущение подмастерьев, механиков, слесарей и плотников. Пошли слухи, что Калымова намерена объявить днем отдыха среду и пустить фабрику в воскресные дни.

Не успели еще улечься страсти вокруг вопроса о воскресном ремонте, как всех взбудоражило новое событие: мастеру чесального цеха, Бурлакову, был объявлен строгий выговор.

Недовольство ткачей с каждым днем возрастало, а она, словно не замечая этого, продолжала раздражать их своими распоряжениями. После каждого обхода фабрики становилось известно о новых событиях и наказаниях.

Петр твердо решил переговорить с Анной. Он вошел к ней в комнату.

— Ты повела себя слишком строго. Надо щадить чужие взгляды и привычки. Нельзя так! Установленные порядки надо уважать ради людей, привыкших к ним.

— А я думаю, что сорную траву нужно рвать с корнем, прежде чем она разрослась.

— Вот что, Андрей Петрович, не сумеете ли вы ответить мне, как обстоит со сновальными станками, — они все еще неисправны?

— Да, все еще... Необходим серьезный ремонт.

— Ну, вот, сновальные станки наши не в порядке, других нам не отпускают, — что если упразднить их и пряжу со шпульных катушек прямо пускать на шлихтовку? [1] Что если упразднить также и шпульные катушки и пряжу с ватеров [2] непосредственно передавать в шлихтовку?

Мастер стал что-то соображать, а она принялась излагать свои планы. Сводились они к следующему. С ватерных машин обычно выходит мокрая пряжа, но совершенно пригодная для тканья. Все остальные этапы работы ничего к пряже не прибавляют. Ее перематывают на мотки, сушат, наматывают на катушки, перематывают на вал и тогда лишь пропускают через крахмальный раствор. Анна предлагала мокрую пряжу, минуя мотальную, сушильную, шпульную и сновальную, непосредственно с ватеров направлять в крахмал. Это должно было привести к упразднению четырех отделений со ста машинами и освободить не менее двухсот рабочих.

---

[1] *Шлихтованье, шлихтовка* — проклеивание нитей, употребляемое в ткацком производстве при изготовлении некоторых видов тканей.

[2] *Ватерная машина* — прядильная машина, в которой безостановочно происходит вытягивание ниток через вальки.

— Вот что, Анна Сергеевна, то, что вы предлагаете, занимает меня уже почти пять лет. Если вы разрешите, я приступлю к первым опытам.

— Да, я вспомнила нечто очень неприятное: я получила сегодня предписание приготовить фабрику к ликвидации. Что я скажу им? Трест считает фабрику бездоходной и хочет ее ликвидировать. Они совершенно правы, и я даже не осмелюсь возражать, но меня гнетет мысль, что будет с рабочими. Представьте себе, какую панику вызовет наше сообщение о закрытии фабрики.

— Странно, ведь вы знали, что фабрику закрывают, и в то же время пришли ко мне с проектом ее усовершенствования.

— Неужели вы не поняли? — с досадой спросила Анна. — Фабрика может и должна быть доходной. Почему же нам не попытаться отстоять ее?

— Вы думаете? В таком случае я вас понял...

Кандауров и Телебукин хлопотали у нового гребня, привинчивая к нему железные завесы. Увидев Анну, мастер подошел к ней и сказал:

— У нас здесь опять не ладится. С утра, как только пустили машину, пряжа стала рваться. Переставляли шпулярни [1], уменьшали давление пара, но так ничего и не добились.

— Кто в эти дни делал шлихту? — спросила Анна.

— Я, — ответил Кандауров.

— А сегодня?

— Тоже я.

— Отлично, пустить машину.

Повторилось, как рассказывал мастер. Анна часто переходила с места на место и каждый раз, как бы случайно, останавливалась около Телебукина, но тот, завидев ее, бросался к машине, делал ненужные распоряжения чернорабочим.

— Оказывается, вы были правы, — сказала она подмастерью Телебукину, — пряжа не выдерживает.

Он смущенно взглянул на нее и, словно схваченный на месте преступления, сильно побледнел.

— Лен из рук вон плохой, — промямлил он, поглаживая вспотевшую лысину, — сорт, должно быть, никудышный попался.

— Нужно пряжу переменить.

Она подошла к мастеру, что-то сказала ему и распорядилась остановить машину. Когда Телебукин стал вытягивать пряжу из гребня, она подошла к нему и, удерживая его за руку, спросила:

---

[1] *Шпулярня* — отделение или помещение для шпульных машин (машин для смотки ниток) на ткацких фабриках.

— Может быть, в шлихте причина, а?

Под ее упорным взглядом он менялся в лице, пожимал плечами и уродливо усмехался.

Пока корыто не было опорожнено и наполнено новым раствором, Анна не отходила от рабочих.

Кандауров возился у парового клапана. Анна повернула рычаг, шкив [1] шлихтовочной машины заработал, барабаны закружились, и пряжа по рамке потекла на вал.

— Видите, Яков Степанович, — сказала она, — мы здесь ни при чем... Подсыпал кто-то лишней соды и еще кой-чего, вот и все... Теперь обойдется...

— Вот что, Андрей Петрович, — обратилась Анна к мастеру, когда они остались одни в конторе. — Не допускайте больше Телебукина к опытным работам, пусть он побудет пока у ткацких станков.

— Вы думаете, что его проделка? — спросил Кандауров.

— Телебукин с первого дня показался мне слишком опасным человеком на фабрике; уволить его — значило развязать ему руки, поэтому я решила ждать до тех пор, пока настанет время перевести его непосредственно в тюрьму.

После смены, в тот же день, на фабрике произошло следующее: рабочие в числе ста человек явились к директору.

— Вы ко мне? — спокойно спросила она. — Вы хотите узнать, что будет с вами в связи с упразднением ваших цехов, так я вас поняла? Ну вот, можете спокойно итти домой, — никто из вас уволен не будет, все останутся на фабрике, поняли?

— Это все на словах, — недоверчиво произнес старик-сушильщик, — а там выкинут на улицу, знаем.

— Я приказала отремонтировать сто ткацких станков и все имеющиеся ватера, работа будет.

— Не знаем мы этого дела и знать не хотим, — возражала старая работница.

— Не будем мы учиться, — слабо настаивали работницы, — как мотальщицами были, так мотальщицами и останемся...

— Не останетесь, — резко заявила Анна, — шпульных и мотальных машин не будет больше, — они не нужны.

* * *

Фабрику охватила лихорадка.

Одни говорили, что Анна разжалована, и на собрании ее непременно арестуют. Другие, наоборот, доказывали, что Анна

[1] *Шкив* — часть машины (колесо, на которое надевается ремень, служащий для передачи вращательного движения).

Сергеевна справляется, потому что на ее стороне правда и закон.

. . . . . .

— Слово предоставляется товарищу Калымовой.

... Прежде всего она приносит рабочим свою искреннюю благодарность за ту помощь, которую они оказали ей за три месяца пребывания ее на фабрике. Наряду с друзьями были и враги, они искали ее несчастья, мешали и возбуждали других против нее. Но их можно по пальцам перечесть. Теперь, когда все трудности позади, пусть они все знают, что не она ими руководила, а наоборот. Да, да, она училась у них. Она была жестокой, очень жестокой, но разве зло, сделанное ради великого блага, не есть добро?

... Она очень и очень виновата перед ними. За три месяца она ни разу не созвала их, не советовалась с ними. Это ее вина, и никто ее не переубедит. Она ни разу не докладывала о своем проекте на производственном совещании, отказывалась от инициативы ткачей. А главное — она полтора месяца скрывала от ткачей важнейшее сообщение, имеющее для них жизненное значение. Она поступила так не из дурных побуждений.

... Ровно пятьдесят дней тому назад правление треста предложило ей подготовить фабрику к ликвидации в виду ее недоходности. Она скрыла это от всех и принялась за осуществление своего проекта. Было много смелости в ее поступке, больше того — преступной самоуверенности, но свидетели они сами, что она имела в виду только их благо. Мысли о тяжелых последствиях безработицы, о том, как трудно будет им жить на одни доходы от земли, причиняли ей много страданий. Теперь черед за ними. Нужно доказать тресту, что рабочие фабрики имени Лассаля сумеют стать во всех отношениях примерными.

... Пролетарии России взялись за большое дело без ведома мира и ему наперекор; всякий, кто делает плохое полотно, сеет негодные семена и не выполняет требований правительства, предает своих детей, братьев и себя самого...

Было немыслимо удержать взбудораженных рабочих. Кто-то прокричал «ур-ра», — и многоустная толпа ахнула, грянула приветствие второе, и ликующий рев пронесся из одного конца двора в другой. «Да здравствует товарищ Калымова!» «Просим остаться на фабрике!» — вторило раскатистое «ур-ра!»

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Почему появление Калымовой на фабрике в качестве директора породило много толков? Какую роль сыграло то обстоятельство, что она — женщина и бывшая работница этой же фабрики?

2. Перечислите мероприятия Калымовой, вызвавшие особое недовольство рабочих?

3. Чем объясняется прямолинейность директора в осуществлении новых порядков на фабрике?

4. Почему Калымова не сообщила рабочим о постановлении треста закрыть фабрику?

5. В чем заключалось усовершенствование, введенное Калымовой на фабрике?

6. Охарактеризуйте роль Телебукина и ему подобных.

7. Виновна ли Анна в тех проступках, которые она сама себе приписывает?

8. Напишите рассказ под заглавием: «От станка—к посту директора фабрики». (Канвой для повествования должен служить данный отрывок.)

9. Организуйте товарищеский суд над Калымовой. Решите, достойный ли она член партии и оправдала ли она себя на посту директора.

Материал в ее пользу:

а) происхождение;
б) жизненный путь;
в) участие в гражданской войне;
г) деятельность ее до поступления на должность директора;
д) усовершенствование производства.

Материал против нее:

а) недостаточное использование самодеятельности и опыта рабочего коллектива (производственные совещания, технические комиссии и т. п.);
б) отчужденность от рабочей среды.

10. Напишите заметку в стенгазету о необходимости введения рационализации у вас на предприятии, в учреждении, в школе, на курсах и пр. Укажите недостатки существующей работы и ваши предложения по устранению их с целью поднятия производительности труда.

РАБОЧИЙ — ИЗОБРЕТАТЕЛЬ.

Отрывок из повести Свирского «Стальное сердце».

Пришел Николай Анисимович Матвеев, бывший ученик Ларионыча [1].

— Скажи, сделай милость, неужто завод наш так и не задымится? — спрашивает Ларионыч.

— Кто его знает...

— Что же завком смотрит? Ведь мы выбирали их не затем, чтобы ручки в брючки держали...

— А кто их знает... Так, по виду, как будто стараются... В город ездят... С портфелями ходят...

— Беда с этими нашими портфельниками. Как отпрянет кто от станка да возьмет портфель подмышку, тут и прощай человек. Я всегда был против этого.

---

[1] Ларионыч — старый рабочий, слесарь, герой труда, после закрытия завода остался охранять его (сторожем).

— Работенки никакой не находится? — участливо спрашивает Ларионыч.

— Нет... Видишь ли, я все с челноком от швейной машины вожусь. Треснул, видишь ли, сам колпачок. Уж я на всякие манеры пробовал исправить, спаять думал, вклинить стальную пластинку — ничего не выходит. Вот он самый, челночок-то этот. У меня и чертежи готовы...

— Это зачем же чертежи?

— Видишь ли, челноков нигде у нас в России нет, а заграница не шлет их к нам. Ну вот... А челноков-то этих нам нужно великое множество. Ну, тут, видишь ли, меня и посетила мысль: «А что ежели наш завод станет эти самые челночки производить»... Ведь дело хорошее?

— Дело-то хорошее, что говорить, — живо откликается Ларионыч. — Да только у нас приспособлений нет...

— Так я, видишь ли, вот что придумал: приспособить фрезерные станки[1] и пустить их для нового производства. Уж я и модель построил... Показывал нашим инженерам... Товарищ Груздев со всем делом ознакомился... Четыре приспособления придуманы... И если мы их пустим в ход — наш русский челнок скажет американскому: «Извините, мы не хуже вас...»

* * *

Сегодня делегация от профсоюза швейников, прибывающая из Ленинграда, должна испробовать новый русский челнок. Сегодня завод сдает экзамен.

Завод живет сейчас в необычайно приподнятом настроении. Все, — начиная с главного виновника работ Матвеева и кончая Ларионычем, особенно торжественно открывавшим сегодня ворота при впуске рабочих, — ждут, волнуются и полны одним чувством, одними мыслями: «Что-то скажут швейники...»

Ровно в час прибывают на завод швейники: двое мужчин и одна женщина.

Как только приехавшие вступают в мастерскую, тотчас же прекращаются работы, выключаются станки и необыкновенно длительно и громко кричит обеденный гудок.

Прибывшие по наружности ничем особенно не отличаются и, как большинство портных, одеты более чем скромно. У одного явные признаки чахотки. Он высок, тонок, лицо худое, продолговатое и бескровное. Глаза сухие и острые, прячутся под лобо-

---

[1] *Фрезерные* станки — станки, употребляемые для обработки металла путем строгания.

вой костью. Другой — немного пониже ростом, одутловат и носит маленькую рыжую бородку. Женщина — средних лет, костлявая, с большими серыми и удивленными глазами. На голове белый платок с крупными алыми узорами.

Гостей, словно знатных иностранцев, сопровождает администрация завода. Товарищ Груздев лично дает гостям объяснения и подробно отвечает на все их вопросы.

Но вот наступает торжественная минута: швейники в сопровождении Груздева и Ермилова поднимаются на возвышение. Женщина и высокий мужчина садятся за машины. Третий заправляет для них шпульки.

Рабочие притаили дыхание и в упор следят за швейниками. Многие, чтоб лучше видеть, забрались на верстаки, облепили станки, вскарабкались на наковальни, на сверлильни, на подоконники...

Гости приступают к пробе. Быстрыми и привычными пальцами вставляют они новые челноки, подкладывают под приподнятую иглу лоскутья, нажимают ногами чугунные пятки, и машины пускаются в ход.

Портные постепенно развивают быстроту и доходят до предельной возможности. Из-под прыгающей иглы выползают узоры, и нигде ни одного разрыва, ни запетленности — тонко и ровно ложатся стежки.

За работой следят пятьсот пар глаз, остро ощупывая каждую точку швейных машин и сидящих за ними швейников.

Еще немного, и проба кончена. Портные что-то говорят наклонившемуся к ним Груздеву.

«Но почему так тихо говорят?.. Ничего не слышно...»

На лицах горит нетерпение, вытягиваются шеи, сгибаются туловища и... «хоть бы одно слово услыхать...»

И вдруг — движение... Встают швейники. Один из них, тот, высокий, делает шаг вперед, обводит глазами мастерскую и неожиданно громким голосом говорит, обращаясь ко всем:

— Дорогие товарищи-металлисты, от имени нашего профсоюза швейников приношу вам нашу кровную братскую благодарность. Большой у нас, товарищи, кризис [1], сотни машин стоят без дела... А теперь, благодаря тому, что вами сделан челнок, наш союз выйдет из тяжелого положения... Еще раз крепко, по-пролетарски, благодарим вас, товарищи... Да здравствует Советская республика трудящихся!

---

[1] *Кризис* — тяжелый переходный момент, перелом, потрясение.

Но что это?.. Взорвались котлы?.. Рушится крыша?.. Нет, то рабочие откликнулись на слова товарища-швейника. Из пятисот глоток вырвалось «ура» и железным громом пронеслось по мастерской.

Отвечает представителям союза — директор завода:

— Дорогие товарищи-швейники, с большой радостью принимаем мы братскую благодарность от вашего союза. Мы счастливы от сознания, что наш труд не пропал напрасно. Но, принимая вашу благодарность, я считаю своим долгом указать, что в этом деле наибольшая доля успеха принадлежит не нам, а товарищу Матвееву, Николаю Анисимовичу, изобретателю и первоклассному мастеру. Только истинный талант и природный ум могли внушить самоучке Матвееву смелую мысль — изобрести целый ряд станков и приспособлений для такой точной и трудно выполнимой вещи, как челнок. Что челнок хорош и не уступает американскому, вы сами только что убедились. Теперь мы можем смело сказать, что с сегодняшнего дня новая отрасль влилась в наше производство. Да здравствует освобожденный труд!.. Да здравствует товарищ Матвеев!..

Долго гремят человеческие голоса:

— Матвеева!.. Даешь Матвеева!..

Но что с ним? Он забился в дальний угол, стоит лицом к стене и не то плачет, не то смеется. Платком глаза вытирает... Руки дрожат...

Не выдержал человек. Целый год жил в напряжении, а теперь распружинились нервы.

— Даешь Матвеева!.. Матвеева!.. — вопит живая громада.

Его ведут почти насильно к помосту. Вот он на возвышении... Растерянно улыбается... Кривятся губы... Голубые глаза блестят...

Голоса свертываются, затихают... Что-то скажет Матвеев?.. Тишина...

— Товарищи... Я не могу принять такой большой чести... Извиняюсь... Мне трудно говорить. Что бы я один значил? Сгорел бы, как свеча на ветру... И все тут... Ежели бы не товарищ Груздев да не все, — ничего бы не вышло... Вот значит, товарищи... что я хотел сказать...

Сжалось горло... Осекся голос... Швейники крепко пожимают ему руку.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Какие обвинения выставляли Ларионыч и Матвеев против завкома, упрекая его в задержке открытия завода? Согласны ли вы с их выводами? Подтвердите свой ответ фактами из заводской жизни или предприятия, где вы работаете или служите.

2. Что заставило Матвеева приняться за изобретение советского челнока, и какую пользу получил от этого Советский Союз?

3. Проследите за отношением рабочих к изобретательству Матвеева. Ответьте (письменно), почему рабочие были заинтересованы в успехе советского челнока?

4. Сделайте вывод из следующих слов Матвеева: «Что бы я один значил? Сгорел бы, как свеча на ветру и все тут. Ежели б не товарищ Груздев, да не все — ничего бы не вышло».

5. Расскажите, какие меры приняты теперь советской властью и партией для облегчения положения и работы изобретателей (см. постановление ЦК ВКП(б) «О массовом изобретательстве...». «Правда» от 29 октября 1930 г.).

К СТАНКУ, ТОВАРИЩИ!

Стих. И. Уткина.

Враг
Жив еще!
Жестокий глаз
Горит.
И только
К тишине
Кольцо его
Прижалось.
Взводите маузер.
Кто смеет
Говорить
Сегодня
Про какую-то там
Жалость?!
К станку, ударники!
Товарищи,
Ни ах,
Ни ох нужны
Средь орудийных гулов.
Откуда враг?
Враг всходит на дрождях
Стяжательства,
Простоев
И прогулов.

К станку, ударники!
Для нефти,
Для сырца —
Все
Наши песни,
Каждое движенье —
Ударный год.
И мы
Свои сердца
Объявим
На военном положеньи!..
Высот грядущего
Полярный круг
Горит.
Счастливый путь.
Недалеко осталось.
К станку,
Ударники!
Кто смеет
Говорить
Сегодня
Про какую-то
Усталость?!

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Кого и к чему призывает поэт в своем стихотворении? Что может дать нашей промышленности осуществление лозунга «К станку, ударники!»?

2. Кто является противником строительства СССР? Почему успехи пятилетки вызывают бешеное сопротивление классовых врагов?

3. Каково отношение советских, профсоюзных, партийных, комсомольских и других организаций к вредительству?

4. Составьте резолюцию о борьбе с вредительством. Включите в нее пункт о призыве к укреплению обороны страны.

5. Дайте объяснение следующим словам поэта: «И мы свои сердца объявим на военном положеньи».

МЫ СТРОИМ СОЦИАЛИЗМ!

Отрывок из романа Ф. Гладкова «Цемент».

На ажурной [1] вышке вместе с Глебом стояли Жидкий и Бадьин, члены завкома, и инженер Клейст. Но Глеб был один, потому что все эти бесчисленные толпы зыбились, бурлили, цвели подсолнечными полями — там, всюду, насколько охватывал глаз. Они были там, а он — здесь.

Тут, у самого основания вышки, длинной полосой — и вправо и влево — кострами горят красные знамена. И сама вышка пылает алыми полотнами в железных переплетах: знамя ячейки льется с барьера, сейчас же от Глеба, вниз и густо каплет кистями на другие знамена в толпу, а с другой стороны, где стоят Бадьин и Жидкий, — другое знамя — профсоюза строительных рабочих. И под парапетом жирным потоком льется пунцовое полотнище, и огромные белые буквы горят весенними цветами:

Мы победили на фронте гражданской войны.
Мы победим и на хозяйственном фронте!

...Глеб до боли в суставах сжимал железные полосы перил и не мог удержать изнурительной дрожи в ногах. Сердце надувалось кровью и заполняло всю грудь до удушья. Откуда прет такая тьма народу? Здесь и без того уже навалило тысяч двадцать, а колонны все идут без конца.

Вон, недалеко, вправо, за вышкой, стоит вольно полк красноармейцев. Так же когда-то стоял и он. Давно ли это было? А теперь вот он здесь: опять рабочий завода да в придачу — в головке партийной братвы. Завод! Сколько положено сил, сколько было борьбы! Вот он, завод-богатырь и красавец! Был он недавно мертвец, чортова свалка, развалины, крысиное гнездо. А теперь — грохочут дизеля, звенят провода, насыщенные электричеством, курлыкают ролами бремсберги и звенят вагонетками. И завтра заревет и закружится на своих осях первая великанная цистерна вращающейся печи, а вон из этой страшенной трубы заклубятся седые облака пыли и пара.

Разве все это не стоит того, чтобы все эти несметные толпы народа пришли сюда и порадовались общей победе? Он... Что он,

[1] *Ажурный* — сквозной, сетчатый.

Глеб, среди этого людного моря! Не море, а живая гора — камни, воскресшие людом... Ух, какая силища!.. Это — те, кто с лопатами, с кирками и молотами прорезали горы для бремсберга. Это было весной, в такой же вот прозрачный солнечный день. Тогда была пролита первая кровь. Теперь город — в дровах, а здесь все готово к пуску завода. Сколько крови в этой великой рабочей армии! Ее, этой крови, хватит надолго. Работает транспорт. Будет работать «Судосталь». Зашумят паровые мельницы. А разве мало здесь горных потоков, чтобы поставить турбины?

...Говорил Бадьин — говорил долго, всем телом. Разве можно сказать, что говорил Бадьин! Говорил все, что надо: и советская власть, и хозяйственное строительство, и товарищ Ленин, и Российская коммунистическая партия, и рабочий класс... А вот подошел к самому главному, запомнилось так:

— ...И вот из наших побед на хозяйственном фронте — победа огромная, нечеловеческая, — этот пуск нашего завода, этого гиганта республики...

Дальше ничего не было слышно. Будто гора сдвинулась с места и со страшным грохотом обрушилась на Глеба, на вышку, на заводские корпуса. Рев, вой, гул, землетрясение... Вышка дрожала и колыхалась, как проволочная. Пройдет мгновение — и она грохнется, как игрушка, взлетит на воздух и будет прыгать над морем голов, над знаменами, в волнах человеческого содома. Внизу и где-то еще и еще гремели медью оркестры.

Глеб, бледный, ошеломленный, лепетал странные слова, непонятные самому, задыхался, махал руками и неудержимо смеялся не нутром, а одною судорогой в лице.

— Говори... твое слово... Режь!..

Тряслась челюсть, и зубы выбивали дробь. Ослепли глаза, и толпы запылали огненной вьюгой.

— Ну, говори же!.. Дрызгай с места в карьер!..

И не помнил, что говорил, и будто не говорил, а бормотал бессвязную, жалкую чепуху. Но его голос слышали даже дальние толпы на взгорье.

— ...И не барахолить словами, товарищи... не трепать языком... крепко поставить на плечи башку, а руками держать дело за ребро... Вот как надо ставить вопрос. Это — не заслуга, когда мы бьемся над созданием нашего пролетарского хозяйства... Мы — все... единым духом... Если я — герой, так все же герои... А если мы не натянем кишки до геройства, так всех же нас к чортовой матери — по шеям с колокольни. Но скажу одно, товарищи: мы сделаем все, и дадим мы, будь оно проклято, кому надо сорок очков вперед... А вот если бы нам побольше таких технору́ков,

как наш инженер Клейст, да еще кой-чего немножко, так мы бы в два счета покрыли на-ять всю Европу... Это будет, товарищи... это должно быть... мы ставили ставку на кровь и своею кровью зажгли весь мир... Теперь, закаленные в огне, мы ставим ставку на труд... Наши мозги и руки дрожат... не от натуги, а требуют новой работы... Мы строим социализм, товарищи, и свою, пролетарскую, культуру... К победе, товарищи!..

Опять гора осела грохотом и взорвалась ревом и медью оркестров.

Глеб помнил, будто сквозь сон, как схватил красный флаг и взмахнул им над толпою три раза. И сразу же охнули горы, и воздух вихрем заклубился в металлическом вое. Ревели гудки — один, два, три... вместе, разноголосо, рвали барабанные перепонки, и будто не гудки это ревели, а грохотали несметные толпы. Плясали они здесь под вышкой, там, на скалах, на склонах горы, огненными крыльями полыхали знамена, и оркестры звенели колоколами...

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Чьими усилиями был восстановлен завод? Припомните содержание речи Глеба Чумалова.

2. Опишите трудности, которые пришлось преодолеть рабочим в годы разрухи и гражданской войны.

3. Объясните выражение: «Мы сделаем все, и дадим мы, будь оно проклято, кому надо сорок очков вперед».

4. Назовите ряд фабрик и заводов, открытых вновь или восстановленных в последнее время. В чем следует видеть залог успешного выполнения пятилетки в области промышленности?

5. Узнайте на своем предприятии, как выполняется у вас производственная программа. Напишите в свою стенгазету о работе ударных бригад.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ ПО ТЕМЕ I (в целом)

1. Что гарантирует выполнение пятилетнего плана в более короткий срок (четыре, три, два года)? Приведите примеры (из прочитанных произведений и газет), говорящие о достижениях в области индустрии.

Принимая во внимание, что осью плана «великих работ» является социалистическая индустриализация СССР, докажите правильность мысли: «пятилетка не мечта и не фантазия».

2. Как проводится в жизнь постановление XVI партсъезда «о мобилизации всех ресурсов страны для ускорения темпов индустриализации»? Ответ подтвердите ссылками на факты.

3. Обоснуйте мысль, что строить социализм — это значит «уничтожать классовое строение общества и повышать производительность труда».

Можно ли осуществить пятилетку без широкого участия трудящихся масс? В чем это участие должно выражаться?

4. В каком смысле лозунг «лицом к производству» является продолжением идеи Ленина о соцсоревновании?

Приведите факты, говорящие о трудовом подъеме, железной дисциплине среди рабочих масс.

Дайте обзор путей развития соцсоревнования (от ударной бригады — к ударному заводу, сквозным бригадам, общественному буксиру и т. д.).

ПЯТИЛЕТКА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

«...Либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также экономически. Погибнуть, или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей» (Ленин).

Социалистическая реконструкция народного хозяйства — задача недробимая. Ее нужно разрешать одновременно и по линии промышленности и по линии сельского хозяйства при ведущем значении социалистической промышленности.

Наше сельское хозяйство еще от дореволюционного времени досталось нам крайне отсталым. К началу первого года пятилетки мы имели около 27 миллионов крестьянских хозяйств. В основной массе — это мелкие, почти потребительские хозяйства, имеющие изолированные небольшие земледельческие участки. Естественно, что такие хозяйства малопроизводительны. На них нельзя применять машинную технику, улучшенные способы обработки и т. д.

На основе таких хозяйств нельзя поднять уровень и всего сельскохозяйственного производства. А нам нужны иные темпы. Производительность сельского хозяйства, как и производительность промышленности, должна быть максимальной, а мы видим, что сельское хозяйство отстает от индустриализации страны, от роста городов, населения и его потребностей. Это отставание сельского хозяйства от всего нашего хозяйства поставило вопрос о новых путях более быстрого подъема сельского хозяйства.

Недаром говорил В. И. Ленин: «Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы менее выгодные и наиболее отсталые мелкие обособленные крестьянские хозяйства постепенно объединялись бы, организовывались бы в общественное, крупное земледельческое хозяйство».

Вот путь, который указал Владимир Ильич. Это единственно правильный, социалистический путь, который отстаивает коммунистическая партия и по которому ведет она Советский Союз: «Это путь решительного удара по кулацкой верхушке деревни; это путь широкого строительства крупных советских хозяйств с машинной техникой; это путь массовой коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств; это путь колхозов, машинно-тракторных станций, кооперирования, контрактации и т. д.» (Гринько, Народное хозяйство в пятилетке).

Строительство совхозов и колхозов, принятое еще XV партсъездом и единодушно поддержанное V Всесоюзным съездом советов, создало величайший перелом в развитии сельского хозяйства СССР (см. доклад т. Яковлева на XVI съезде).

«Достижение партии состоит в том, что нам удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого капиталистического пути развития, — от которого выигрывает только кучка богатеев-капиталистов, а громадное большинство крестьян вынуждено прозябать в нищете, — к новому социалистическому пути развития, который вытесняет богатеев-капиталистов, а середняков и бедноту перевооружает по-новому, вооружает новыми орудиями, вооружает тракторами и сельскохозяйственными машинами для того, чтобы дать им выбраться из нищеты и кулацкой кабалы на широкий путь товарищеской коллективной обработки земли» (Сталин). (Чит.: «Новая земля» Гладкова.)

Совхозы и колхозы не пугают теперь крестьянина, а увлекают широкой волной батрака, бедняка и середняка. Намеченные пятилетним планом цифры не соответствуют уже тому громадному размаху, который мы имеем сейчас: «...На 1 мая 1930 г. в основных верновых районах производящих областей коллективизация охватила 40—50% крестьянских хозяйств вместо 2—3% хозяйств весной 1928 года, а посевная площадь колхозов по СССР с 1,5 млн. *га* весной 1928 года поднимается, как это и предусматривалось решением Центрального комитета ВКП(б) от 5 января, примерно до 30—35 млн. *га* весной 1930 года, не считая озимого клина. В результате этого колхозы вместе с совхозами уже в настоящем 1930 году дадут основную часть товарной зерновой продукции в отличие от периода XV съезда и XVI конференции, когда подавляющая часть товарной зерновой продукции производилась индивидуальным крестьянским, в том числе и кулацким хозяйством» (из резолюции XVI партсъезда).

Невиданный размах!.. Невиданные темпы! Происходит величайшая реконструкция сельского хозяйства.

Деревня ломает свой старый хозяйственный базис, перестраивается сверху донизу, создает иные отношения между вещами и людьми. Таким образом колхозы являются основным фактором, главной силой в сельском хозяйстве.

Правда, в конце февраля 1930 г. в деле коллективизации сельского хозяйства произошел перелом, и наступил некоторый отлив крестьянства из колхозов.

Каковы причины отлива? Искривление в отдельных случаях партийной ленинской линии: нарушение ленинского принципа добровольности; нарушение ленинского принципа учета разнообразия условий в различных районах СССР применительно к колхозному строительству, и, наконец, забыли о постановлениях ЦК партии:

«Вместо организации массового движения за сельскохозяйственную артель эти товарищи стали «переводить» крестьян-единоличников прямо на устав коммуны». Стали «обобществлять» в принудительном порядке мелкий скот, птицу, жилые постройки и т. д. Вот те основные ошибки в колхозном движении, которые возникли в результате «головокружения» от быстрых успехов в области колхозного движения.

«Неудивительно, что отрицательные результаты такой «политики» не заставили себя долго ждать. Наскоро возникшие колхозы стали так же быстро таять, как они быстро возникли, а часть кре-

стьянства, вчера еще относившаяся к колхозам с громадным доверием, стала отворачиваться от них» (Сталин).

В результате имевших место ошибок некоторые маловеры впали в панику. Наши враги злорадствуют и пророчат «провал» колхозного движения. Ошибаются и те и другие. Уходят из колхозов элементы чуждые, колеблющиеся, уходят так называемые «мертвые души». От их ухода колхозное движение только выиграет, — оно будет крепче, устойчивей.

Опасность администрирования перегибов на местах партия своевременно учла, опубликовав знаменитое постановление от 15 марта 1930 года.

Статья т. Сталина, постановление партии и правительства о льготах для колхозов — все эти мероприятия имеют огромное значение в деле ликвидации ошибок и дальнейшего укрепления колхозного движения, действительно массового, на полных началах добровольности.

И мы видим уже, что осенняя посевная кампания характеризуется новым притоком крестьян-единоличников в колхозы.

Вместе с массовой коллективизацией сельского хозяйства пятилетка ставит задачу поднять посевную площадь по всему Союзу на 26%, причем по зерновым культурам это повышение должно дать около 15%, а по техническим — около 50—60%. В первом году пятилетки мы смогли увеличить посевную площадь на 6% — в противовес уверениям правых, что она должна снизиться. Задачу увеличения посевной площади мы выполняем достаточно удовлетворительно и на втором году пятилетки.

Кроме того, наряду с увеличением посевной площади, пятилетний план ставит задачу — добиться за пятилетие повышения урожайности зерновых культур не менее чем на 35%. Это задача огромной политической важности и чрезвычайно трудная. Выполнение ее требует от крестьянина хотя бы минимальных агрономических знаний: правильной обработки почвы, хорошего подбора семян, протравливания их, применения минеральных удобрений, борьбы с вредителями и т. д.

Поднятие урожая зависит и от применения техники. «Бурный темп коллективизации, который позволил нам перейти к осуществлению ликвидации кулачества как класса, создание мощных совхозов и машинно-тракторных станций, — все это ребром ставит вопрос о подведении соответствующей технической базы под обобществленное сельское хозяйство» (Куйбышев, доклад на XVI съезде).

75 тысяч тракторов уже в этом году на колхозных и совхозных полях делают существенную революцию в деревне. Грандиозная программа строительства тракторов и комбайнов [1] намечена пятилетним планом.

«В области сельскохозяйственного машиностроения достаточно назвать три цифры: если до войны производилось на 67 млн. рублей продукции, то в этом году мы дадим на 400 с лишним миллионов рублей сельскохозяйственных машин; а на будущий год намечается

---

[1] *Комбайн* — сложная сельскохозяйственная машина, заменяющая собой несколько машин: жнейку, молотилку, веялку.

произвести сельскохозяйственных машин на 845 млн., т. е. в 12½ раз больше, чем в довоенное время. А это значит, что продукция сельскохозяйственного машиностроения в будущем году превысит годовую американскую продукцию сельскохозяйственного машиностроения.

В области сельскохозяйственного машиностроения мы реально встали на путь осуществления лозунга «догнать и перегнать» капиталистические страны» (К у й б ы ш е в).

Это значит, что на базе коллективизации, на базе машинизации и организации совхозов партия сможет осуществить лозунг «догнать и перегнать» не только в отношении промышленности, где преимущества сельского хозяйства давно уже вскрылись с огромной силой, но и в области сельского хозяйства, темпы развития которого до сих пор определялись подавляющим преобладанием малопроизводительного мелкого и мельчайшего хозяйства, а теперь будут определяться ускоренным развитием колхозов и совхозов, представляющих собою новый тип хозяйства, невиданный в истории человечества и впервые открытый опытом хозяйственного строительства в СССР (из резолюции XVI партсъезда).

Таким образом только при помощи коллективизации мы разрешаем и разрешим окончательно сельскохозяйственные затруднения.

В ближайшие годы мы получим сотни тысяч тонн дополнительно в наш народнохозяйственный оборот.

«Ход развертывания весеннего сева 1930 года показывает, что на основе коллективизации и насаждения совхозов партии удалось добиться разрешения важнейшей зерновой проблемы» (из резолюции XVI партсъезда).

А это значит, что на основе разрешения зерновой проблемы «не только облегчается развитие технических культур и животноводства, но и решается вопрос о возможности путем развития коллективного и государственного хозяйства вывода остальных отраслей сельского хозяйства из трудностей, непреодолимых для малопроизводительного мелкого и мельчайшего хозяйства» (из резолюции XVI партсъезда).

Итак, мы видим огромную социалистическую переделку всего сельского хозяйства. Вопреки уверениям правых, вопреки вредительской деятельности в области сельского хозяйства буржуазных экономистов—Кондратьевых, Громанов, партия успешно справляется с трудностями, верной и опытной рукой ведет страну к социализму. Но много еще недостатков. И это усиливает безотлагательность напряженной работы в них, помощи со стороны рабочего класса и предъявляет к самим колхозам громадные требования.

Колхозы, используя преимущества крупного хозяйства, должны дать как можно больше сельскохозяйственной продукции, всемерно содействуя индустриализации страны. Колхозы должны стать организаторами перехода к крупному хозяйству остального окружающего бедняцко-середняцкого крестьянства.

«В результате массового развития колхозов и совхозов и начавшейся ликвидации кулачества меняется самое соотношение экономических укладов в хозяйстве СССР, поскольку вдобавок к социалистическому укладу, представленному промышленностью, вырастает социалистический в сельском хозяйстве СССР, вытесняющий капиталистический уклад».

«В соответствии с этим по-новому ставится вопрос об опоре советской власти в деревне» (из резолюции XVI партсъезда).

Колхозы и колхозники являются крепкой опорой коммунистической партии и советской власти во всей их работе в деревне, а в особенности в борьбе с кулаком и его помощниками (попом, бюрократом,) которые пытаются сорвать дело коллективизации, помешать социалистическому переустройству страны. (Чит.: «Два лагеря» Брусиловского, «Война за хлеб» Микулиной, «За урожай», «Межи под ножами тракторов» Малашкина, «Человек» Горького, «Бабий бунт» Третьякова.)

Борьба с кулаком, его ликвидация как класса в районах сплошной коллективизации является попрежнему боевой задачей и должна проводиться со всей решительностью и настойчивостью.

«Мы терпели этих кровопийц, пауков и вампиров, проводя политику ограничения их эксплоататорских тенденций. Терпели, так как нечем было заменить кулацкие хозяйства, кулацкое производство. Теперь мы имеем возможность заменить с лихвой их хозяйства хозяйством наших совхозов и колхозов. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц незачем. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц, поджигающих колхозы, убивающих колхозных деятелей и пытающихся сорвать сев, — значит итти против интересов рабочих и крестьян» (Сталин). (Чит.: «Вот он кулак» Тарпана, «Станица» Ставского, «Товарищ Митрофанов» Шишкова, «Встреча» Березницкого, «Голубок» Овалова.)

Пролетарские писатели дают живые зарисовки индустриализирующейся деревни — деревни, переходящей от старых способов конной и ручной обработки земли к механизированной работе посредством тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин.

Мы видим, как по-новому строится деревня. (Чит.: «Организация артели» Замойского, «Сеженская коммуна» Дубровина, «Петр Дьяков» Молчанова, «Жатва в коммуне» Артамонова, «Трактор победил» Панфорова, «Электрические затеи» Кушнера, «Что делать будем» Каменского, «Деревня» Арамилева.)

«НОВАЯ ЗЕМЛЯ».

Отрывки из повести Ф. Гладкова [1].

I. ДВА МИРА

Коммуна «Новая земля»... Эта «новая земля» — материк [2] среди архипелага [3] мужицких «полос» и «душевых наделов». Деревни и хутора на той стороне болотистой речки, за камышами, дымятся под кряжем, как перегорающие кучи навоза, с белыми и сизыми колоколенками и часовнями, с разграфленными за-

---

[1] Повесть «Новая земля» Ф. Гладкова напечатана в сборнике «Земля и фабрика», кн. 10 (1930).

[2] *Материк* — в географии одна из основных пяти частей суши (Европа, Азия и др.).

[3] *Архипелаг* — группа островов.

дворками, которые сползают в кочкастую топь. А на холмах, за деревнями, чернеют и зеленеют вдоль и поперек, клиньями, квадратами и тоненькими полосками подворные поля. Там осенью и весною усатыми кузнечиками стоят телеги с задранными вверх оглоблями, утомленно и лениво ползают одинокие лошади, помахивая мордами, и тащат за собой сохи и бороны. Если мужик горбатится, спотыкается позади лошади — значит он пашет свое поле: если впереди лошади идет женщина или бултыхается впереди мальчишка — значит лошадь тащит борону. Тогда где-то недалеко шагает, широко размахивая рукой, мужик, сосредоточенно считает свои шаги и взмахи рук. Кажется, что на животе у него барабан, и он бьет в него в такт своим редким и зыбким шагам. Мне [1] всегда почему-то очень грустно смотреть на этот мужицкий труд, одинокий, убогий и скорбящий. Я смотрю на эти безлюдные косогоры, на этих изнуренных лошаденок и спотыкающихся людей, пегеньких и беззащитных, и сердце у меня вздыхает стихами, прочитанными когда-то давно, забытыми давно, но воскресающими в эти минуты:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа...
Край родной долготерпенья [2]...

Наши поля не пестреют лоскутками и заплатами, не рассекаются полынными межами: это — необозримые бархаты пашен, целые моря зеленого шелка озимей, а летом — океаны янтарно-золотой зыби, пылающей пламенными волнами. Летом, в хрустальные дни, стройные ряды железных чудовищ тяжело ползают по этим пламенным полям и пожинают солнечные волны пшеницы и ржи. А осенью и весною вереницами и дружными колоннами в желтых струях пыли, с трудолюбивым упорством расчесывают землю многолемешные [3] плуги, дисковые и зигзаговые бороны [4] и рядовые сеялки. Здесь уже не вижу я ни понурой издерганной лошаденки, ни мужика, который выбивается из сил, путается ногами в борозде. Не вижу я ни косцов, ни жниц, которые целыми днями унизительно кланяются своей черевелой землишке и за каждый поклон получают горсть горячей соломы с чахлыми колосьями.

---

[1] Рассказ ведется от лица дошкольной работницы, живущей в коммуне «Новая земля»

[2] Стихи поэта Ф. И. Тютчева (1803—1873).

[3] *Лемех*— острый наконечник плуга, взрезающий землю при пахоте.

[4] *Зигзаговые бороны* — особый усовершенствованный вид борон, у которых рама не прямоугольная (как у обычной бороны), а состоит из прямоугольников, образующих ломаную линию (зигзаг).

У нас — две тысячи гектаров земли, где нет ни одного клочка, не взрыхленного плугами и не оплодотворенного семенами злаков и трав, не упитанного тучными азотами. И в этом густом море беременной и рождающей земли наши жилища — каменные корпуса общежитий, хозяйственных построек, мастерских, высоких палат для скота и ссыпок — это флотилия судов[1], где команда подобрана строго и знает свои цели и обязанности. Это — родные братья и соратники, которые связаны клятвой верности и дружбы. Это — семья в триста человек. У них нет ничего своего, но у них есть все. Они ничего не имеют, кроме своей силы, но они владеют общим достоянием.

II. РОЖДЕНИЕ КОММУНЫ.

В тяжелые дни голода собрались обалделые и изуродованные страхом коммунисты-партизаны[2] — Ветров, Банкин, Гуляка, Чушкин — и пошли к учителю Кирикову. Собрались, поговорили и решили немедленно же вербовать всех, желающих итти в обетованную землю[3].

С помощью Кирикова они выработали устав, повели агитацию в селе за коммуну и с его же помощью в округе добились передачи им соседнего хутора, который раньше принадлежал богатому кулаку Буракову. Земли у него до революции было немного — гектаров двести, но зато был просторный дом, казарма для дворни и две больших конюшни. Была еще паровая мельница и маслобойня, но они были разрушены и давно не работали. Кулак Бураков жил еще в своем доме на этом хуторе.

Умирающие от голода, безумные от страха, мужики в отчаянии повалили валом к школе — записываться в коммуну.

— Все едино пропадать. Уж лучше артелью, на людях, чем в своих берлогах. Тут еще сожрут тебя — или люди или собаки.

Шли без веры в спасение, — шли для того, чтобы умирать скопом; бежали от ужасов, от призраков, от самих себя. Завыли бабы: они, как ведьмы, знали только свои печки и никогда не выпускали из рук помела. Они предпочитали умереть под боком домового. Началось избиение баб по всему селу. Это было похоже тоже на общее безумие.

---

[1] *Флотилия* — отряд судов, кораблей (военных, торговых и т. д.).

[2] *Партизан* — участник партизанского, т. е. добровольческого отряда, ведущего вооруженную борьбу против врагов, но не принадлежащего к постоянной армии.

[3] *Обетованная земля* — в современном смысле слова земля или край, где надеются найти прочное пристанище, благополучие, счастливую жизнь; здесь, в тексте, под этим словом подразумевается коммуна.

Набралось семей шестьдесят, — людей без разбора: и лодырей, и пьяниц, и нужных верных людей. Решили: не справиться с этой оравой. Сначала думали, что охотников будет мало, но когда хлынули люди, организаторы увидели, что коммуна разложится и погибнет, если не будет сурового подбора настоящих работников.

Прохор однажды спросил Ветрова и товарищей:

— Кому нужна и выгодна коммуна, милые люди? Вы подумали над этим?

— Тут и думать нечего. Коммуна выгодна только бедноте.

— Ну, во-от тебе... — с досадой и огорчением отмахнулся Кириков: — бедноте!.. Какой бедноте? Беднота бедноте — рознь. Есть беднота, которая будет вреднее и гаже кулака, потому что она продажна и горласта. Ваша коммуна может утонуть или сгореть в одной капле алкоголя. Подбирайте людей, подобных себе, и — только. Берите список — давайте усекать всех, кто опасен. Лучше брать человека под подозрение, чем верить ему. Не верить, а проверять — вот закон людских отношений нашего времени, закон коммунистического подбора!

Из шестидесяти семей оставили двадцать. Многосемейных не брали, чтобы не нарушать принципа равенства. В городе утвердили устав, дали семссуду, дали денежный кредит и коммуну назвали: «Новая земля». Кулака выселили: не хотел, упирался — вытурили силой (помяли немножко бока) и конфисковали у него весь инвентарь, две лошади, три коровы, пять свиней.

Коммунары привели с собой несколько дохлых одров, несколько коровьих скелетов, телеги, сохи, плужки и принялись за дело. Земля была в разбросе: одни клочки — рядом, другие — километров за десять. Начали на этих голодных одрах пахать пар под озимое.

Это был самый тяжелый год: люди совсем ослабли, скот падал. Но люди держались: уж одно то, что они все-таки что-то ели, что каждый день собирались вместе и подбадривали себя, им было легче, чем на селе. Там люди мерли, как мухи. Своими силами и средствами отремонтировали конюшни под общежития и на зиму разместились по своим углам.

Сразу же устроили общественную столовую, в которой кормились все бесплатно.

Зимою от безделья бабы затосковали по своим собственным печкам, и в коммуне началась смута. На собраниях то и дело визжали женщины:

— Согнали нас сюда в эту прорву, проклятые, и сиди тут, как каторжные. Дома-то куда лучше было: хоть дело, хоть не

дело, — все рачишь для себя. Тормошишься у печки али на дворе с телятами. Там уж — знато: никому, как только — себе в торбу. Ну вас к чорту с вашей коммуной, будь она проклята! Не жизнь, а — тюрьма. Там хоть один таракан, да свой, а здесь и сам-то неизвестно чей.

И Ветров на одном таком собрании вдруг заявил:

— Товарищи, кому в тягость коммуна, подавай сейчас же заявку о выходе. Лучше уйти сейчас, чем загонять заразу в нутро.

Ушли две семьи, взяли свой выдел, а через два месяца пришли опять. И не мужчины, а женщины явились на собрание.

— Вот, товарищи-коммунары, с повинной мы... позарились на свое... ушли... А моготы нет — не в благость нам жизнь в старом гнезде... Будь она, проклятая, неладна! Замучились. Обовшивели все... Глаза бы на все не глядели... Примайте опять... всем закажем: не слухайте дур баб, воют они да лаются на месяц, как суки...

Это появление ушедших баб произвело потрясающее действие. Среди женщин надолго прекратились пересуды и сплетни.

Лето было прекрасное. Урожай был чудесный. Люди повеселели и работали без устали. На клочках полей дежурили по ночам с винтовками: боялись, что деревенские мужики будут воровать сжатый хлеб. Случилось так, что на близких полосах ночью вспыхнули скирды. Кто поджег — неизвестно, но огонь охватил не только коммунарские хлеба — по жнивью огонь перебежал и на полосы крестьян. В то время, когда тушили огонь, произошла свалка: мужики бросились на коммунаров с кольями. Кто-то пустил слух, что хлеб подожгли коммунары, чтобы насильно загнать мужиков в коммуну. Одного парня из коммуны изувечили так, что его отправили в больницу. Там он умер на другие сутки. В деревне арестовали нескольких крестьян и отправили в город. Деревня превратилась в свирепых врагов. Коммунары не спали по ночам: ждали нападений и поджогов. Однажды ночью около риги захватили двух деревенских парней, остальные трое убежали. Когда их обыскали, нашли пузырьки с керосином и ножи. Вместо того чтобы арестовать их, Ветров наедине с ними долго беседовал, угощал их на кухне (это глухой-то ночью) остатками ужина и отпустил домой — сам провожал их до самой деревни. После этого события деревня помаленьку успокоилась, и между нею и коммуной установилось перемирие.

С урожаем едва справились: на тощих лошаденках трудно было перетаскивать хлеб с отдаленных полос. Ветров, председатель коммуны, проявлял чудеса: он целыми днями рыскал по округе и вынюхивал самые потаенные места, где спрятаны и забыты земледельческие машины.

...Прошел еще год. Землю округлили: взамен разбросанных полос коммуна окружила себя сплошным полем в восемьсот гектаров. Ввели многополье. Обстроились поуютнее. Пустили маслобойку и мельницу. Мужики, которые раньше издевались над коммуной и которые выжидали, — начали осаждать совет заявлениями о принятии их в коммуну. Принимали единицами, осторожно, скупо.

Вдруг летом произошла катастрофа: разразилась страшная гроза с ливнем и крупным градом. Огромная часть урожая погибла. Люди ошалели, пришли в смятение. Всем казалось, что коммуна—ловушка, где люди обречены на рабство и на голодную смерть. Общие собрания были бурны. Все сошли с ума: ждалось — вот лопнет какая-то паутина, люди бросятся на Ветрова и его товарищей и устроят кровавый самосуд. Коммуна бурлила, как разоренный муравейник. Люди ослепли и в страхе начали сталкиваться лбами. Начались позорные ссоры и драки из-за пустяков. Несколько семей опрометью бежало из коммуны. И только в решительный час, когда коммуна была уже совсем на волоске от гибели, Ветров, Банкин, Гуляка и Чушкин нашли в себе мужество собрать последние силы: спокойно, с жестокой настойчивостью они объявили, что всякий, кто вносит смуту в среду коммунаров,— изменник, предатель и враг. С таким будет беспощадная расправа: его выгонят без всякого выдела, с волчьим билетом [1]. Нужно найти помощь у партии и нашей власти.

Так как посевы были застрахованы, получили премию. Банк открыл кредит коммуне. Мельница и маслобойка дали хороший доход. Положение было спасено. Но случились два пожара по ночам: сгорела рига с необмолоченным хлебом, а через месяц — большой деревянный амбар. Виновников не нашли, но все знали, откуда прилетел огонь: были убеждены, что это работа Буракова.

Следующий год опять был урожайный. Коммуна сумела приобрести по случаю большой набор машин. Духоборы [2], выходцы из Канады, после двух лет неудачной жизни на советской земле решили уехать обратно в Америку. Весь инвентарь выгодно приобрели коммунары. Это подняло дух у людей. Опять начинается эпоха подъема, надежд и бодрости.

---

[1] *Волчий билет, волчий паспорт* — так назывался прежде дурной, замаранный отзыв, выдававшийся исключаемому со службы (или из учебного заведения) без права обратного поступления.

[2] *Духоборы* — религиозная секта (община), часть которой, спасаясь от преследований царского правительства, выселилась в Америку (в Канаду).

В этом году коммуна стала выводить капитальные постройки: оборудовала кирпичный завод, выстроила конюшни, механическую мастерскую, приобрела породистый скот и заложила здание электростанции.

III. ЗАВОЕВАНИЕ ПОЛЕЙ.

Коммунары «Новой земли», по уговору с соседними крестьянами-колхозниками, хотят произвести тракторную вспашку полей соседней деревни. Часть крестьянок из деревни, подстрекаемая исключенной из коммуны дочерью кулака, Анисьей Ветровой, противится этой вспашке, так как она должна уничтожить межи и отдельные мелкие наделы. Женщины подговаривают старуху-обылку, деревенскую знахарку, лечь на пашню, по пути трактора, чтобы помешать вспашке.

С перевала открывалась волнистая ложбина, бурая и дымная, с блеклыми полосами озимей, длинными ломаными четырехугольниками густо чернели свежие, еще теплые полосы вспашки. Вдоль этих полос голубыми гусеницами быстро ползли машины. По дорогам, по полям извилистыми пестрыми вереницами бежали мужики и бабы. Толпы сбивались по полосам вспашки и тормошились по целине. Мы обгоняли бегущих детей, запыхавшихся баб и мужиков. Они смеялись нам, махали руками и кричали, но что кричали — я не могла уловить. Эти толпы внизу и эти вереницы народа, которые тянулись и по дороге вместе с нами и из деревни в ложбине, были похожи на крестный ход, но это уже был другой праздничный выход деревенского люда. Благочестивые молебствия умрут с этого дня: деревня создает новые народные сходбища — весенние и летние праздники машин, урожая, древонасаждения и своих деревенских олимпиад [1].

Тракторы стремительно, грузно и плавно шли одни за другим. Земля отплескивалась в сторону от лемехов густыми, черными волнами.

Бабы, мужики и девки очарованно смотрели на работу машин и не могли оторваться. Было тут несколько стариков и старух. Одна из них сморщенная, беззубая, с выщелкнутым подбородком, сидела на земле и, вытянув ноги в лаптях, жевала хлеб и мигала на лапти. Она вдруг увидела меня, сморгнула влагу с глаз и постучала изуродованным пальцем в истлевшее жнивье.

— А все — бесии... бесии, матушка... Отступилась от нас, по грехам нашим, пречистая, пресвятая богородица. Ну, Христос терпит... терпит он, терпит, а потом грянет... сломит рога нечистого... согнет в три погибели... Грядет господь с судом своим...

[1] *Олимпиада* (в современном языке) — большое спортивное состязание, где участвуют представители целой области, района, города и т. д.

Адовые кони... вишь, как тело земли-матушки кромсают... с громом, с огнем, с изрыганием...

Бабы кудахтали курами, а мужики гомонили озабоченно и строго.

— Ой, глядите, глядите, бабы... земля-то... так и хлещет, так и хлещет...

— А что теперь будет с нашими клячами? Сдыхать им, что ли?

— Коммунарским бабам и делать нечего... жир только нажи-вают... Все за них машины делают... и ребятишки отняты... Гляди, какие хари... как кобылы стоялые... ржут да играют...

— Уж будя тебе, кума!.. что зря болтать!.. Яслы-то наши... прямо благость... чай, только сейчас и вздохнула...

— Молчи ты, шелудивая! Да чтобы я своего ребенка в яслы отдала? Будь я проклята, ежели своему дитю кокушкой буду!.. Разрази меня господи! Кутята они, что ли?..

Бабы начали перебраниваться. Старики смотрели на поля зорко, неодобрительно и крутили головами.

— Разве сейчас найдешь, чья земля: полыщет и режет через все швы... ни гашника, ни ворота... все — на уру...

— А ты здесь не шукай, Василь Карпыч. Ты назад потряси бородой-то — вот те что... Прихрюкает этакая вот скотина к тебе на усадьбу — все заборы да прясла, клети да хибарки — все накувырок... Вот те что?..

— Эх, люди, мир! На сходе рта открыть нельзя: кляпом затыкают. Дожили. Старикам сейчас — крышка... умирать пора... Пущай... Аль наплевать: все едино пошло прахом... Как жил, так и буду жить... На порог никого не пущу...

— И выходит одно на одно: советская власть спокою не даст... вот те что!..

Мужик, в опорках и рваной шапке, но со свежим бритьем на подбородке, пронзительно закричал на стариков:

— Вы, бородачи, жилы из нас вымотали... Крышка вам, подкулачникам... Сколь ни трясите своими сивыми бородами — не жить вам больше на нашем свете... Вон они — сила! Грохочут, бушуют и режут, как пулеметы... Спроть кого идете? Люди! Одна у вас защита — бороды ваши да лапти, хы-хы! Крышка! У вас — Христос, у нас — колхоз. — И засмеялся пискливо и злорадно, захлебываясь слюною. Старики угрюмо и опасливо косились на него.

Народ — мужики, бабы, ребятишки, — как на ярмарке, цветисто рассыпался по полю: люди сбивались в толпы, вереницей перебегали с места на место, растекались в разные стороны, кричали, размахивали руками.

Поле уже непроглядно темнело бархатом на широкое пространство, и межи, и седое былье, и прошлогодний пар, и рыжее гниющее жнивье — все пожиралось железными ревущими чудовищами и тонуло в бурных потоках земли. Впереди густая толпа баб из деревни визжала истошными криками. Мне казалось, что бабы лаялись между собою и драчливо налетали друг на друга все вместе и каждая в отдельности. Почудилось, что среди них угорело носилась костлявая, длиннорукая Анисья Матвеевна [1]. Мужики с презрительным любопытством толкались около них, скалили зубы и тоже махали руками, будто натравливали их на потасовку.

...Тракторы остановились и хрипели недовольно и изумленно.

Бабы бесновались, махали руками, юродствовали, падали на землю и, задирая лица, искаженные злобой и кликушным восторгом, орали с хриплым исступленным визгом:

— Наша земля! наша! Вертай обратно в свою коммуну... Шагу шагнуть не дадим... Умрем не пустим! Умрем!

Трактористы растерянно сидели у рулей и оглядывались, конфузливо и беспомощно. Я подбежала к Глаше [2] и махнула трактористам.

— Глаша, поворачивай в сторону... под прямым углом... Нельзя же терпеть больше это безобразие...

— Ну, нет! Чорта с два! Я поеду прямо... И ты веришь? Никакая дура не ляжет под колеса... Вот увидишь...

Она надавила на рычаг, трактор рванулся и с ревом пошел вперед, минуя переднюю машину. За ним поползли и другие тракторы, врываясь широкими когтистыми ободьями колес в сизую, прибитую дождями и ветром землю.

Бабы с визгом и истерическими криками затрепыхались, как куры, и оравой бросились навстречу тракторам. Глаша упрямо и яростно смотрела на эту суматоху баб и работала рычагами.

Ее трактор толчками рвался вперед. Машина шла неудержимо и грозно. Бабы падали на землю и сразу же в панике перед ревущим чудищем вскакивали и, бледные, слепые, отбегали в сторону.

Глаша озорно скалила зубы. Отставший передний трактор тоже зарычал и двинулся вперед на толпу, которая шарахнулась врассыпную. Вдруг бабы опять ринулись к тракторам и, как кликуши, оглушительно завизжали. Они толкали впереди

---

[1] Анисья Ветрова, дочь кулака, исключенная из коммуны.

[2] Трактористка из коммуны.

себя бобылку [1], а у ней болталась огромная голова, и лицо было иснее, мертвое от обреченности.

— Вот она... Пущай за всех пострадает... за свой мир... Она уже исповедалась и причастилась... Не допустит господь дьявола... Она — чистая...

У меня замерло в груди. Если Глаша не застопорит машины, бобылка будет раздавлена. Я инстинктивно схватила Глашу за руку, но она взглянула на меня с такой силой и ненавистью, что я отскочила от нее. Бабы толкнули бобылку на землю, и она распласталась, раскинув руки и ноги. Толпа заорала, завизжала в ужасе. Трактор, не уменьшая хода, грузно шел на бобылку. Расстояние между трактором и старухой было не более двух-трех метров. Кто-то из мужиков орал с хриплой надсадой:

— Тащи ее за ноги, стерву поганую... Ишь, развалилась на старости лет...

Но неожиданно бобылка вскочила на четырки и очень юрко, с обалдевшим от страха лицом, поползла от трактора в толпу. Утробно взорвался хохот. Тракторы тоже взорвались ревом и быстро помчались вперед.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Какие два мира изображает автор? Почему о первом из них он говорит с жалостью, а о втором — с гордостью и восторгом?
2. Расскажите подробно, как удалось Ветрову и его товарищам создать прочную коммуну и предохранить ее от распада.
3. Что заставило ушедших из «Новой земли» вернуться в нее обратно? (Дайте обстоятельный ответ.)
4. Припомните и опишите все случаи кулацких выступлений и попыток вредительства, направленных против молодой коммуны.
5. Проследите, как и отчего постепенно менялось отношение соседних крестьян к коммуне.
6. Укажите главную мысль третьего отрывка (выпишите эту мысль из текста или передайте своими словами). Сравните ее с заглавием отрывка: «Завоевание полей».
7. Составьте план ко второму отрывку («Рождение коммуны»).
8. По вашим личным воспоминаниям расскажите историю возникновения какого-нибудь знакомого вам колхоза, коммуны, артели и т. д.

ДВА ЛАГЕРЯ.

Отрывок из рассказа Брусиловского «Батя».

1.

Шофер остановил машину перед крепкой новой избой, надавил рожок. На порог вышел еще нестарый человек в город-

[1] *Бобылка, бобыль* — крестьянка или крестьянин, не ведущие хозяйства (не обрабатывающие земли и не имеющие надела).

ском запачканном мукой пиджаке и обтерханных сапогах. Прикрыв ладонью глаза, он всматривался в приехавших, не сходя с порога. Это был председьсовета.

— Гостей привез, Кирьяк Петрович, — искательно сказал шофер, снимая шапку: — Не побрезгуйте.

— Гости у нас народ редкий, — отвечал председьсовета.— За какими делами пожаловали?

— Я из шефской ячейки, книжки привез, — ответил Багpаш, — затем хочу доклад сделать...

— А доклад о чем будет?

— Ну... — замялся Багpаш, — о женском движении...

— Нынче докладать нельзя: все на работе. Вы переночуйте, а завтра я это устрою. Куда бы товарища на ночь поместить? — обратился он к секретарю.

— У Левонтьевых, думаю, там просторно.

При имени Леонтьевых председатель прикрыл воспаленные глаза и несколько минут молчал, раздумывая.

— Ну, пущай к Левонтьевым. Проводи его, — обратился он к секретарю.

На дворе уже стояла ночь. Где-то глухо, сыто мычала корова. В избах мигали огни.

— Вот тут эти самые Левонтьевы живут,—сказал секретарь.

Нащупали засов калитки, пошли через садик в избу. На порог вышла чья-то женская фигура, и заплаканный голос испуганно спросил:

— Кто такие?

— Товарищ из города, — ответил Мыкин, — направляется ночевать.

— Заходите.

— Я только на одну ночь, — извиняющимся голосом сказал Багpаш, — вы уж простите за беспокойство...

— Какое же беспокойство?—безучастно ответила женщина.— Мы чужому человеку рады. Такая тоска, господи... Все с человеком легче. Вы здесь переночуете или в саду? В избе душно вам будет...

— Постелите в саду, — ответил Багpаш.

— Марья! — крикнула женщина. — Заспалась!.. Выдь-ка, постели гостю...

— Под твою ответственность, Левонтьевна, — строго сказал Мыкин. — Ну, прощевайте, приятных снов!

Таща легкий, плоский, как лепешка, пуховичок, Марья разостлала его на чистом месте, кинула в изголовье подушку. Багpаш при слабом лунном свете едва рассмотрел Марью. На узком

бледном девичьем лице темно, мрачно чернели чуть косоватые глаза. Она была невысока, худа, почти подросток. Уходя, она взглянула на него быстрым беспокойным взглядом, хотела что-то сказать, но только слабо махнула рукой.

Багpаш лег и закрыл глаза.

2.

Ему казалось, что заснет сразу, — так гудело в голове от езды по тряской дороге. Но сон не шел. В орешнике возились грачи, где-то скрипели калитки, доносились обрывки песен.

Ночь стала еще гуще. Багpаш уже хотел было выйти побродить по проселку, как скрипнула дверь, и на пороге появилась Марья.

— Что, не спится? — спросил Багpаш, радуясь живому человеку.

— Не спится, — ответила девушка, подходя к Багpашу. — Я, почесть, каждую ночь не сплю... А вы как же?

— Чорт его знает, сон пропал! Что это у вас дом такой скучный? Ты да мать...

— Батя в тюрьме, а брата... брат у меня был... убили.

— Кто убил?

— Батя ж и убили, — ответила Марья.

Багpаш даже приподнялся с постели.

— Батя их убили, — спокойно повторила девушка, — за колхоз, за этот самый. Сначала вроде шутковали, а потом до крови дело дошло. О Петров день, семой месяц пошел, как батю забрали...

— Нет, ты толком расскажи, — поперхнулся Багpаш, закуривая дрожащими руками папиросу.

— Что ж толком — толк-от плохой вышел. Брат мой в городе учился, на рабфаке. Год, почитай, дома не был. Не был и не был, а то вдруг объявился, приехал родителев повидать. Приехал он, а его и узнать нельзя. Прежде до чего смирный был, до чего тихий, никому кривды не скажет. А тут — как и не он. Не то, чтобы грубости или обругать кого, а все шутейно. Все ему смехи: да не так у нас, да плохо живем, да темные мы... Язвить не язвит, а так — душу донимает. «Вот, — говорит, — батя, вы тем иконам почесть сорок лет молитесь, а бедняком остались, добра не накланялись. Это, — говорит, — доска-соснушка, а на доске пьяничка-богомаз патрет подмалевал, да и патрет-от с человека, не с бога писан. Кулак, батя, чать, не молитками свое добро наживал, а на нашем, батя, горбу...» Мать тихая, — она ни-

чего, а батя всегда звероватый были, дюже крутой. Он слова впоперек не стерпит... Взялся он за кнутовище — ну, только не успел ударить. Брат мой так-то ухватил его за руки и говорит: «Старость вашу. — говорит. — уважу, а учить кнутом время прошло. Не тревожьтесь напрасно...» С того и началось. Утром встанут — друг на дружку не глядят, чисто враги какие. На беду брат с избачом сдружился. цельный день в избе-читальне плакаты пишут, радио с трубой достали, уперли под крышу, балабонят... На ту пору пошел в селе разговор за колхозы, и товарищ Архипов приезжали из города, тоже докладывали все по порядку, как работать обществом, и куда кулаки гнут, и насчет урожаю, — хорошо говорил, гладко. Сидим раз вечеряем. Брат мой поел, положил ложку и говорит бате без гордости: «Батя, слыхали, что товарищ Архипов сказывал?» — «Слышал», — отвечает. — «А ваша думка какая?» — Молчит батя. — «А я — так за то, чтобы в колхоз нам иттить... Мы, батя, новый свет видим в том, чтобы трудиться обществом, дружно. Вы, — говорит, — над сохой, в одиночку, всю силу переведете, а подсобить некому будет, да и соха-то ваша дедовская, только землю ковырять, — а как мы ее в одиночку подымем? А колхозу власть трактор даст, — машина, чай, ловчее мужика вспашет...» Батя сдержались и отвечают: «Ты этих делов мне не толкуй... Уйди с моих глаз, покеда беды не вышло. Ты дедовский закон не ломай, щенок!» А брат не унимается — чисто лукавый их попутал. «Дедовскому закону теперь крышка, — говорит, — пора из вас темноту вашу повышибать...» У бати губы запрыгали и как мел посинели. «В остатный раз, сволочь, Христом-богом прошу — выйди, не доводи до греха!» Маманя кинулась промеж них, а батя встрели ее сапогом под живот, она на сундуки и свалилась. Брат его за пельки ухватил, дрожит, слова молвить не может. Тут батя осатанели, схватили ножик со стола, да в грудь ему...

— Вот дела-то, — вздохнул Баграш, с сердцем швырнув в темноту окурок.

— Брат до полуночи жил. хрустел зубами, а потом обмер как-то и только пальцами елозит. Поворочался брат. поворочался, а ко вторым петухам прокинулся. глазами по избе пошарил и говорит: «Час-то какой, маманя?» «Ночь, — отвечает она. — Каково тебе, Петра?» — «Ничего, только жжога палит. Пить дайко-ся...» Взяла она в кадушке воды, добрела до лавки старая, а он и кончился. Плакали мы, ревели...

Девушка замолчала, уронила голову и, дробно всхлипывая, стукнула зубами.

— Жалко парня, — поеживаясь. сказал Баграш.

— Нет, мне батю жальчее, — задумчиво ответила девушка.— Они ведь задаром Петра убили. И мы ведь в колхоз не в охотку шли, а теперь как мирно, ладно работаем. Выйдут батя на волю, глянут, за что брата порешил... тоска их скрутит...

Луна погасала. Тени деревьев поголубели. Тянуло едким предутренним холодком.

— Ну, спите, — сказала Марья, подымаясь. — Пойду...

И неслышно, едва касаясь босыми ногами земли, пошла в избу.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. К какому слою крестьянства принадлежал отец Марьи (к кулакам, середнякам или беднякам)? Подтвердите ответ цитатами из текста рассказа.

2. Как изменила Петра жизнь в городе? Что повлияло на его настроение и убеждения?

3. Припомните соображения, какие приводил сын, убеждая отца перейти в колхоз.

4. Перечислите основания, на которые ссылался отец, отказываясь итти в колхоз? В чем он был неправ?

5. Почему отец Петра смутно представлял себе цели и задачи коллективизации? Какие выгоды получил бы он, перейдя в колхоз? Чьи интересы защищал отец, убивая сына?

6. Объясните, почему дочь жалеет более отца, чем брата? (Перечитайте конец рассказа.)

7. Назовите мероприятия, которые надо проводить в деревне, чтобы не сказом, а показом убеждать старое поколение в преимуществе колхозного переустройства деревни?

8. Приведите примеры хорошей показательной работы колхоза. В чем эта работа проявляется? (При ответе надо вспомнить впечатления и наблюдения от работы знакомого вам колхоза или совхоза, куда совершались экскурсии.)

ВОЙНА ЗА ХЛЕБ.

Очерк Е. Микулиной.

«Для выполнения производственной кампании требовалось тракторов общей мощностью 2775 лошадиных сил. Новые машины поступали на станцию железной дороги Семиглавый Мар в феврале, марте и половине апреля. Всего поступило новых машин — 71. Сборка производилась на месте прибытия их на станцию при невероятно трудных условиях: на дворе под открытым небом, при сильных морозах до 40 градусов, пурге и буранах. Все же машины были собраны довольно успешно и без всяких дефектов. Для сборки машин была отправлена своевременно зерносовхозом «Бенардаки» на станцию Семиглавый Мар бригада лучших квалифицированных трактористов, слесарей и инструкторов» [1].

[1] Район Нижней Волги.

(Из «Доклада о проведении посевной кампании по зерносовхозу «Бенардаки»).

...Я переворачиваю листы за листами, и наконец за сухими цифрами передо мной возникают картины борьбы, — нет, даже не борьбы, а жестокой войны за хлеб...

* * *

Машины собраны. Надо их срочно перебросить в совхоз.

До совхоза 56 километров. Вся степь покрыта сыпучим снегом, а под ним — талая вода, рытвины, ямы и овраги.

Как быть?

В усадьбе люди метались из стороны в сторону.

Что делать? Как получить машины?

Первый транспорт шел по воде.

Через каждые 10—20 минут весь поезд останавливался, люди со щупами осматривали дорогу.

Маленькие «интернационалы»[1] скользили колесами, буксовали на месте...

Тогда «клетраки»[2] со своими гусеничными колесами, позволявшими итти по любой дороге, шли на помощь. Своими 60 лошадиными силами «клетрак» тащил споткнувшегося.

Потом поднялся буран. Небо и степь слились. Снег, сначала летавший белыми мухами, превратился в сплошной ватный дождь. Потом ветер озверел, закружил, понес; снег поднимался к небу воронками, бешено вертящийся, обрушивался на растянувшуюся по полю колонну тракторов.

Люди, как слепые котята, сбились в кучу. Заглушить трактора нельзя. Потом не завести. Замерзнут. В степи равномерно бились сердца машин, заглушаемые гудением ветра.

Первый транспорт шел от станции до усадьбы четверо суток.

* * *

...Наступила весна. Приближались дни сева. Собранные машины выстроились колоннами во дворе совхоза. Трактористки, разбившись на колонны, готовились выехать в степь. В степь везли палатки, походные будки, кухни, белье, постели.

...Во время пробного посева бродили по полю приезжие крестьяне. Они приезжали за 30—40 километров, взволнованные небывалыми слухами, ползущими из Семиглавого Мара.

---

[1] *«Интернационал»* — один из видов колесных тракторов.

[2] *«Клейтрак»* — один из видов гусеничных тракторов, т. е. двигающихся на «гусеницах» — бесконечных металлических лентах, надетых на колеса.

— Приехали машины: ни воды, ни грязи не боятся... Диво!..

Смотрели крестьяне на это «диво» и, видя первую неудачу, торопливо хлестали лошадей, уезжая домой. Дома собирали сход.

— Не вспахать им самим, к нам приедут. Не сдавай, ре-бя-та! Меньше пятнадцати рублей с гектара[1] не брать. Зачем нам свой хлеб сеять, — мы на них наживемся покрепче!..

Люди, черные от автола, бензина и копоти, работали по 20 часов в сутки, бороня и засевая необъятные пространства земли. Надо было закончить посев в семь дней.

Наступила пасха. По колоннам разнесся слух:

— Кто уйдет с работы, тот дезертир труда.

Но такие нашлись: 30 человек из ближайших деревень ушли ночью тайком. Заявить об уходе открыто у них нехватило духа...

В это время в поле, на тракторах уставшие люди ждали смену.

Уже подъехала колонна к заправке, а смены не было. От стана прибежал запыхавшийся инструктор с криком.

— Сменщики ушли, но что же, ребята?.. — инструктор оглянулся растерянно. — Неужели машины станут?

Тогда высокий, хмурый тракторист, слезший-было с трактора, длинно выругался и снова полез на свой трактор.

— Вали, ребята! Не бросать же машину. На фронте бывало не то! —крикнул он.

— Поехали!

* * *

Молодежь крепко сидела на тракторах. Звонко гремела стальная конница, и земля стлалась за сеялкой мягким покрывалом с ровными бороздами. Пятнами крови падали лепестки тюльпанов на черную сырую землю.

...В Малаховке среди бедняков посев сорвался.

Уже вернулись с поля совхозские тракторы. Кончали свою работу те, что побогаче в селе, а участки бедняков глядели в небо разбитыми комьями земли.

Комитет бедняков не знал, что делать. Не оставаться же без посева! Но кулаки берут по 6 рублей 50 копеек за гектар. Таких денег нет.

Секретарь ячейки Савочкин предложил:

— А не пойти ли нам в совхоз за помощью? Богатый совхоз, что ему стоит...

Долго думали над этим малаховцы.

---

[1] *Гектар* — земельная мера; приблизительно равна девяти десятым десятины.

— В имение пойти, говоришь? Нет уж! Оно и раньше было богатое, да нам пользы от него было мало. Поди, подступись к ихним тракторам, живо взашей натолкают...

Но на собрании Горшков, бросив шапку на землю, крикнул:

— Ну, братцы, я пойду в совхоз!

Пошел. Село ждало.

* * *

И дождалось. Комсомольская колонна подъехала на тракторах. Просила указать участки.

Мужики бежали в поле. Ветер рвал седые бороды, рубахи раздувались на ветру. Мужики бежали впереди тракторов, что-то кричали, взбудораженные, бестолковые. За ними мчались гурьбой ребятишки.

Три дня ходили крестьяне за тракторами, проследили всю работу до конца... И решили отблагодарить совхоз.

Крестьяне сшили красное знамя. Из совхоза за ними приехали две машины. Больше тридцати человек поехало из села в гости в совхоз — благодарить молодежь.

Горшков снял картуз, развернул по ветру просторное знамя.

Седой крестьянин говорил:

— Мы не верили, что «клейтрак» может так обработать землю, а теперь убедились на факте. Эх, и нам бы таких «лошадок»!..

Ходили по гаражу. Разглядывали машины, осматривали мастерскую, подолгу стояли у сеялок, борон, косилок.

Потом обед: борщ, мясо, каша, компот.

— Эх, если бы нас так кормили каждый день! — вырвалось у крестьянина помоложе.

Празднование затянулось до поздней ночи. Малаховцы ехали, унося с собой уверенность, что полюбившийся им трактор погуляет на их полях еще раз. Совхозцы знали, что для села совхоз стал не барским имением, а своим, родным местом — крестьянским университетом...

* * *

...Это все увидала я за сухими строчками и столбиками цифр отчета о посевной кампании.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Отчего крестьяне вначале недоверчиво относились к совхозу? Почему они переменили свое отношение к нему?

2. Укажите примеры героизма и самопожертвования в жизни и работе совхозников, описанных Е. Микулиной.

3. Какие группы (по возрасту и по классовому составу) являются самыми лучшими работниками совхоза?

4. Имеет ли описанный у Микулиной совхоз какое-нибудь общественное значение для окружающего района? Какое именно?

5. Расскажите своими словами (письменно или устно) о «жестокой войне за хлеб», изображенной в очерке.

6. Опишите какое-нибудь интересное событие, случай из жизни совхозов или колхозов, которые вы наблюдали сами (например какое-нибудь техническое нововведение, изобретение, общественную или культурную работу среди крестьян, ударную работу, во-время ликвидированную опасность и т. д.).

7. В чем должна заключаться правильная политика колхозов по отношению к единоличникам? Оцените с этой стороны работу колхоза, описанного Микулиной.

8. Составьте доклад на тему: «Какую общественную работу может и должен нести совхоз и колхоз для окружающего района».

ЗА УРОЖАЙ.

Стихотв. А. Жарова.

Встало солнце из тумана,
Над землей орлом паря;
В ширь степей, полей, курганов
Нас зовет его заря.
Голый луг, пустырь вчерашний
Оперяется травой.
Комсомолец,
Гей на пашню,
В новый путь и в новый бой!
Начат бой за перекройку,
Переделку сельских масс.
Быть отрядом самым стойким
Кто же может кроме нас?
Нам придется в эти весны
Потрудиться всем на-ять,
Чтобы заставить плодоносной
И цветущей
Землю стать.
Мы не миримся с рутиной[1],
Допотопный топим хлам.
С агрономом и машиной
Веселей работать нам.
На полях борясь со старым,
Мы готовим в этот май
Молодой стране в подарок
Небывалый урожай.
Призрак голода вельможей
Ходит в селах тыщи лет.
Больше мы гадать не можем:
«Либо с хлебом, либо нет».
Оковать расчетом прочным
Пашни надо, как дугой!
Надо землю сделать точным
Исполнительным слугой!
Мы не будем лезть из кожи,
Как отцы и деды — врозь...
Мы надеяться не можем
На «авось» да на «небось».
Рушить засухи угрозы
В одиночку нелегко...
Путь в совхозы и колхозы
Мы расчистим широко!
Это ясно нам до точки.
Дел немало — вглубь и вширь:
Вырвать пни да срезать кочки,
Забросать зерном пустырь,
Над полями, над домами
На года и навсегда
Засветить скорее пламя
Коллективного труда!

[1] *Рутина* — следование отсталым образцам или обычаям (без сознательного отношения к ним).

В наших россыпях немалых
Чернозема ли, песка —
Надо, чтоб не пустовало
Даже малого клочка.
Все засеять, чтобы к сроку
Всходы пышные взошли.
Марш в поход! На лежебоков,
На растратчиков земли!

Золотой росою, семя,
Падай, падай в чернозем!
На посеве, будет время,
Песню новую споем, —
Так, чтоб звезды закружились
Хороводом у дворов,
Так, чтоб межи раскрошились
Под ножами тракторов!

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Перечислите задачи, стоящие перед комсомолом в связи с «перекройкой и переделкой сельских масс».
2. Выпишите слова и выражения, обрисовывающие борьбу отцов и дедов с «вельможей голодом» и план эксплоатации природы комсомольцами.
3. Что сделано вами для проведения в жизнь директив партии о земельном переустройстве?

МЕЖИ ПОД НОЖАМИ ТРАКТОРОВ.

Отрывок из романа Малашкина «Поход колонн».

Тракторы с лязгающим курлыканьем сделали поворот и поплыли развернутым фронтом, чуть-чуть отставая друг от друга и напоминая собой стаю гордых гусей, только что вышедших со двора. Толпа, зачарованная шествием колонн, стояла неподвижно, густо сбившись.

Молодежь, раздувая полы пиджаков и подолы разноцветных платьев, шумно откололась от толпы, первой рванулась, побежала за колонной. За нею, точно разноцветными стрелами, пронизывая толпу, с визгом помчались золотоголовые ребятишки.

За ребятишками грузно двинулась вся масса населения, раскалываясь по дороге на отдельные толпы и стараясь окружить колонну со всех сторон.

Комсомолец Алешка притащил из ячейки знамя и высоко поднял его над широко разлившейся толпой...

Спустя минуту, знамя, как взметнувшаяся волна крови, полыхало над тракторной колонной и над всем населением Чернявки.

Мордоплюев услыхал от проходивших мимо него мужиков, что пахать будут подряд и «паханное и непаханное».

— Как же так? — выкрикнул он, отскочил от водовозки, перевернулся несколько раз кругом и засеменил за колонной. — С моей десятины и начнут!..

За гумнами, прямо от дороги, широкой полосой разлеглось паровое поле, огибая Чернявку.

Трактористы быстро поставили на работу плужки и дисковые бороны[1]. Толпа, окружив с трех сторон колонну, снова замерла, сгрудилась плотнее.

Мордоплюев догнал колонну и, плетясь в хвосте толпы, пробрался на свою пашню, остановился на меже и исподлобья поглядывал угарными глазками на приготовления колонны к пахоте.

Приготовления длились недолго, каких-нибудь десять минут. Эти десять минут для него, — а также и для тех граждан, которые были потрясены величием колонны и охвачены неописуемой молчаливой радостью, — показались вечностью.

Но вот возросло стальное курлыканье, колонна, заработав зубчатыми колесами, двинулась.

Горькая серебристая полынь, выраставшая веками на кривых межах, закачалась в смертельной тоске, подпрыгнула на лемехах[2] и, нырнув под сверкавшие бороны, в растрепанном виде всплыла из-под них на поверхность разрыхленной черной пашни и на фоне чуть-чуть дымящейся синью земли распласталась белесоватой мутью.

Колонна величественно двигалась вперед, ломала безжалостно межи пашен.

Толпа, увязая по щиколотку в разрыхленной земле, сосредоточенно следовала за колонной, возбужденно горевшими глазами следила за движением каждого трактора. Спотыкаясь и увязая в землю, пыхтели вдогонку старики, падали, поднимались и опять бежали, боясь отстать. Вот колонна подошла к пашне Мордоплюева и неожиданно остановилась, а товарищ Брехт сошел с трактора, сердито выругался и плюнул с досады:

— Ты что развалился, дед? Сходи с межи!..

Толпа с гулом, то раскалываясь на части, то сливаясь воедино, подкатилась к головному трактору.

— А-а, Мордоплюев!..

— Батюшки! Да он лежит животом на меже!

— Он, кажется, зубами держится за землю!

— Он не желает, чтобы его землю тракторами пахали!

— Вот головешка-то старого режима! — бросил Алешка.

Брехт, Харин и несколько пожилых мужиков упрашивали Мордоплюева освободить межу от своей персоны.

---

[1] *Дисковые бороны* — особый вид бороны с дисками (кружками вместо зубьев).

[2] *Лемех* — режущий наконечник у плуга, разрыхляющий землю.

— Филипп Петрович, ведь нельзя же так, когда мир заодно,— уговаривало, упрашивало, урезонивало сразу несколько голосов, но он озлобленно бормотал:

— Не желаем... Ась? Моя земля... не желаем! Никто не имеет право распоряжаться моей землей! Ась? Никто на свете! Нет еще такого, не издано такого декрета, чтоб самовольно... Режьте меня своими тартарами, а я не уступлю... Режьте, анчихристы! Кусками раскидайте, а не уйду!..

Брехт вскинул глаза на толпу и растерянно улыбнулся.

— Товарищи, чтобы не помять, возьмите старичка поосторожнее, подержите немного. Мы в это время проедем, тогда вы отпустите его с миром. — Брехт быстро взобрался на трактор и взялся за руль. — Ну, товарищи, действуйте!..

— Эх, — вздохнул лукаво Алешка и весь засветился озорными глазами, поглядывая на растерявшихся мужиков, — придется уж мне родственные чувства применить, а? Ну, кто еще поможет мне?

Подбежал Володька.

— Разрешите и мне, — расталкивая толпу, протиснулся Голубков, — я его, мироеда, как пушинку сдуну. А ну!..

По толпе прокатился гул смеха, раздались голоса:

— А вы, ребята, с дубинушкой!

— А и верно: оно легче пойдет!

Мордоплюев не успел вскрикнуть, как его отодрали от межи вместе с кустиком полыни, за который он уцепился руками. С корней полыни виновато осыпалась мелкими крошками земля. Мордоплюев дрыгал ногами, вырывался, но все его потуги были напрасны и разбивались о веселое, насмешливое спокойствие Алешки, Володьки и Голубкова.

Выпуская из рук старика, Голубков назидательно проговорил:

— Ну, Мордоплюев, узнавай теперь свою землю! Где она?

Окруженный народом и ребятишками, Мордоплюев подбежал к своей пашне и тупо уставился мутным взглядом на то место, где минуту назад существовала его полоса, опаханная глубокими межами и белевшая кустиками полыни. Он долго смотрел неморгающим пустым взглядом на поднятую пашню, слившуюся с общей землей, и ничего не соображал, так как колонна перехватила далеко за межу его пашни и сравняла в одну черную широченную полосу.

Крестьяне больше интересовались вспашкой и разработкой земли, а не смертельной скорбью своего церковного старосты.

Мордоплюев, опомнившись и почувствовав, что ему больше нечего тут делать, круто повернулся и медленно, как побитая

шелудивая собачонка, заковылял ко двору. Крестьяне молча посмотрели на его одрябшую фигуру и отвернулись. Не вытерпела только одна женщина, бросила вдогонку Мордоплюеву:

— Нахапали задаром земли-то бедняцкой, а теперя не нравится! Ничего, посмотрим, как будете жить на своем наделе. Она, колонна-то матушка, всех уравняет! Жиреть заставит по-божьему...

Тракторы, как стадо гусей, двигались косяком. Ошеломленная толпа в онемевшем экстазе[1], сгрудившись в одну глыбу, с широко открытыми глазами следовала за колонной.

Шевяков повернулся к толпе:

— Вы тоже, как птицы, испужались?

Толпа, поотстав, вскинула пылавшие одним светом глаза, крякнула как-то сразу, как бы пробуждаясь от долгого и тяжкого сна, загалдела:

— Оно верно, Николай! Несподручно чегой-то! Как будто мы полжизни обронили...

— Да что ж мы-то будем делать с тракторами, а?

— Гуляй, мужики-граждане, и больше никакех!

Шевяков ласково поглядывал на мужиков, на женщин, следовавших вместе с ним за колонной. Он чувствовал, что в мужицкой душе сейчас образовалась большая пустота, а в этой пустоте прогуливался похожий на легкий весенний ветерок радостный испуг перед машинами, пришедшими обрабатывать поля. Их, хозяев земли, машины отодвинули на задний план, заставили быть свидетелями и соглядатаями. Шевяков понимал, что мужики неправы, так как пустота образовалась в их душе не оттого, что пришли невиданные машины в деревню, а оттого, что с работой машин, с индустриализацией деревни внезапно, точно срезанная одним взмахом смертоносной косы, оторвалась старая рабская жизнь, в которой они бесконечно долго жили и бедствовали. Шевяков был уверен, что старая жизнь ушла от них навсегда, освободила место для другой жизни, давно желанной и чудесной. Он громко вздохнул, восторженно выкрикнул:

— Это неверно, товарищи, что мы полжизни потеряли! Понимаете, неверно! Мы старую жизнь обронили, а вместо нее приобрели другую! — И он, отбежав вперед от толпы и не повертываясь к ней, показал рукой на колонну. — Вон она... смотрите!

Шевяков умолк, выпрямился и, надвинув глубже картуз на высокий, изрезанный глубокими морщинами лоб, быстрее зашагал в сторону колонны.

---

[1] *Экстаз* — сильное возбуждение; восторженное состояние.

За ним побежала толпа. Старики, широко растопырив руки, запускали их в разработанную землю. Ладони мягко, отрадно входили в прохладную вспашку. Старики неохотно вытаскивали их, выпрямлялись и, поглядывая друг на друга, пораженно вздыхали:

— Отродясь не видывали такой вспашки!

— Не земля, а лебяжий пух!

— Уж, брат, на кобыле не поднимешь так!

— Что и говорить! Умрешь, а так не разделаешь...

И долго-долго перекликались между собой старики, восхваляя на все лады пахоту, которой они «отродясь» не запомнят, никогда не видали в своей долгой и трудной жизни.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. К какой социальной группе принадлежит Мордоплюев? Почему он не хотел, чтобы его землю вспахали трактором?

2. Найдите отрывок, описывающий полынь, выросшую на межах. Сравните судьбу этой полыни с судьбой Мордоплюева.

3. Какие методы борьбы с кулачеством диктует переход к сплошной коллективизации сельского хозяйства? (Перечитайте доклад т. Яковлева на XVI партсъезде о колхозном движении.)

4. Как повлияет на экономическое состояние деревни коллективная вспашка земли? (См. тот же доклад.)

5. Охарактеризуйте отношение комсомольского молодняка Чернявки к тракторным колоннам.

ЧЕЛОВЕК.

Рассказ М Горького.

Когда человек узнал, что в трех днях пути от его становища пришлые люди вспахали в степи машинами огромный кусок никогда еще непаханной земли и машинами засеяли его, человек подумал, что это такие же древние люди, каков он сам, но глупее его.

В старом теле его жила тысячелетняя душа, и он знал: горе и радость всех людей степи в том, чтобы пахать землю, сеять и собирать хлеб, а все иное, что делают люди, можно не делать. Земля родит человека для работы на ней, а когда человек изработает силу свою, она поглощает тело и кости его.

Он был уверен, что нет машины, которая поборола бы силы зноя и холода, и не изменит машина путь злых ветров.

Человек этот был издревле привычен жить надеждами на помощь извне от бога, от жреца и знахаря, — жить без веры в силу разума своего, темной надеждой на тайные силы вне человека.

Когда пришла пора уборки хлеба, он, полудикий степняк, собрав свой скудный урожай, пошел посмотреть, как собирают хлеб машинами пришлые люди. Может быть, удастся посмеяться над ними.

* * *

Широкоплечий, коротконогий, в тяжелых сапогах, в толстом кафтане цвета дорожной пыли, он стоял среди степи, точно вырубленный из камня; серое бородатое лицо его тоже каменное. Между шапкой, сдвинутой на брови, и бородою недоверчиво, угрюмо светились темные глаза — «зеркало души». Волосатые ноздри его равномерно дышали, шевеля серые усы.

Он смотрел, как пришлые люди суетятся вокруг сооружения, мало похожего на машину, а скорее на диковинного зверя, каких иногда видишь во сне. Длинная шея зверя не имеет головы, а хвост его — весь из ножей, с бока огромного, неуклюжего туловища. И туловище так нескладно, как будто уже измято, изломано степным ветром. Трудно понять, как работает это чудовище из дерева и железа, как управляют люди силою его. Люди — обыкновенные, но — молоды они. Двигаются быстро, а непохоже, что работают торопливо. Если эта машина опрокинется на бок, она может придавить не менее пятерых.

— Ее как звать? — спросил человек.

— Посторонись, — ответили ему, но он не сошел с места.

С бока или впереди чудовища дрожит и фыркает железный медведь на колесах; толстую шею его оседлал парень без усов, почти мальчишка, пиджак на нем вымазан маслом и как будто пошит из кровельного железа. Парень, толкая ногами свою машину, повернул колесо, широкие ободья железных колес тоже повернулись, большая машина покачнулась, застучала и покатилась по сухой земле, сметая хвостом колосья хлеба, подхватывая их десятками тонких, как гвозди, железных пальцев; колосья поплыли над хвостом машины куда-то в бок ее, она тряслась и ревела от жадности, пожирая их; из перерубленной шеи машины полетела солома, полова, пыль.

Человек стоял, глядя вслед ей. Потом, точно его выдернуло из земли, он тяжело, но споро побежал за комбайном, помахивая палкой; котомка за спиною прыгала, точно подгоняя его. Бежал не один, бежали еще и другие мужики, но ему, видимо, хотелось обежать вокруг машины, он обгонял всех, но не успевал за нею, спотыкался, и все казалось, что он кричит.

Все-таки он догнал комбайн, когда тот пошел тише, догнал и, рискуя попасть под ножи косилки, тяжело запрыгал рядом с нею. Какой-то длинный человек оттолкнул его.

— Дьявол! — хрипло сказал он, отирая пот с лица широкой, чугунной лапой.

Комбайн остановился, он подбежал к рукаву, из которого в подставленный мешок сыпалось толстой струею зерно, и, сунув пригоршни под золотую струю, зачерпнул ими зерна. Несколько секунд он смотрел на него, приподняв пригоршни к лицу, согнув пыльную тугую шею. Потом, показывая зерно окружающим, сказал хрипло и задыхаясь:

— Настоящее... Дьяволы! А?

Рядом с ним стояли такие же, как сам он, но помоложе его; они смотрели на машину так же очарованно, но и как бы испуганно и завистливо. Старик бросил зерно в мешок и тотчас же снова, сунув руку под струю, схватил горсть зерна, бережно спрятал его в карман кафтана. То же сделали и еще двое, трое. Один сказал, вздохнув:

— Придумано!

— Не угонишься за ней! — сказал другой, а третий хмуро протянул:

— Где-е там!..

— Все-ж-таки около нее наши хлеборобы, — задумчиво сказал кто-то.

— А кто ж? Земля требовает опыту...

Утешив друг друга, люди эти отошли прочь от рабочих «Гиганта»[1], а тот, старый, коротконогий, остался.

Он поднял с земли палку и, точно шпагу, вытер конец ее полой кафтана, затем, вытряхая пальцами солому из бороды, медленно пошел вокруг машины. Он щупал ее руками, взглядами, легонько постукивая палкой, размышляюще останавливался и снова шел, потряхивая бородой, поправляя шапку. Каменное лицо его стало как будто шире, — может быть, он стиснул зубы.

Потом он стоял в толпе, на митинге и слушал речи ораторов, опираясь на палку обеими руками, глядя в землю. Изредка он шарил палкой у ног своих, щупал землю, как бы пробуя: та ли это земля, какою она всегда была.

Вскоре он пошел прочь, равномерно, через каждые три шага тыкая палкой в землю, не оглядываясь. Возможно, что глубоко взволнована была тысячелетняя, покорная силам природы душа его.

Может быть, он завистливо думал, что новые люди способны побороть и суховей[2], который насмерть выжигает хлеб, и мороз, убивающий зерно в земле.

---

[1] *«Гигант»* — великан, название крупнейшего совхоза в Сальском округе на Северном Кавказе.

[2] *Суховей* — сухой жаркий ветер.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Опишите человека, о котором рассказывает Горький (наружность и особенности характера). Кто противопоставляется «человеку из степи»?

2. Приведите цитату, рисующую работу комбайна, и объясните, почему эта работа могла произвести такое сильное впечатление на степного жителя.

3. Какова роль науки в борьбе с суевериями? Меняет ли она взгляды и быт крестьянина? Дайте обоснованный ответ.

4. Что делает советская власть для присоединения отсталых национальностей к семье культурных народов?

5. Изложите в виде связного рассказа, о чем мог размышлять «человек из степи», возвращаясь к себе домой.

6. Приходилось ли вам видеть работу трактора и комбайна на полях? Если приходилось, то расскажите, что вы видели.

7. Напишите небольшое сочинение на тему: «Значение машины в сельском хозяйстве».

БАБИЙ БУНТ.

Рассказ С. Третьякова.

С 1918 года селеньице это, грибами выросшее на солончаке[1] заболоченной Горькой Балки, называлось Нахаловкой.

Прошли годы. Оно получило сельсовет, телефон, школу и фельдшерский пункт и стало называться Новосредним.

В конце 1929 года Новосреднее стало колхозом «Красный колос».

Коллективизации сопротивлялась баптистская община.

Колхоз высмеивали те, кому все равно в колхозе было не житье, — кулаки, лишенцы, торговцы. В колхоз не хотели и некоторые настороженные бедняки.

Особенно против колхоза были бабы. Колхоз в их воображении подымал руку на икону, на свои харчи, на курятник. Бабы были и кулацкими раздувалами. Ведь кулак лобовым ударом бьет редко. С парадного крыльца его вид благообразен. Зато по черному ходу, от кухни кулака вьется его влияние в порядке бабьих сплетен, мелких одолжений, советов, кумовства, родственничества, приживальщичества.

Тут коллективизировать надо было умненько, терпеливо разъясняя до конца и заставляя убеждаться на примере в пользе колхоза. А в действительности колхозили с плеча, с нажимом, в ударном порядке.

Администраторы искали семенные фонды на чердаках у середняков, невзирая на одергивания райкомовцев, запугивали командирским окриком бедняка, который боялся слезть с печи

[1] *Солончак* — почва, содержащая в себе большое количество солей.

и отвести в колхозный хлев жалкую свою худобу, ибо чем меньше у него было имущества, тем больше он боялся его потерять.

Вырастал комбинат [1] — колхоз колхозов, на каркас [2] из восьми старых колхозов наматывавший рыхлую новоколхозную массу.

Хозяева обобществленных лошадей посматривали в сторону подозрительно — не попортили б конюхи их «худобу», и скучали, потому что поездки в город на рынок прекратились, дабы не гонять коней зря перед посевом.

Теплынь настала летняя. На завтра, 14-го, был официально назначен выезд на бороньбу. Комсомольцы-конюхи скребли лошадей. Кузнец подтягивал стальные гайки. Бригадир с плугарями и погонщиками рассусоливал план-наряд.

На тракторной станции спешно готовили первую колонну из шести «интернационалов». Она должна была пахать на длинном двухкилометровом поле под боком у Новосреднего.

Молодые трактористы, выпущенные с курсов прямо на трактор, были серьезны, как на чистке, и вспуганы чуть.

И от хорошей погоды, и оттого, что завтра сев, на новосредненской улице толкалось много женщин с ребятишками на руках.

Сквозь селение ехала мажара [3], на мажаре сидела женщина, укутанная в платки.

Женщина остановила мажару в куче новосредненок и сказала:

— У вас кони обобществлены?

— Обобществлены.

— Ну, значит, погибнут ваши кони на посеве. Мы в Урухе умные, всех коней обратно позабрали. Сами пахать будем.

И уехала.

Бабы всполошились. Кинулись к сельсовету. Сто баб котлом закипели перед обнесенным проволочной плетенкой глиняным памятником жертвам революции. Мужиков не было. Мужики сидели по домам.

Мужики знали: забунтуют они, — разговор будет суров, а баба? Баба все равно, что ребенок. Ей дебоширство простят. Ей за это ничего не будет.

Водительницы в толпу не забегали. Они стояли поодаль и смеялись так, как вероятно лет тринадцать уже не смеялись.

---

[1] *Комбинат* — объединение производственных предприятий (здесь — колхозов).

[2] *Каркас* — металлический или деревянный остов какого-нибудь предмета.

[3] *Мажара* — большая длинная телега (употребляется на юге РСФСР, в степях).

Председатель комбината да парторганизатор оказались близко и нырнули в бабью гущу.

Каждая хватала — за карман, за рукав, за обшлаг, за пуговицу. Каждая требовала себе хоть четвертинку председателева уха. И в это ухо орало истошно и визгливо про все: про каленое железо, про лошадей, про корма, про свои огороды и про что еще — не упомнишь, потому что председатель в этом реве закрыл уши, чтобы не оглохнуть.

Уже облепившие его бабы стали будто стихать, чтоб выслушать ответы, как вдруг от саманных заборов раздался неизвестно чей тоненький крик:

— А ну, бабоньки, за конями!

И бросив комбинатцев, рискуя пообронять детей, бросилась лава к общественным конюшням.

Конюха-комсомольца отшвырнули от двери раньше, чем он успел продумать проблему законности или незаконности такого поступка. До полусотни лошадей было выведено сразу. Это значило: завтра сева в Новосреднем не будет. Это значило еще много хуже. Ведь комбинат брался выполнить посевную программу только потому, что он распределил работу по специальности между тракторами и лошадьми: тракторы пахали, лошади боронили и сеяли.

Вынутых из сева пятьдесят лошадей заменить было нечем, не ломая самого плана, не перегоняя тракторов.

Бабы с лошадьми кинулись домой. Поставили в стойла, обласкали, накормили. Кое-где мужики выгнали жен с неожиданным подарком.

— Пошла вон! Веди обратно! Я за тебя в ответе быть не хочу.

По улицам ходили бабы и лошади. В хатах заседали сельсовет, колхоз, комбинат. К вечеру открыли пленум сельсовета. Это был небывалый пленум. Мужики сидели, пришипившись к скамьям, а бабий голос командовал собранием.

Когда из-за стола президиума пытались упрекнуть рядовых колхозников за погром, вскакивали их жены и грозно кричали:

— Не тронь моего, он не при чем, все без спросу с ним сделано.

Когда ставили вопрос о зачинщиках, снова вскидывалась бабья волна заявлением:

— Сами делали. Никаких зачинщиков. Нас и вини...

Организованность баб была так велика, что председатель комбината сказал:

— Вот что, бабы! Вреда вы колхозу и комбинату наделали огромного. Себе самим — и того больше. А все-таки я вами лю-

буюсь. Выступаете вы организованно, дружно, энергично. Это много лучше, чем рыбами на заседаниях сидеть да исподтишка за углами судачить. Все дело только в том, что ваши женорганизаторы оказались крепче, чем наши женорганизаторы. Когда наша женработа подтянется да вас в руки возьмет, мы с вами чудеса делать будем.

Бабы подбоченились и не обиделись. Но сдаваться не хотели.

— Сами засеем! В наших руках лошади лучше работать будут, чем в ваших!

— Где вам засеять норму? — убеждали комбинатцы. — Тут на одних лошадях далеко не уйдешь. Нужны машины, а машины у нас.

И снова закричали бабы:

— Тебе пятнадцать тракторов обещали додать, а где они? Отказали. А на свои старые трактора не надейся. Они только под навесом стоят, а в поле вытти не могут. У них свечей нет. Точно мы ваших протоколов не знаем.

Шел уже двенадцатый час ночи; распаренный президиум бился о баб, но они стояли на своем:

— Лучше вашего запашем. Не надо колхоза. Давай лошадей обратно! С вашим колхозом только пропадешь!

И тут председатель комбината что-то услышал.

— А ну-ка, — сказал он собранию, — прислушайтесь!

И примолкшее собрание услышало контробасовую струну. Шмелиный хриплый гуд.

То мимо Новосереднего ночною степью проходили шесть «интернационалов», запахивая новосредненские делянки.

У колхозников есть чувство, подобное авиационному. Когда мотор гремит и тянет, значит все хорошо. От тракторного гула пахло хлебом, урожаем, соломой, горящей в зимних печах.

Собрание расплывалось в улыбке и в нежности.

Можно спорить с кооперативом, с комбинатом, с конюхами, но спорить с трактором, когда он говорит таким корректным рабочим голосом, не повернется язык у крестьянина.

Президиум прочел из резолюции:

«Выявить зачинщиков и принять меры»...

Руки подымались нехотя.

Женский голос с места сказал:

— Вношу предложение: считать, что ничего не было, и завтра дружно выйти на работу.

Все руки поднялись, как взрыв.

Выходя с собрания в тискотне, женщины кричали председателю:

— А подкулачниками называть не будешь?

— Не буду. Вы вот скорей лошадей в конюшню приведите. Завтра на сев ехать.

Наутро из сорока шести уведенных накануне лошадей нехватало только тринадцати, да и то потому, что уехавшие на них хозяева еще не вернулись с базара.

Фракция снимала с работы председателя сельсовета и секретаря ячейки. Правление колхоза спешно оформляло кооперативный пай, а комбинат пересоставлял урочное положение, подымая посевные расценки вдвое.

Группа бедноты ставила на повестку вопрос о семарке [1]. Женщины звенели лопатами и мотыками, готовясь копать себе огороды.

Наборщики колхозной газеты «Вызов» добирали конец передовой:

«...и дать решительный отпор всяким шептунам и кулацким подпевалам, пытающимся сорвать колхозное строительство».

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Кто противился организации колхоза «Красный колос»? Чем вы объясняете, что в колхоз не хотели итти и некоторые «настороженные» бедняки?

2. Как автор характеризует выступление классового врага? (Выпишите цитаты).

3. Правильно ли проводилась коллективизация села Новосреднего? В чем деятельность коллективизаторов противоречит генеральной линии партии?

4. Почему сообщение неизвестной «укутанной в платки» женщины оказалось подстрекательством к срыву колхозного строительства в Горькой Балке?

5. Кто явился «женорганизатором» бунтующих баб? Назовите причины «погрома» и определите его последствия. Что сломило упорство женщин?

6. Вспомните слова Ленина: «Коммунизм не может быть построен никакой партией, никаким меньшинством. Он может быть создан лишь работой десятков миллионов рук, после того как они научатся все делать сами».

Определите, в какой мере был прав председатель, когда он хвалил организованное, настойчивое (хотя и вредительское) выступление женщин.

7. Напишите историю села Нахаловки за период 1914—1930 гг.

8. Приготовьтесь к устному выступлению на тему: «Индустриализация деревни, как один из главных способов борьбы с классовым врагом, индивидуальным хозяйством и старым бытом».

---

[1] Семь главных «бунтовщиц», которые под влиянием кулацкой агитации пытались сорвать дело организации колхоза.

ВОТ ОН — КУЛАК!

Очерк Г. Тарпана.

(Письмо из Каширского района сплошной коллективизации.)

Мой спутник ткнул в газету:

— Разве бывают такие кулаки?

Рисунок: не человек, не мешок, а блинообразная образина, заплывшая жиром, с огромными клыками.

— Неправильный подход! Сбивают с толку. Партия мобилизует [1] двадцать пять тысяч рабочих на коллективизацию деревни. Будут они представлять этого врага по газетным рисункам — и проглядят! Вот в чем дело! — не унимался мой спутник. — Надо бы поменьше карикатур [2], побольше живых портретов.

Этот разговор вспомнился, когда я из Каширы направлялся к слободкам, где шло раскулачивание.

Дорога вела к дому В. Бузовкина. У дома стояли два комсомольца, охраняли описанный инвентарь [3]. В избе шла перебранка. С одной стороны — пожилой дядя в кожанке, с другой — два паренька. У одного из них — значок Кима.

На стенке — хорошие часы, по углам расставлены большие пальмы, венские стулья. Вся обстановка и одежда обитателей дома говорили о том, что здесь привыкли жить по-городскому, с удобствами.

— Давно ли ты поумнел, Иван Григорьевич? Забирать пришел, все равно нищим останешься! Не пойдет тебе впрок наше добро! — кричала женщина, кутаясь в теплый платок.

«Нищий», одетый в добротный полушубок, спокойно курил папиросу.

— Отстаньте, гражданка, мне вашего не нужно! Мне поручило собрание взять ваш инвентарь в колхоз, и точка!

— А чего же других обходишь? Много таких, как мы! — вскипел пожилой дядя. — Какой я кулак? Всю жизнь трудился, приобретал. В Кашире служил, извозом промышлял, землю всей семьей обрабатывал. Не тридцать две десятины держал, а только двенадцать. Налогу сто двадцать рублей платил. Советскую

---

[1] *Мобилизовать* — призвать на военную службу; в более широком смысле — призвать для выполнения какой-нибудь срочной важной работы.

[2] *Карикатура* — изображение чего-либо в преувеличенно-смешном виде.

[3] *Инвентарь* — совокупность предметов, нужных в каком-либо производстве, хозяйстве; имущество.

власть поддерживал. Инвентарь, как другие, не разбазаривал, а сохранил для общего пользования, потому что считал себя в колхозе. Какие же у меня батраки, когда я имел только поденщиков? А теперь извольте, — в кулаки записали!

Роясь в карманах в поисках каких-то документов, Бузовкин кидал в сторону комсомольцев:

— А что описали меня, то по злобе, не иначе! С моим сыном из-за девчат поспорили. Вот теперь и мстите!

Комсомолец, дотоле спокойный, уравновешенный, вспыхнул:

— Не за девчат спорим, а за коров твоих, за лошадей, за молотилку, за сеялку, плуги, овец, за все, что ты содрал с батраков! Не твое оно, — батрацкое! Все равно в колхоз возьмем!

Бузовкин сразу превратился в хищного зверя, у которого отнимают добычу:

— Нет такого закона, чтобы грабили! Куда я пойду отсюда? Почему других не гонишь? Сколько вон таких, как я!

— Кто? Укажи по фамилиям!

Бузовкин опустил голову, подумал и затем отрицательно махнул рукой:

— А какой мне расчет? Пусть живут в колхозе...

— Не хочешь говорить, сами докопаемся! Все равно кулакам не дадим жить! Ликвидируем!

— У Бузовкина инвентаря и скота на шесть тысяч рублей описали, — объяснял мне комсомолец. — Верно, у нас нет таких жирных кулаков, как на рисунках показывают. Наш кулак по виду овца, но зубы у него волчьи. Ох, хитрая же тварь! Пойдемте, покажу еще одного.

При выходе из слободки нас встретил низенький человек в засаленной куртке и дырявых валенках. Он ловил за рукав комсомольца, просил:

— Ты посмотри, как жить-то!.. Может, карточку дадите?

Я поинтересовался:

— Скажите, гражданин, почему это вас в кулаки записали?

Он потоптался и снова захныкал:

— Торговал я с лотка поросятами. Товару у меня было не больше как рублей на двадцать. Скотины никакой нет, дом вот-вот развалится. Какой из меня кулак, ума не приложу!

Дом действительно перекосился, как горький пьяница спохмелья.

— Мы хотели для бедноты его приспособить, да придется вернуть — барахло!

Низенький человек повеселел, почтительно начал кланяться.

— А сколько вы налога уплатили?

— Четыреста пятьдесят рублей! — как на счетах, отщелкал низенький человек, продолжая кланяться.

Представляете себе «бедного» торговца, имевшего товара на 20 рублей и уплатившего 450 рублей налога?!

Так что, ежели кулака отыскивать по виду, по физиономии, которую так старательно изображают наши художники-карикатуристы, то кулака можно даже и не заметить.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Согласны ли вы с возражениями Бузовкина против его раскулачивания? Дайте обоснованный ответ.
2. Почему «дядя в кожанке» не хочет выдавать других кулаков?
3. Найдите в тексте и выпишите то место, которое выражает главную мысль рассказа. (При этом объясните, почему вы выбираете именно данное место, а не иное.)
4. Напишите статейки (по образцу прочитанного вами здесь очерка Тарпана) на темы:

а) «Раскулачивание» и сопротивление кулака в нашем районе.

б) «Перегибы» колхозного строительства в нашем районе и их исправление.

СТАНИЦА.

Отрывки из очерков В. Ставского о хлебозаготовках на Кубани.

Слухи в станице — один за другим, как зерно из прорванного чувала [1]. Сообщалось, что большевики вот-вот заберут хлеб, потом теплую одежду и уйдут с Кубани, потому что из-за границы идут «наши».

Утром с базара неслась весть, что в соседнем городе восстали две батареи, а под Новороссийском высаживается десант [2].

На собрании женского актива станицы собралось человек пятнадцать. Вдруг разгорелась беседа.

— Говорят у нас по станице, что ции хлебозаготовки — це не дило Ленина, а це контрреволюционеры наши роблять. Позализали во все органы и гадят, а партия наша не знает...

Слухи сплетались в сплошную ткань, закрывавшую от нас станицу.

Источники слухов оставались неразысканными.

— Говорят...

— Кто говорит?

— Мало ли кто? Все говорят!..

---

[1] *Чувал* — большой мешок, вместимостью до 70—80 килограммов.

[2] *Десант* — отряд, высаживающийся с судов для военных действий.

Кулак поднимал голову, пролезал в каждую трещинку, хитрый и подлый, трусливый и злобный, готовый на все и заволакивающий тиной слухов и лжи каждый наш шаг. Шла борьба за каждый пуд хлеба,— хлеба, который был так необходим стране!

* * *

Бараненко, Ханов и я, втроем, побывали дома у самых крупных кулаков.

Усадьба прасола Алексея — целая крепость: высокий забор с одной стороны, а с другой — усадьба замкнута стенами построек: огромного кирпичного дома, маслобойного завода, амбаров, сарая для молотилки и других орудий.

В окнах дома — чистейшее бемское стекло[1], на подоконниках — фикусы, душистый горошек, левкой. Внутри — полы крашеные, в каждой комнате, в проходах — тяжелые кованые сундуки, кровати никелированные, с пружинными матрацами.

На угольнике под целым иконостасом лежали стопки «Правды» и «Известий», толстый агрономический журнал, книги.

— Интересуешься, что в Союзе делается?

Прасол с достоинством одернул широкую чесучовую рубашку, обтянувшую широкие плечи и выпуклую грудь, и приподнял круглое жирное лицо.

— Государству нужно богатое сельское хозяйство. Вести его надо научно, — сказал он важно, мягко прогуливаясь по узкой дорожке ковра.

Кони у прасола породистые, с огромной гладкой спиной, на которой спать можно. На дворе — гам бесчисленных кур, уток, индюшек. Сын прасола учится в профтехнической школе...

— Знаете, гражданин, как хлеб заготовить? — говорит прасол. — Надо выбрать доверенных людей и обыскать всю станицу вараз. Что лишнее будет — забрать, а потом и не ходить, а то комиссии ходят, — ни покоя нет, ни хлеба нет.

Прасол заявил, что хлеба у него всего двадцать с небольшим пудов. Темнов[2], которому мы сказали об этом, возвратясь в совет, выругался и послал тыждневного[3] за прасолом.

Тот пришел степенно, стал посреди комнаты, заложив руку за борт кожаной куртки.

Темнов набросился:

---

[1] *Бемское стекло* — высокий сорт стекла, отличающийся чистотой и толщиной.

[2] Председатель станичного совета.

[3] *Тыждневный* — дежурный при станичном совете.

— Ты сеял двадцать десятин да молотилкой еще заработал. Куда ты все девал?

— Расходовал по хозяйству, сдал в январе пудов двести, позанимал соседям, — прасол был невозмутим, немного сбычил голову на коренастой шее, в серых глазах мелькало что-то неуловимое.

— И у тебя двадцать пудов осталось?

— Честное слово, больше нет!

— Врешь, скотина! Говори, куда спрятал!

Прасол посерел.

— Что вы меня оскорбляете? Вы меня не оскорбляйте, а то ответите. Что вы коммунист, так и кричать можете? Я тоже революционер, недалеко от вас отошел, только партийного билета нет.

— Ах ты, сволочь проклятая! А как ты у меня кровь сосал, забыл?

Машинист Буланов, сидевший в уголке, бросился на прасола с кулаками. Бараненко [1] еле удержал его.

— Ты меня в двадцать втором году голодом морил! — кричал Буланов. — Кто у тебя за фунт хлеба батрачил?

— Чтоб завтра же вывез двадцать пудов! Вон отсюда! — крикнул на него Темнов.

Прасол вывез муку в тот же день и уехал.

На ссыпке он поругался, требуя принять муку бесплатно — в пользу бедноты.

— Та я жертвую, не имеете права не взять.

Кругом стояли пришедшие за хлебом бедняки, среди них начинался говор. Прасоловская щедрость понравилась. Бойкая бабенка, видимо хотевшая сейчас же воспользоваться от кулацких щедрот, высказалась вполголоса:

— А чего не взять и не раздать бедным, которым жрать нечего?

* * *

Петрова обнаружила у кулака Пилипенки закопанную в землю пшеницу. Наружный слой зерна уже начал преть. Пилипенко — горластый и наглый старик — матюкнулся, грохнул шапкой о землю, наложил двенадцать чувалов и повез на ссыпку. Сидя на возу, он раскланивался с каждым встречным и приглашал на ссыпку — получать зерно, которое он решил пожертвовать всем желающим...

---

[1] Милиционер.

— Идить скорейше, шоб проклятый ККОВ [1] сам все не забрав.

На ссылку приперлось человек пятьдесят. Разъяснить им кулацкую провокацию [2] пришлось нелегко.

Арестованные и посаженные в карцер при стансовете кулаки возмутили тыждневных, которые начали посматривать косо и отказывались итти понятыми на обыски в поисках хлеба у кулаков.

Прасол Семен подозвал к двери карцера председателя ККОВа.

— Товарищ Горлопан, идить сюды.

— Шо тебе?

— Я хочу вам молотилку отдать.

Горлопан выпучил на него глаза:

— Та свою молотилку. Одна морока! Кулаком считают, а який я кулак? Вы ж сами знаете. Ей-богу, возьмите мою молотилку в ККОВ!

У Горлопана в груди захолонуло от радости:

— Не брешешь?

— Крест святый! Да вы возьмить заявление, ось и написав. Берить, берить ее! Тильки похлопочите, шоб мене отпустили...

Вслед за ним второй благодетель нашелся — Корниенко, тоже владелец паровой машины. Я спросил его:

— Почему же ты решил отдать молотилку?

— Та ни к чему вона. Урожай плохой. Налог за нее теперь увеличат, а я еще должен за нее две тысячи, никак не могу собрать.

— Как же ты передаешь бесплатно? А долг-то?

— Та я ж тоди не буду платить...

* * *

Старокорсунский кулак Лупоховский ловко объяснял:

— Кто ты такой — кулак? А потому я, каже, кулак, шо роблю день-ничь. а приходю до дому — цыбулю [1] зъим и кладу кулак пид голову и лягаю спать. Оце я и кулак. А почему ты середняк? То такий чоловик, шо у него впереди сумка и сзади сумка. Оце он середняк. А бедняк? Бедняк — шо носить сини

---

[1] *ККОВ* — крестьянский комитет взаимопомощи.

[2] *Провокация* — подстрекательство, имеющее целью вызвать отдельных лиц или толпу на политические выступления, чтобы выдать в руки властей; вообще — подстрекательство, науськивание.

[1] *Цыбуля* — луковица

галифе [1] и шовровы сапоги и портфель. У него бильше ничого нема. Шо на ем — то и его. — И он сказал: — Тильки мы, кулаки, и держимо советскую власть и бедноту.

Да мало ли чего было сказано в эту пору!

— Советская власть всех пролетаризирует и хочет организовать в коммуны.

— Советская власть дает на копейку, а берет на рубль! Непонятно? Так послушайте песенку об этом:

Мы не сеем
И не жнем, —
Контрактацией [2]
Жи-вем!

Мингрельские кулаки прямо из-за свадебного стола подкатили десятком тачанок [3] к лавке ЕПО, в которой было полно народу. Поезжане, разодетые и разукрашенные, вылезли из тачанок, бережно провели в лавку полуголого мужчину в женском тряпье и женщину в мужском.

— Бувайти здоровеньки, люди добри! У вас товаров нема, так мы вам привезли. Не дадите ли цему гражданину кожи на подметки, а цей гражданочке мануфактуры на юбку?

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Какими средствами кубанские кулаки пытались сорвать хлебозаготовки и привлечь бедноту на свою сторону? Расскажите подробно.
2. Почему Лупоховский рисует бедняка одетым во френч с портфелем в руках? На кого он намекает и что хочет этим сказать?
3. Как вы объясняете слова, сказанные кулаком о середняке: «то такий чоловик, шо у него впереди сумка и сзади сумка»? Что вы на это ответили бы кулаку?
4. Найдите в тексте и выпишите главную мысль очерка или передайте ее своими словами.

ТОВАРИЩ МИТРОФАНОВ.

Рассказ В. Шишкова.

Здравствовал у нас на селе Михайло Терентьич Митрофанов. Был он мужик с головой. Росту небольшого, жирненький, кругленький, как осенью боровок. Глазом хитер, зацепист; ухмыл-

---

[1] *Галифе* — брюки особого покроя — широкие в верхней половине и суженные книзу.

[2] *Контрактация* — заключение договора на поставку чего-либо или на наем рабочей силы.

[3] *Тачанка* — телега, повозка.

кой ласков. Бывало, ярославским говорком такую патоку распустит, — другого вислоухого слюна проймет!

Ну, известное дело, недвижимость имелась у Митрофанова: мельница-ветрянка, домик с порядочной лавочкой, надворное строение.

Движимая собственность тоже была у Митрофанова в пропорцию [1]: стадо уток, три десятка кур, сколько-то овец, боровок со свинкой, жеребец да мерин, еще кобыла.

Ну, известно, налог с него брали подходящий. А с кого же и брать, как не с таких подобных?

И ударь Михайле в голову фантазия [2]... в коммунисты проползти!

«Как ты на сей счет, Михайло Терентьич?»

«А что ж, — поответствовал Михайло самому себе. — Дело нехудое... Только вряд ли примут! Кулак, скажут, мироед, душевредный элемент!»

Так оно и есть. Пришел в комячейку. Ему и говорят:

— Ты привык народ тиранить: чуть что, за горло и кровь сосать. Видишь, народ какой бедный! А ты богатый... Откудова у тебя богатство, объясняй!..

Михайло осерчал внутрях, а вслух сказал ласково:

— Товарищи хорошие! Вот вы попрекаете меня: народ, мол, угнетал. Согласен. Слов нет — угнетал. Ну, а ежели в партию вступлю, тогда народу благодетель буду, тогда угнетать народ параграф [3] не дозволит, дисциплина [4]. Примите, будьте отцы-радетели!

Посовещалась ячейка, ответила:

— Вот что, гражданин. Ты, как нам ведомо, очень в бога веруешь. А это позор культуре! Абнулируй религию, тогда подумаем.

Закручинился Михайло Митрофанов, пришел домой не в полном духе: вся изба иконами уставлена, а баба сильно злая: ежели начать антирелигиозную кампанию, ухватом очи выткнет.

Уехала баба в поле. Михайло помолился в передний угол, приложился к каждой иконе, сказал:

— Вот, иконки родимые!.. Я вас легонько вынесу на чер-

---

[1] *Пропорция* — соответствие, соразмерность.

[2] *Фантазия* — воображение, вымысел; здесь употреблено в смысле: причуда, прихоть, выдумка.

[3] *Параграф* — часть (подразделение) текста в статье или книге, здесь: пункт правил, правило.

[4] *Дисциплина* — подчинение правилам.

дачок, в новый сундук складу до времени. Очень мне хочется в безбожную партию поступить, дозарезу нужно. Опосля отмолю!..

Вернулась жена.

— Баба, а баба... — начал ласково Михайло Митрофанов.

А та, как взглянула на пустые стены, не говоря худого слова, вцепилась мужу в бороду.

— Ой, больно, брось! — завопил Михайло. — Ты что ж это, дьявол, партию марать?! — и подмял бабу.

Баба куснула ему нос, вырвалась и — с криком вдоль села. Мужик за ней. Настиг на огородах, поучил. Баба вся в слезах, в крови, — домой.

— Баба, а баба, слушай-ка! Ты не плачь! Я ж в партию пройти желаю... Ежели стану партейным, шибко будет выгодно. Ты гляди...

Снял он счеты с гвоздика: щелк, щелк, щелк... Баба смотрит: верно, выгодно. И покорилась баба.

Прошло недели две. Пришагал Михайло в комячейку.

— Ну вот, товарищи хорошие. Теперича в своей избе религиозный дурман я уничтожил: святые иконы в печке сжег! Может соизволите принять?

— Нет, — сказала комячейка. — Ты ни в каком разе партийным быть не можешь. Ты супругу свою бил, есть свидетели. Да знаешь ли ты, что жену надо беречь, обувать, одевать как следует, прилично. Она — равноправный член!

Михайло запыхтел, замигал:

— Я, товарищи, не бил ее. Я пропаганду пускал в смысле божества. Раз агитации [1] не признает, пришлось вдарить по скуле. Это верно. А вы обратите полное внимание на бороду: была длинная, стала короткая. А почему? Стыдно вымолвить: из-за партии страдаю. Будьте столь добры, примите!

Посовещалась комячейка; объявила:

— Жену береги вот как! Она не собака. Как можно старайся идеологию выпрямлять. Через три недели приходи. Пока!

Домой явился Михайло в радости. Бабу обласкал. Взял счеты — щелк, щелк, щелк, прикинул — выгодно. Уехал в город. Привез бабе всяких сряд.

— Вот тебе, баба, модное пальто-жакет. На продукты выменял, задешево. Вот тебе платье, в грудях вырез. Не стыдись,

---

[1] *Агитация* — работа в массах, с целью подготовки их к каким-нибудь действиям, выступлениям. Здесь слово употреблено в смысле: внушение, убеждение, наставление.

форси согласуемо параграфу. Вот тебе туфли с бомбамбошкой, вот шляпка... Как с коровами управишься, так одевайся городской гражданкой и взад-вперед по улице, мимо комячейки. Чуешь?

Обрядилась баба, вдоль села пошла. Юбочки, ножки, благородный вырез на груди и шляпочка красная на уши надвинута, на маковке синенький цветок дрожит. Парни все глаза проглядели:

— Кто такая? Ах, ах, ах!..

— Будешь мимо комячейки проходить, как можно больше щелкай семечки. Щелкай да повеселей поплевывай... Личность тоже чтоб веселая была, с игрой! Пускай все видят, сколь ты довольна, — поучал Михайло свою бабу.

Вот прошел положенный срок, объявился Михайло в комячейку.

— Здравия желаю, товарищи хорошие. Значит первонаперво, религию я искоренил. Второе дело — гражданку-бабу берегу вот как! Все денежки на нее ухлопал, всякой сряды накупил...

Комячейка сначала улыбнулась, потом насупилась и молвила:

— Чудак ты, дядя, — сказала комячейка. — В партию лезешь, а твоя жена, как стопроцентная нэпманша, вся расфуфырена. Нешто это по-партейному? Эх ты, голова два уха!

— Виноват, прошибся, — уныло сказал Михайло Митрофанов. — Я норовил как лучше. Ну, а дозвольте вас спросить: какая же баба должна быть, ежели по параграфу?

— По параграфу программы баба, то есть женщина, должна быть прежде всего сознательна. Шляпку, ясное дело, долой! Косу долой! Впрочем насчет косы и так и сяк... А главное, чтоб общественная жилка была. Вот, например, ты лично... Какая в тебе общественность? Собственник и — больше ничего. Хищник! Мельница у тебя... Надо абнулировать! Вот подумай... Через месяц загляни. Пока!

Пришел Михайло к себе в избу, на счетах прикинул: щелк, щелк, щелк — выгодно выходит, подходяще. В одно село съездил, в другое село съездил, за хорошие деньги мельницу спустил. А дома свою бабу самогоном маленько попотчевал. Когда повалилась на пол, он косу — под самый корешок! Заплакал Михайло, сказал самому себе:

«Вот видишь, Михайло Терентьич, сколь трудно в партию тебе попасть. Ничего, ничего, старайся! Бог ежели поможет, все вернешь»...

Поутру проснулась баба, ахнула, заголосила, два дня о косе плакала, на третий — барашком завилась, повеселела.

Михайло смотрел, смотрел на бабу, — распалился. Пошел к солдату: бороду долой, усы долой, патлы долой и явился к своей супруге комсомольцем.

— Ах ты, дурак, дурак! — с трудом признав его, захохотала баба. — На стриженого барана ты похож. А мной, может, интересуются самые партейные люди, да я молчу!

Действительно супружница Михайлы стала прямо краля. Юбочка по колено, алые чулки пламенем горят, туфельки поскрипывают, волосики — в кудряшках мелких. И все прочее в приятную у нее плепорцию!

А время шло. Михайло в избу-читальню нет-нет да и заглянет: газетку пробежит, книжонку. Вот пришел срок, снова объявился Михайло в комячейку.

— Здравствуйте, товарищи!

— Кто таков?

— Хе!.. Неужто не признали? — воссиял Михайло. — Я — Михайло Митрофанов, бывший кулак, конечно.

— А, Митрофанов! — признала ячейка. — Брюхо выдает тебя, живот: много пищи потребляешь. В чем вопрос?

— Дозвольте по параграфам. Сам я бритый. Жена у меня, конечно, стриженая. Шляпку долой, в красной повязке ходит. Кажный божий день пропаганд [1] пущаю, а по субботам — два! Баба ума набираться стала...

— А мельница?

— Мельницы нет. Мельницу в большой убыток продал, за бесценок. На денежки крестьянский заем купил. Вот-с, извольте поглядеть, — и Михайло вынул сторублевую облигацию.

— А лавка?

— Лавку тоже абнулировал. Красный уголок теперича в лавке: патреты вождей и все прочее. Милости просим удостовериться, чайку с вареньицем попить.

— Куда ж товары дел?

— Эх, добрые люди!.. Там и товаров-то рублей на пятнадцать было. Часть в город за долги вернул, остальное мыши съели.

— Ну, а скот? Ведь у тебя, в общем и целом, три коня хороших да пять коров... Нешто это норма [2]?

— Сокращу, сокращу, товарищи, бедноте раздам: на, беднота, владей в честь нового режима! Да, да, трудно нашему бра-

---

[1] *Пропаганда* — здесь употреблено в том же смысле, что и агитация.

[2] *Норма* — установленная мера чего-либо; образец.

ту в партию попасть, — вздохнул Михайло. — Главная суть в том: ничему не верят. Сделайте милость, товарищи дорогие, запишите в кандидаты...

— Вот убавь скота и веди себя соответственно, — сказала ячейка. — Недельки через три-четыре за ответом приходи. Пока!

А как вернулся Михайло в свою избу, глядит: супружница чаек с каким-то человеком распивает, веселый разговор ведет. Гость оказался городской, вроде агронома [1], собой приятный. Михайло бабу даже взревновал чуть-чуть.

Когда же настала ночь, наложил он три воза товаров и вывез из села тайком. Вернулся домой утром, порожнем. Сдернул с гвоздя счеты, прикинул: щелк, щелк, щелк, — правильно, очень даже выгодно товар пристроил.

— Баба, а баба!.. Товарищ Степанида! — ласково обратился он к жене. — Мы теперича должны быть из бедных бедными. Чуешь! Мне бы только в партейные пройти да в совет, я б им показал параграф! Вон кулак Спиридонов из Ноздрева теперича по своей дурости в тюрьме гниет... Иди, покличь свата Митрия, да брата Спиридона, да вдову Маланью, да свояка Григорья. Кажись, беднее их и на свете нет!..

Пришли бедняки.

— Вот что, приятели, — начал степенно Михайло. — Как я, значит, был вашим благодетелем, так и останусь. Вы, в общей сложности, должны мне двести сорок три рубля. Да процентов наросло поболе сотни...

Тут у бедняков развязались языки:

— Вконец разорить нас, Михайло, хочешь... Злодей ты!

— Ничего подобного... — улыбнулся Михайло. — Тебе, сват Митрий, я самолучшего коня отдаю на пользование, на полгода. Тебе, Маланья, — корову. Тебе, свояк Григорий, — двух коров. Всем во временное пользование. А миру говорите, что даром получили, навеки вечные... Вот условия готовы, распишитесь! Я скоро в большую силу войду. Мне ежели хорошо будет — и вам будет хорошо. Ну, ежели я погибну — и вам не сдобровать! В случае чего голосуйте за меня. И бедноту к тому же подбивайте. Пока! Пока!

И стал кулак Михайло бедняком. Пришли из комячейки, осмотрели, — да, действительно!

А меж тем через село опять тот городской товарищ проезжал, чаек у Михайловой хозяйки пил, там сказки, разговоры, хаханьки. Когда гость уехал, Михайло сказал жене:

---

[1] *Агроном* — ученый специалист по сельскому хозяйству.

— Как в партию проползу, в самом длинном платье будешь ходить, в паршивом. Туфли — тоже к чорту! И никаких вырезов ни спереду, ни сзаду! А то — за кудряшки и об стенку башкой!

Баба в ответ только ухмыльнулась да черной бровью повела.

Когда вышел срок, пошагал Михайло в комячейку. Самую рвань на себя надел, брюхо засупонил так, что глаза под лоб закатились.

— Ну вот, товарищи!.. Я теперича — окончательный бедняк. Даже отощал. И линию веду согласуемо параграфам. Я — ваш целиком и полностью!..

Ячейка очень долго совещалась, в конце вынесла постановление: «условно зачислить в кандидаты».

— Завтра, товарищ Митрофанов, езжай в город. Там съезд малоземельной бедноты. Вот тебе мандат [1]. Мы тоже там будем... Помаленьку привыкай!

Пробыл Михайло в городе целую неделю. На съезде очень левые речи говорил: пускай слушают товарищи из ихней комячейки, пускай знают — не дадут они маху, ежели по-настоящему продвинут Митрофанова в партию.

А в это время в село опять тот городской заехал. Ох, уж этот городской! Три ночи у Михайловой жены в гостях гостил.

Когда вернулся Михайло Терентьич домой, — хата его брошена, печь три дня не топлена, возле печки теща помирает.

— Где Степанида? — крикнул он теще в рот.

Та помычала, ответила.

— Тот... лягавый... живьем увез!

Михайло так и сел на сундук. Хотел перекреститься на иконы — нет икон. В сундук полез, — а в сундуке ни денег, ни займа в сто рублей. Вот тебе и продал мельницу!..

Михайло с горя едва рассудка не лишился. Потом маленько отошел.

«Что ж ты, идиот, сердцем возгрустнул? — сказал он самому себе. — Ведь товар-то при тебе, скотина в целости... А что бабы нет, так он на-зло ей девку пудов на шесть заведет... обязательно!»

Пошел в комячейку, жалуется:

— Вот, товарищи, довелось и мне за партию пострадать: без законной жены оставшись!..

В комячейке послушали, сказали:

— Это дело обыкновенное... А что касаемо жены, так ты

---

[1] *Мандат* — полномочие; документ, удостоверяющий чьи-либо полномочия.

сознательную присмотришь: в союзе сельхозлесрабочих сколь угодно!

Вздохнул Митрофанов, рукою махнул.

— Нет, уж, товарищи, как-нибудь один проживу... В одиночку-то куда как серьезней общественное дело справлять буду... Вы только нагружайте!..

— А что тебе дать? — спрашивает один.

— Да все давай! Кооператив могу, артель могу, в совет могу. Я такой: ежели для других страдать, так уж чтобы сполна, без отказу, по всем параграфам!..

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Расскажите историю о том, как Михайло Терентьич стал коммунистом (опишите по порядку все его хитрости и проделки). Рассказывать лучше по плану.

а) Митрофанов прячет иконы.

б) Михайло старается показать, как он признает и уважает права жены.

(Составляйте дальше сами.)

в) ...

г) ...

2. Можно ли было распознать в Михайле Терентьиче кулака? По каким признакам?

3. В чем состояла ошибка деревенской ячейки по отношению к Митрофанову?

4. Мог ли Михайло искренно порвать с кулачеством и стать настоящим коммунистом — пролетарием (тем более, что он лишился значительной части имущества)? Дайте подробный обоснованный ответ, подтвердив его цитатами из рассказа.

6. Почему автор дал рассказу заглавие «Товарищ Митрофанов» (а не просто «Митрофанов» или «Михайло Митрофанов»)?

7. Сочините самостоятельный рассказ о том, как Михайло-«коммунист» работал в кооперативе (или совете), ведя там кулацкую классовую линию (вспомните Лудорвайское дело).

8. Напишите заметку (либо очерк): «Товарищ Митрофанов на партийной чистке»

ВСТРЕЧА.

Стих. Е. Березницкого.

Он помнит у мельницы шумную очередь
На залитом солнцем бугре у реки.
Он помнит: назойливо сватались к дочери
Зажиточные мужики.

В хорошей дружбе бывал с урядником:
Известно — мельник! Начальству — «ты».

Бывало, кучер возьмет двухрядку,
На карих гаркнет... И нет версты!
Бывало! Как ветром, сдувало шапки:
— Артемий Лукич! Размели вперед! —
А нынче жди, что батрак обшарпанный
Плечом на тебя напрет!

. . . . . .

Дочка сбежала. Отобрана мельница.
Вырос колхоз на пути.
— Выпить покрепче, чтоб лучше осмелиться,
И уж тогда пойти...
Синей горой эта ночка вздыблена,
Выбрал лопату, лом...
Плещет река, что большая рыбина,
Чешуйчатым серебром.
Вот и плотина. — Повыдергать колья!
Уйдут и рубли и труды.
Яро взревет и прорвется на волю
Косматая буря воды.
Колья набухли. Один только вырвал...
Вдруг: — Что тут делаешь? Ась?! —
Вздрогнул старик. Как железо, за шиворот
Чья-то рука впилась.
Злостью рванула кулацкое сердце.
— Кто это? Как это так?
Сторож ночной на колхозной мельнице —
Прежний его батрак!
Взвизгнул по-зверьи. Хвать за лопату.
— Хозяин здесь ты иль я?!
Сторож схватил рукой волосатой,
С треском швырнул в бурьян.
—... Коммунисты! Сволочи!
От злости трещит скула.
Сдвинул брови. Глядит по-волчьи
Артемий Лукич — кулак.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Что толкнуло старого мельника-кулака на преступление?

2. Какой план он задумал? (Расскажите своими словами.)

3. Как ведет себя Артемий Лукич, застигнутый на месте преступления? (Заметно ли в нем раскаяние или желание оправдаться?) Чем вы объясняете его поведение?

4. Выясните, кто из двух более опасный классовый враг: Михайло Терентьич («Товарищ Митрофанов») или Артемий Лукич? Почему?

5. Передайте известные (вам из жизни вашей деревни или района случаи вредительства и сопротивления колхозному строительству и коллективизации со стороны кулаков и торговцев (сделайте это в виде рассказа или в виде заметки-корреспонденции в газету).

6. Обрисуйте отношения бедняцкой и середняцкой массы вашего села или района к кулаку (в форме доклада или очерка, рассказа, заметки в газету — по вашему усмотрению).

«ГОЛУБОК».

Очерк Л. Овалова.

Наружность иногда обманчива бывает:
Иной как зверь, а добр, тот ласков, а кусает.

Хемницер [1].

1.

Узорными, затейливо выпиленными наличниками украшены окна гордеевского дома. Но не живет в нем Гордеев. Тридцать лет прожил в доме и не пожалел — продал...

Волноческа была, сельскохозяйственные машины, амбары, кони быстрые, коровы молочные... Крепчайшее хозяйство. Все имущество разделил между четырьмя сыновьями. Самоуничтожился.

2.

Стал Гордеев бедняком. Перешел в землянку. Убогое подслеповатое оконце не все застеклил, заткнул трухлявую раму грязной тряпкой. Скота не держит. Землю обработать сыновей просит помочь. С налогом сам справляется — не платит. Только и всей живности — табун жеребят. Жеребята налогом не облагаются. Жеребятами Гордеев и спекулирует [2].

3.

Любит Гордеев ходить на собрания.

Часто подымается и вежливо председателя просит:

— Милочка, дай слово...

Говорит всегда нежно, ласково.

— Сказал ты, голубок, о коммуне... Отличное дело, голубок. Только надо людям дать время одуматься. Вот помрем мы, вну-

---

[1] Русский писатель второй половины XVIII в.; знаменит своими баснями.

[2] *Спекулировать* (от *спекуляция*) — перепродавать с целью легкой и быстрой наживы, барышничать.

чата наши подрастут, им коммуна в самый раз будет... Не торопи, голубок, не торопи. Надо все по человечеству делать, голубок... Рознь хотите поселить среди крестьянства... А зачем? Зачем бедного с богатым ссорить?.. Я вот бедный, а против богатого зла не имею... Люби ближнего своего, голубок!..

В селе Гордеева так и дразнят: «Голубок».

Если Гордеев на собрании находится в самом заду и поблизости нет активных [1] общественников, он внятно ворчит:

— Народ мучают... Надобно, соседушки, расходиться... Хлеба просят. Хитрые! Через три месяца вольная торговля будет объявлена, вот они и спешат. Хотят успеть по дешевой цене хлеб купить...

4.

По селу прошел слух: у Гордеева икона обновилась.

Заохали бабы, побежали в землянку. Смотрят: действительно старая побуревшая икона ярко сияет свежей позолотой. Чудо!

Пришел Гордеев в сельсовет.

— Позвольте, милочки, общественное молебствие устроить.

Сельсовет не разрешил.

* * *

Хлеба у Гордеева много. Еще от прошлой новины остался. Все соседи знают.

Вызвали Гордеева в комиссию содействия хлебозаготовкам.

Старик отказался продать хлеб.

— Нету! нету!.. Не могу!..

— Чего «не могу»?

— Стихия!.. [2] Неурожай!..

— Брось трепаться!

— Стихия!..

5.

Гордеев не прочь побеседовать с приезжим человеком.

С философской [3] значительностью высказывает он затаенную мысль:

— Все-таки неправильно это, как мы идем к социализму. — Слово «социализм» он выговаривает неловко, неохотно, неуклюже его глотая. — Ленин не так учил: потихонечку, не сразу...

---

[1] *Активный* — деятельный; передовой.

[2] *Стихия* — сила природы; природа.

[3] *Философский* — глубокомысленный.

— Ленин, — отвечает приезжий человек, — учил догнать и перегнать передовые страны.

— Так что же «догнать»? И перегоним! Только не сразу надо. Правильно Ленин говорил: воробьиным, говорил, шагом надо итти...

Гордеев упрямо твердит одно и то же:

— Воробьиным шагом надо итти... Лет через пятьдесят, не торопясь, и придем...

6.

Комсомолец Коробов — сосед Гордеева — встретился со стариком на огородах.

Старик вел под уздцы лошадь, запряженную в телегу. На телеге были мешки.

— Куда? — спросил Коробов.

— Надо, — уклончиво ответил старик.

Коробов сообщил, что, по его мнению, Гордеев вывозит спрятанный хлеб в соседнюю деревню к родственникам.

7.

Комиссия содействия снова вызвала старика.

— Ты хлеб сдавать думаешь? — спросил председателя.

— Я о боге думаю, — безропотно ответил Гордеев.

— В последний раз спрашиваю: сдашь хлебные излишки?— угрожающе сказал председателя.

Гордеев помолчал и вдруг, вместо ответа, запел молитву:

— Отче наш, иже еси...

— Ты нам голову не морочь, отвечай!

— ...святится имя твое, да будет...

— Сдашь хлеб?

Члены комиссии раздражались.

— ...хлеб наш насущный даждь нам днесь...

Проволынились с Гордеевым часа два. Спрашивали, кричали, останавливали. Вместо ответа старик, не переставая, безропотно и упорно гнусавил молитву.

Наконец его отпустили.

Возвращаясь из сельсовета, Гордеев шел по улице и во весь голос, смиренно и насмешливо, распевал:

— ...остави долги наши, яко же и мы оставляем...

8.

В землянке произвели обыск. Два сундука стояли полными мануфактуры. У стены, в выемке на печке, нашли бронзовый

порошок — средство, омолаживающее иконы. Копнули подозрительно рыхлую землю. В земле лежала начавшая плесневеть пшеница. Четыреста пудов!..

Когда мешки с пшеницей начали выволакивать из землянки, «Голубка» прорвало.

— Дьяволы! — взвизгнул Гордеев и обругал сельсоветчиков злобными, площадными словами.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Придумайте и напишите заглавия к каждому из отрывков, на которые делится рассказ. Заглавия можно составлять или в краткой форме или в виде полных фраз, по вашему усмотрению, например:

а) Прошлое Гордеева.

б) Кулак под личиной бедняка.

в) «Голубок» (или: Гордеев агитирует за коммуну) и т. д.

Следующие заголовки придумайте сами.

2. Какие средства и уловки употреблял Гордеев, чтобы скрыть свое кулацкое хозяйство? Расскажите подробно.

3. Чем Гордеевы опасны для советской власти?

4. Обычны ли для кулака взгляды «Голубка» на коммуну и социалистическое строительство? Учтите настойчивое требование спекулянта: «Воробьиным шагом надо итти».

5. Дайте полную характеристику Гордеева.

6. Объясните название рассказа («Голубок»). Какое отношение имеет к повествованию двустишие Хемницера?

7. Что общего между точкой зрения Гордеева и правых оппортунистов, и отчего последних называют союзниками кулака?

ОРГАНИЗАЦИЯ АРТЕЛИ.

Отрывок из романа Замойского «Лезин Дол».

— Мамка, — окликнул Петька, — разговор у меня к тебе серьезный.

— Батюшка, — шутливо удивилась мать, слыша робкий голос Петьки: — уж не случилось ли что?

— Да, да... по душам, — добавил Петька.

— Ну, ежели по душам, это погодить можно. Сперва поесть надо. Обедать пора. Да и ты, небось, бегавши, жрать захотел.

За обедом передал матери весь разговор, который был с Алексеем, а к вечеру сходил к дяде Якову, Дарье и Никанору. Позвал их к себе в избу. Петька был серьезен, и, хотя они спрашивают его, зачем созвал их, он отмалчивался. Потом, шутливо рассадив их на лавке, торжественно, сдерживая улыбку, стукнул черенком ножа по столу и объявил:

— А посему, граждане-товарищи, собрание учредителей артели считаю открытым!

— Ой, батюшки! — удивился дядя Яков. — Это что за такая за артель?

— Леонидовская!

— Когда успели организовать?

— Только сейчас!

— Ну, этак артели не организуют. Тяп-ляп! Посоветоваться надо, затылок почесать!

— Совершенно верно, — подхватил Петька: — Затылок почесать можно во всякое время. Без шуток говоря, дурака нам больше валять нечего. Не один раз у нас затевался такой разговор. Пора прощупать друг друга и всем залезть в артельный хомут.

— Ах ты, шут тебя дери, — восхитился дядя Яков. — Да ты что, один надумал аль на печи с тараканами?

— Совет нечестивых, верно, был у нас. Заседал этот совет на берегу Левина Дола в составе: Сорокин Петр, — откладывал Петька на пальцах, — Столяров Алексей, Малышев Ефим.

— Что же они сами не пришли?

— Алексей брата ломает, Ефимка — отца. Мне поручили держать совет с вами. А совет с вами должен быть короток. Как вы есть товарищи-партийцы, то в этом деле берите вожжи в руки.

Петька нарочно казался веселым, волнуясь, не заметил, что уже вырезал на краю стола глубокий рулет, а рядом — другой. И не только Петька волновался. Вон дядя Яков давно набил трубку, а все тискал в нее табак и обсыпал себе колени. Дарья то развязывала, то завязывала платок на голове. Никанор никак не мог вытащить занозу из пальца.

Они, деревенские партийцы, как-никак, слышали, читали и сами уговаривали крестьян организоваться в артель, но ведь это, как сказал Петька, были только разговоры. Глядь, теперь само дело подошло и в лоб ударило.

— Думайте, — произнес Петька.

Тяжелое молчание было ответом. Каждый из них, видимо, перебирал в уме все свое хозяйство, выкладывал, прикидывал...

Лишь одна Прасковья не задумывалась. Она возилась у печки. Незаметно от других Петька моргнул ей, она улыбнулась, вытерла руки о фартук, подошла к столу и насмешливо спросила:

— Кого сватать пришли? Аль самих засватали? Не вздыхайте тяжело, — не отдадим далеко. Хоть за лыску — да близко, хоть за курицу — да на свою улицу.

— Вздохнешь, — чиркнув спичку и прикуривая, ответил дядя Яков.

— А чего испугались? Чего терять? А-ах, какой страх!

И решительно, нарочно громко крикнула Петьке:

— Пиши меня первую!

— Есть, мама! А тебе, — обратился он к Никанору, — как секретарю ячейки, как старому солдату, сам Ленин велит записаться!

— Пиши!

— Двое, — отрезал Петька, еще более воодушевляясь. — Дядя Яков, не подгадь! Сказано: у дяди Якова...

— Дерьма всякого, — подсказала Дарья. И, толкнув его по плечу заметила: — Будет тебе бороду выщипывать! Ты вот сначала запишись, а за бороду не бойся! Старуха узнает — сразу всю выдерет.

— Пиши! — рассекая трубкой воздух, мотнул головой дядя Яков.

— Пес с ней!

— С кем? — спросила Дарья.

— Да про Еленку я...

Осталась одна Дарья. На нее-то и уставил свои черные глаза Петька. Она заметила его безмолвный взгляд. Стало ей чересчур жарко, сняла с головы платок и принялась оправлять густые волосы. Заволновалась она не без причины. Ее возня с делегатками, поездки в город, работа в кредитном товариществе, в правлении кооператива, — мало ли разных дел — не по нутру были семейным. Каждый день — упреки от свекрови, от снох за «безделье»; недавно, после скандала, обозленный деверь выбросил все ее книжки на улицу, а в сундучишко насыпал ракуши. Соломенная вдова Дарья — без мужа, без отца и матери. С трех сторон сирота. Куда ей пойти? Потому-то тяжело она сейчас и склонила голову.

— Твой черед, — кинул ей Петька.

— Слышу, — отозвалась она. — Только кому артель, а мне делиться со своими придется.

— Дашка, — вступилась Прасковья, — ты об этом брось голову забивать! Выгнать тебя они правов не имеют, а делиться когда-никогда придет срок. Где жить — нечего думать. Ишь, делов-то! Бери свою снарядку[1] и живи с нами. А в артель сейчас пишись. Кому, кому, а тебе артель — само подходяще дело!

— Рази я прочь?! — удивилась Дарья.

— Четверо! — блеснул глазами Петька.

В это время открылась дверь, и показалась лохматая, как неочесанный омет, голова Ефимки.

---

[1] *Снарядка* — наряд, одежда.

— Пятый! — воскликнул Петька. — Писать?

— Обожди — карандаш сломаешь.

Ефимка залился нараспев:

— Ну, товарищ, что у нас с отцом было!.. Умору-у-шка-а. Как это наклюнул я ему про артель, ка-ак он выпучил на меня свои глазищи, и вижу — наливаются его бельмы красной нефтью! Но-ос — ну, точь-в-точь, как у индюка! Э-эх, — думаю, — милые мои, сейчас без узды под гору понесет и шлею порвет! И по-не-ос! Начал с того, что в поле я с ним ездил мало, снопы будто он один возил, а от людей ему — стыд и срам. А как до артели доскакал, сразу с одного маха разбил ее в дым, плюнул, сморкнулся и всех нас послал уже известно куда. «Женю, — стучит кулаками по столу, — тебя, сукина сына, женю, будь я проклят! Свяжу тебя канатом, прикручу вожжой, повалю на землю, а сверху бабу верхом посажу! Посажу ее и кнут ей в руки дам. А она с тебя, как с идола, всю дурь сразу выбьет!» Мать — на подначку: «За дом тебе приниматься надо, шалберник [1]. У добрых людей глянь-ка: дети-то какую ни на есть палку, какую шепку в дом, да в дом тащат, а тебя пес знает... И в кого ты такой уродился?»

— Что же решили?

— Женить меня.

Дарья так и покатилась со смеху.

— Что, лохматый пес, достукался? И женят, право слово, женят!

— Не важно, — печально заметил Петька, — женят его или нет, но пока пятая цифра учредителей пустая...

— Заполним! — уверенно произнес Ефимка. — Я, как вода камень, буду долбить в одно место...

— И продолбишь себе башку, — добавила Дарья.

— Что-о? — обиделся Ефимка. Обводя всех глазами, удивленно спросил: — Товарищи, кто я — секретарь комсомольской ячейки или ошурок от овечьего хвоста?!

Никанор, все время о чем-то сосредоточенно думавший, вытащил-таки занозу и сплюнул.

— Товарищи, — начал он сразу, повысив голос, как будто тут было заседание кооперативного правления, — вся наша трудность в том, что мы взялись организовать артель на голом месте. Мы ее организуем из собственников. У нас нет, как у других, ничего готового. Ни бывших имений, ни скота, ни инвентаря. И ничем мы не можем прельстить, чтобы к нам вступали. Это

---

[1] *Шалберник* — бездельник.

я считаю лучше. Тут каждый вступающий виден будет, почему вступает. Трудов — до чорта. Самый главный пенек — это у нас нет никакой наглядности. Ближайшая коммуна «Универсал» — за двадцать пять километров. Говорят, в Атмисе есть артель, но она плохая, и с нее пример брать не следует.

...Далеко заполночь совещались запевальщики. Они плохо спали в эту ночь.

В Леонидовке на другой же день знали, что организуется артель. Кто-то пустил уже слух, что будет выделена им самая удобь: спуск к Левину Долу, где раньше были отруба Лобачева, Нефеда, Митеньки и клин церковной земли.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Кто были «запевальщиками» в деле организации артели?
2. Чем объяснить, что Яков, Дарья, Никанор быстро приняли предложение Петьки, а отец Ефима «артачился»?
3. Почему именно для Дарьи артель — «само подходяще дело»? Припомните все, что вы знаете о жизни «соломенной вдовы».
4. Какую общественную работу в деревне ведут Петька, Ефим, Дарья, Никанор? Ответ подтвердите цитатами из книги.
5. Напишите сочинение на тему: «Коллективизация сельского хозяйства — залог выполнения пятилетнего плана».
6. Проведите параллель между артелью и коммуной. Почему «основной формой колхоза данной стадии является сельскохозяйственная артель»? (Яковлев, Колхозное движение и подъем сельского хозяйства, тезисы к XVI съезду ВКП(б).)

СЕЖЕНСКАЯ КОММУНА.

Очерк В. Дубровина.

Матвей Филиппович оставался ярым сторонником единоличного хозяйства. Чтобы образумить его, редакция «Крестьянской газеты» послала его в коммуны Северного Кавказа поглядеть, поучиться.

Там Гущин жил несколько месяцев, переходя из коммуны в коммуну, и то, что он видел в коммунах, перевернуло все его мысли и стремления.

«Или жизнь в коммуне — или смерть!» — с таким лозунгом Матвей Филиппович начинает разрушать свое единоличное хозяйство и строить коммуну...

Гущин объясняет мне систему сдельщины, какую ввели в коммуне.

— Чем хороша эта система, ты сейчас наглядно убедишься. Видишь, какой холодище-то... В такую погоду палкой из ком-

наты не выгонишь на работу, а у нас без палки дело обходится... Вон смотри, что делается.

Человек десять коммунаров — мужчин и женщин — окапывали яблони. Холод, очевидно, не угнетал, а бодрил их.

— Вот видишь, Матюша, — счищая лопату, подошла к нам жена Гущина, — видишь, как работаем. Хорошо ведь! А надо бы еще лучше наладить дело, а то беды я боюсь.

— Какой беды? — вскинул на нее глаза Гущин.

— Такой беды, — засмеялась Авдотья Ивановна, — такой беды: как бы сердце у Трошина не лопнуло от усердия. Вишь как он гонит... Сдерживать его надоть бы!

— Не сдержишь меня... Я уж сроду такой в работе, — с довольным от похвалы лицом сказал Трошин.

— Сдержим! Я вот что надумала, Матюша: надо нам оплачивать работу не каждого в отдельности, а по артелям. Пускай подбираются по силе и по ловкости артели, — и им платить. Тогда Трошин не будет так надрываться... будет равняться по остальным.

— А ведь это недурная мысль! Надо обсудить в совете.

На дворе коммуны зазвонили.

За одним из столов мальчуган лет пятнадцати продавал талоны на обед. Вслед за другими и я подошел купить себе талон.

— Сколько стоит обед?

— Тридцать копеек.

Я подал ему два пятиалтынных. Мальчуган растерянно уставился на мои деньги.

— На эти деньги у нас не купишь обеда, — смеясь сказал Матвей Филиппович. — У нас здесь свои деньги. Дай-ка, Ваня, нам два обеда! — и он протянул продавцу талонов какую-то желтенькую бумажку.

Ваня взял бумажку, дал нам два талона и с ними сдачу: четыре беленьких, похожих на гривенники, кружочка из жести.

— Ого! Да у вас тут совсем особое государство! — воскликнул я.

Коммунары засмеялись.

После ужина коммунары «перекладывают работы с плеч на голову».

В столовой при свете семилинейки идет ликвидация неграмотности.

В кухне — заседание хозяйственной комиссии. Здесь обсуждаются вопросы о столовой, об яслях, о ремонте клуба, о плугах, о фурах, об одежде и обуви...

В конторе — наряд. Актив коммуны организует завтрашний трудовой день.

На особых бумажках, которые заранее приготовляет счетовод, пишется наряд на работу для каждого трудоспособного члена коммуны.

— Рязанцев Михаил, — штемпелюет он. — Куда?

— Кочки резать, — говорит полевод. — Он парень сильный.

И утром Рязанцев Михаил, взявши с доски свой листок, пойдет резать кочки, а вечером отдаст листок Трошину. Трошин выдаст ему заработанные деньги и отметит на листке качество и количество сработанного. А потом по всем листкам за день составит суточную ведомость и сдаст ее счетоводу.

* * *

В коммуне около тридцати женщин. В деревне все тридцать были бы в одно время у печки, в одно время у коров, нянчили бы все ребят. А в коммуне на кухне посменно (по неделе) дежурят три женщины, да коров доят три, а остальные работают в поле, в огороде, в саду. А по вечерам они могут уж заниматься и культурной работой, учиться.

Мне пришлось быть на женском собрании. В столовой за длинным столом сидели все коммунарки со своим руководителем т. Даниловым. Когда мы вошли, они очень оживленно обсуждали вопрос, какой должна быть семья в коммуне.

— Вот смотри, как у наших женщин мозги зашевелились... Думать начали! — в радости говорил Матвей Филиппович. — А на деревне семечки бы лузгали в свободное время да сплетни бы сплетали...

* * *

Большая, светлая комната, лучшая комната в старом барском доме. В эту комнату рано утром коммунарки приносят своих детей, которым уже исполнилось семь месяцев от рождения. Там их укладывают в чистые, глубокие кроватки и оставляют на попечение заведующей яслями.

Санитарная комиссия, избранная малышами, строго следит за тем, чтобы все умывались как следует, чтобы каждый почистил хорошенько зубы. На небольшом столике припасены для каждого зубная щетка и коробка с порошком. Санитарная комиссия следит за тем, чтобы в комнате было чисто, тепло, своевременно открывались форточки.

После того как ребята умоются, приберутся, начинается их трудовой день. По заранее составленному самими же детьми меню им готовится завтрак.

Частенько взрослые едят один черный хлеб с картошкой, а дети всегда должны иметь молоко, манную крупу, рис, мясо, белый хлеб, какао. Так же отдельно от взрослых питаются и школьники от семи- до двенадцатилетнего возраста.

После завтрака, если погода ясная, тетя Леля водит малышей на прогулку по саду, где о многом с ними беседует.

Поздно вечером за ними приходят матери и уводят к себе в комнаты — спать.

Детские ясли, а для школьников летом детская площадка — самое лучшее достижение коммуны.

* * *

За ужином Матвей Филиппович объявил, что назавтра наряда на работы не будет. Назавтра один наряд: всем коммунарам — и мужчинам и женщинам — всем до единого выступить в деревню Егорьевскую на общее собрание, чтобы взорвать вековую общину.

...В сборной избе еще никого не было. Исполнители побежали по деревне, созывая на общее собрание. Собрались егорьевцы, как всегда, медленно, по-одному.

Часа через два-три егорьевцы заполнили небольшую избу. Собрание открыл Данилов, секретарь совета коммуны.

...Долго шло собрание. Начали с утра и только поздним вечером стали расходиться.

Постановили организовать кружок колхозников, где хорошенько уяснить колхозное строительство. И еще организовали инициативную группу из пяти человек и поручили ей приступить к записи желающих вступить в товарищество, в артель или в коммуну.

Через два дня после нашей вылазки умерла старая община деревни Егорьевской.

Пошли в этот день егорьевцы лес делить. Дошли до опушки, остановились. Покричали, поругались и помирились на том, чтобы всей деревней слиться в одну артель. Тут же и уполномоченных выбрали для подписания устава.

— Ну, два шага шагнули деревенцы в нашу сторону... Это хорошо! — усмехаясь, отозвался на это известие Матвей Филиппович. — Еще полшага шагнут, и вместе с нами будут в коммуне! — уверенно заключил он.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Сторонником какого хозяйства был раньше крестьянин Матвей Филиппович Гущин? Зачем его направили на Кавказ?

2. Какая система труда введена в коммуне? Почему она пользуется успехом? В чем заключаются ее слабые стороны? (Выпишите из текста предложения жены Гущина, касающиеся изменений в оплате сдельной работы.)

3. Отметьте удобства коммунальной платы за обеды. В чем ее сходство и различие с системой абонементной?

4. С какой целью была устроена «вылазка» в деревню и в чем сказалось влияние коммуны на бедняцко-середняцкую часть крестьян Егорьевской?

5. Объясните заключительные слова Гущина.

6. Опишите какую-либо виденную вами коммуну. Отметьте ее недостатки и достижения.

7. Припомните какое-либо прочитанное вами художественное произведение, изображающее жизнь коммуны — городской или деревенской — и сравните с условиями жизни Сеженской коммуны. Свои соображения передайте в кратком, сжатом докладе товарищам.

8. Напишите небольшое сочинение на тему: «Жизнь в коммуне».

Примерный план:

а) Труд.
б) Питание.
в) Учеба.
г) Воспитание детей.
д) Отдых.

ПЕТР ДЬЯКОВ.

Стих. И. Молчанова.

В Ишимском округе кулаки сожгли комсомольца-тракториста Дьякова Петра во время ночной запашки коммунального поля.

Из газет.

Колосилась в поле рожь густая,
Шевелились усики овса.
Где-то за деревней, замирая,
Девичьи звенели голоса.
Где-то с переборами тальянки
Песня угасала на ветру...
В эту ночь ему не до гулянки—
Трактористу Дьякову Петру.
В эту ночь его не занимала
Любушка из ближнего села.
Полоса невспаханной лежала,
Молодого пахаря ждала.

Бронзовый от летнего загара,
С комсомольской хваткою на-ять,—
Он один из сотни коммунаров
Трактором умеет управлять.

* * *

Чуть заря, что рдела по-над лесом,
Росами упала в зеленя, —
Пахарь выводил из-под навеса
Крепкого железного коня.
Знает пахарь: сердце не забьется,
Если в сердце нет горячих сил...
Не водой холодной из колодца,
А бензином друга напоил.
Под покровом ноченьки бездонной
Моториста скука не возьмет:
Выезжал он с песней забубенной, —
С той, какую Любушка поет:
«По дороге неровной, по тракту ли, —
Все равно нам с тобой по пути.
Прокати нас, Петрушка, на тракторе,
До околицы нас прокати.
Прокати нас до речки, до лесенки,
Где шумят серебром тополя.
Запевайте-ка, девушки, песенки
Про коммуну, про наши поля.
Не примяты дождем, не повыжжены
Наши полосы в этом краю...
Кулаки на тебя разобижены,
На счастливую долю твою.
Им бы только ругаться да лаяться,
Злоба льется у них через край...
Кулачье до тебя добирается, —
Комсомолец лихой, не плошай!
По дорожке по ровной, по тракту ли,
Все равно, нам с тобой по пути.
Прокати нас, Петрушка, на тракторе,
До околицы нас прокати».

* * *

Песня наливается и крепнет,
Не сорвется голос молодой...
Далеко оставлена деревня,

Утонула в дымке голубой.
Над полями выплыл месяц дальний,
Метеор [1] упал на косогор.
Хорошо на поле коммунальном,
Хорошо работает мотор.
Рыхлым черноперым черноземом
К полосе ложится полоса...
— Стой, Петрушка!..— злобою знакомой
С полосы плеснулись голоса.
— Стой, Петрушка, побалакать надо,
Посчитаться надо за дела... —
У межи кулацкая засада
С вечера Петрушку стерегла.
— Поквитаться надо, посчитаться
Нам с тобой, собачий депутат!
С солнышком собаке не видаться,
Ну-ка, поворачивай назад!

* * *

Месяцу и снится и не снится
То, что не опишешь и пером:
Злобой перекошенные лица,
Хрюкая, склонились над Петром.
Замолчала робкая машина...
Тракториста с головы до ног
Кто-то облил едким керосином,
Спичку чиркнул — вспыхнул огонек.
Цепенела в поле рожь густая,
Шевелились усики овса...
Отблеском зловещим налетая,
В семь цветов окрасилась роса.
Поле, поле, что ж ты замолчало?
Жарко, что ль, от странного костра?
...На заре на утренней не стало
Тракториста Дьякова Петра.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Обратите внимание на выдержку из газеты, помещенную перед стихотворением. Какое значение она имеет для уяснения смысла произведения?

---

[1] *Метеор* — раскаленный камень, падающий иногда на землю из межпланетного пространства.

2. Кто был Дьяков (его отношение к партии)? Опишите внешний вид Петра, его характер, работу и т. д.

3. За что кулаки убили П. Дьякова? Чем он им мешал? Руководила ли ими только слепая злоба или также и определенный расчет?

4. Почему при коллективизации не может остаться невспаханной земля заболевшего крестьянина? Какая разница между единоличной запашкой и коллективной?

5. Насколько тяжело отзовется на жизни колхоза убийство Дьякова? Какие мероприятия наметил XVI партсъезд к подготовке колхозных кадров?

ЖАТВА В КОММУНЕ.

(Впечатления от поездки в Шевченковский округ на Днепре.)

Очерк М. Артамонова.

Началась жатва. Поля пестрят народом.

В единоличных хозяйствах скашивают пшеницу косами. Сзади косцов идут женщины с граблями. На каждой полосе телега, около нее привязана лошадь, потому что в поле приходится ездить за 5, иной раз за 10 километров.

На полях коммуны — звон машин. Кажется, звенят они:

— Скорей! Скорей!

Запряженные лошадьми жнейки бреют поля. Доносится сочный хруст срезаемой соломы. Солома с наливным колосом пластами падает на платформы жнеек и пучками сбрасывается на полосу.

Поля напитаны звенящим шумом, подобно шуму аэропланных пропеллеров[1]: это тракторы приводят в движение молотилки.

Свистя, звеня, вздрагивая решетами, безостановочно тарахтят машины, пережевывая стальными зубами солому.

— Давай! Давай! — кричат машины.

А люди все подваливают и подваливают. Перед молотилкой ворох необмолоченной соломы. Один из коммунаров прядями вбрасывает ее в пасть машины. Ливень соломы, пройдя соломотрясы, тянется лентой и оседает сзади соломотрясов, подернутых облачком пыли. Из отверстий молотилки льется поток зерна.

А кругом зной, синева, степь...

Сел не видно. Они залегли в лощинах, по руслам серебряных речек, скрытых от степных ветров.

... Молотилку передвигали трактором на другое место, ближе к необмолоченным копнам соломы. И она снова грызла и рвала эту солому, чтобы вытрясти из нее зерно.

---

[1] *Пропеллер* — винт аэроплана, приводимый в движение мотором.

В поле работали не только взрослые, но и подростки, огребавшие граблями места, где была взята солома.

— Смотрите!.. — сказал пожилой коммунар в соломенной шляпе и с открытым воротом рубахи, отирая с лица пот.

— Любуюсь. И нельзя не любоваться, — ответил я.

Он помахал на лицо шляпой.

— У нас вон даже дети и то как работают... Теперь некогда отдыхать. Зима придет — отдохнем. Зимой в клубе у нас будет полно. Целый день радио слушай, кто не в наряде. Конечно и зимой будет работа, да только не такая. Курсы будут, лекции. Агроном районный станет приезжать раза два в неделю, огородничество, садоводство, как за скотом ходить, начнет рассказывать. Потом — доктор. Для молодежи — общеобразовательные курсы. Нас, стариков, за грамотность посадят. А женщин, которые пожелают, шить-кроить. Пойдет дело... Э-ге, с краю забирай! С краю! — крикнул он подъехавшим подводам.

... К вечеру поле было скошено, обмолоченную солому свозили к сараям.

Утомленные за день коммунары легли, не зажигая огня, и вскоре же крепко спали.

И вдруг молчание ночи встряхнул гул. Был он огромный, четкий, трескучий. Билось и нарастало железное содроганье.

Я уже начал забываться, но сон тотчас же прошел.

Встал с сена, ощупью, спотыкаясь о бревна — будущие дома коммуны, — вышел со двора за скотные сараи.

— Кто? — крикнул сторож.

— Ваш гость.

— А-а...

Он вышел из темноты на дорогу.

— Посмотреть хочу. Что это за шум?

— Пашут, — отвечает сторож. — Вот сюда, прямо, по тропинке.

Гул приближался. Плавно, без усилий, легко шел трактор, освещенный фонарем, за ним, взрытый тремя лемехами, рассыпался, как мак, чернозем. Вот поровнялся трактор. Я пробовал итти за ним, но он тотчас же перегнал меня. Я пробовал бежать, но он был уже впереди, и — не прошло минуты — гудел вдали, в темноте, невидимый, огромный стальной конь.

Какие лошади могут угнаться за ним? И сколько их надо и сколько надо людей управлять ими, чтобы вспахать эти просторы, что за одну ночь поднимает трактор?

Из-за склона, блестя фонарем, навстречу мне шел другой трактор. Какая огромная сила в его стальном корпусе! Он шел

навстречу, как видение новой жизни, и нельзя было не восторгаться, не поражаться его легкостью и плавностью.

Стальной шум нарастал, будил степь, стлался по ее безмерным пространствам как вестник новой жизни.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Сравните уборку пшеницы в единоличном хозяйстве и в коммуне. Сделайте вывод о преимуществе коллективного хозяйства перед единоличным.

2. Расскажите про машинизированную уборку урожая, виденную вами в совхозе или колхозе.

3. В чем заключалась культработа с колхозниками в зимние месяцы?

4. Припомните, кто из поэтов и в каком произведении описывает «деревенскую страду». Каково было положение женщины-жницы в крепостное время?

5. Что нового дает женщине механизированная уборка поля?

ТРАКТОР ПОБЕДИЛ.

Отрывок из романа Панферова «Бруски».

Действующие лица отрывка: Егор Степанович Чухляв, кулак, противник коммуны и всяких новшеств; Огнев — член артели и передовой крестьянин; Степанов, Давыдка — товарищ Огнева, член артели; Николай Пырякин — тракторист; Чижик и Петька Кудеяров — крестьяне, недоверчиво относящиеся к коммуне.

Содержание предыдущих частей романа: крестьянин Огнев с группой бедняков организовал колхоз. Для колхоза он получил трактор. В помещенном ниже отрывке из «Брусков» описан первый выезд трактора на пашню и отношение к нему крестьян.

Егор Степанович Чухляв встрепенулся от рева, идущего с улицы. Он сначала подумал, что колокольня свалилась — рев такой. Затем, когда улицей побежали мужики, бабы, ребята и девки, Егор Степанович через плетень крикнул:

— Что такое гремит? Мужики! Чего гремит такое?

— Да бес их знат!.. Артельщики чего-то приволокли. Бежит это, а позади плуги, на плугах доски, а на досках Степка Огнев.

— Пушка — не пушка...

— Да ж трахтур, балбесы! — выкрикнул один из крестьян и понесся ко двору Степана Огнева.

У двора Огнева, ровно на ярмарке около хорошего рысака, кишмя-кишел народ. Чижик, хлопая ладошью по бокам, несколько раз обежал трактор, смахнул с носа пот пальцем, решительно заявил:

— Не-е-ет, не пойдет... По нашим полям лошадям — мука, а этому где? У него вон колесища — махина: всю землю придавит.

— Вот он вас трахнет, — тихо заскрипел Егор Степанович и сам удивился своему скрипучему голосу,—откуда такой взялся? Прокашлялся и добавил: — Одну петлю надели — мало. В другую полезли... Да на наших полях — лошадями — и то выпрягай, а они трахтур...

Панов Давыдка подскочил вплотную к Чухляву, расставил дугой ноги:

— Сопля ты овечья! Понимал бы чего в этом деле!

Заржали мужики. Заржали не только над словами Панова, но и над тем, что никогда никто сроду таких слов Чухляву не кидал. От таких слов, от мужицкого смеха съежился Чухляв, голову сунул в плечи.

Около трактора дремали Огнев и Панов. У Огнева в эту ночь будто надрывало в кишках.

— А вдруг в самом деле не пойдет? — говорил он, крутясь около трактора. — Просмеют тогда, псы, скрозь. От одного Чухлява с села сбежишь.

— Пойдет, непременно пойдет! — долбил Панов, хлопая ладонью трактор. — Такая лошадка да не пойдет! Ты подумай: ежели бы он никчемный был,—власть не присоветовала бы нам. Рази наша власть присоветует нам подвох? А вот когда платить-то за него? Через два года, говоришь? Ну, поглядим.

Так сидели вдвоем у трактора до зари, калякали, планы строили и под самую зарю не выдержали, склонились на колоду и заснули.

* * *

Рев трактора поднял на ноги широковцев. По извилистым тропочкам, через долы и овраги, поднимая пыль и звонко перекликаясь, они бежали на Бруски.

— Э-э-э-э! — кричит Чижик. — А ну-те-ка, покажьте, покажьте своего коня, что он есть супротив наших. А?

— Чего показать? — отбросил Николай. — Изрою все начисто.

— Ты допрежь изрой,— засмеялся Петька.— А то «изрою»!..

Кулак Плакущев из-под густых бровей смотрит на трактор, а руки затискал подмышки. Борода только в движении у Плакущева: ветер треплет бороду в одну сторону, заносит ее, длинную, чуть с проседью, за широкое плечо.

— Не пойдет! — кричит Петька Кудеяров.— Сроду не пойдет!

— Ты штаны-то вон подбери, — кидает ему Огнев, — а он о тракторе: дубина! — и, наклонившись над Николаем, тихо шепчет: — Ну, что, Коля? Эх! Хоть сквозь землю провались.

— Ну, я-то что? Вишь, все меры принимаю.

— Чего медлишь, Коля? — послышался опять голос Чижика.

А вслед ему — рой голосов:

— Узду, что ль, не накинешь?

— Давай, поможем!

— Аль ты сам впрягись, Степан, и пошел!

— По морозцу-то пошел да пошел!

Мужицкий смех картечью [1] обдал Огнева. Дрожали у него губы, по лицу забегали живчики, а кулаки сжались тисками.

— Отвяжитесь! Мухами налетели! — крикнул Николай. — Чорт знает что! Полом, должно быть. А где — не найду.

Крупным градом в стекла полетело из толпы:

— Полом, слышь? Видали, граждане?

— Оно всегда полом: дело не вяжется — ну, и полом!

— Ломатели, пенек вам в нос!

Николай зло окинул глазами мужиков, полез под трактор. А от мужиков вновь посыпалось:

— Брюхо у него, должно быть, не в порядке.

— За фельдшером послать! — взвизгнул Чижик.

— Две тыщи вбухали. А-а-а!

Разжались губы у Плакущева:

— Две тыщи... Они трешника не заплатят.

— Рази вон только с Давыдки клок волос с головы! — крикнул Чижик.

— Граждане, — начал, волнуясь, Яшка, — зачем ржете-то? Может и правда,—беда какая?

— Знамо, беда! — подхватили мужики. — Купили пахалку, а она махалка.

— Ну, поглядели мужики, что есть коммуния? Айдате по домам. Своих хреновских коней [2] запрягем да на пашню. А эта коммуния еще долго тут будет — наглядимся, — процедил Плакущев и первым тронулся с Брусков; за ним, галдя, словно под клушкой цыплята, тронулись и широковцы.

Николай выскочил из-под трактора, быстро повернул ручку, вскочил на сиденье.

Трактор взвыл, заревел, сунулся вперед и со всего разбега двумя стальными лемехами [3] врезался в старую залежь.

---

[1] *Картечь* — артиллерийский снаряд для стрельбы на близкое расстояние; при выстреле тонкая оболочка разрывается, и пули вылетают из дула снопом.

[2] *Хреновские кони* — порода лошадей, выведшая с Хреновского завода.

[3] *Лемех* — металлический наконечник плуга, режущий землю.

Широковцы кинулись назад и разом из грудей вырвались одобрительные голоса, покрыли рев трактора. А в этом одобрительном гаме бежал за трактором Огнев, махал руками, как мельница крыльями, и что есть силы кричал:

— А ну-ка, миленький, докажи! Докажи-ка, миленький! Коля! Крой его! Ну-ка, рвани!

Трактор — огромный, сизый жук, — ревя, уже ровнее заломал залежь. Впереди, пересекая Бруски, извивались две старые дороги.

Широковцы пристыли на месте. Чижик задвигал на голове картузом и, глядя на дороги, проговорил:

— Ну, этих ему не взять! Не взять ему дорог!

Свистнули лемеха о жесткий череп дороги, взрыл их трактор и попер, заревел, зарычал в гору, ломая уросшую пырьем целину Брусков. В реве трактора кричали мужики:

— Э-эх! Пять вершков!

— Шесть!

— Вот это дерет!

Но Чижик и тут не унимался.

— Пашет-то он гоже! Да уж больно тихо. Это на лошадях спорнее.

— Иди-ка за мной! — крикнул ему Николай.

Чижик оторвался от толпы, пошел за трактором. Николай улыбнулся, глянул через плечо и пустил трактор на вторую скорость. Чижик подпрыгнул, взмахнул руками и вприпрыжку кинулся за машиной, путаясь ногами в пахоте.

— Не отставай, — кричат ему из толпы, — не отставай!

Когда уж трактор поровнялся с кургузым березняком, и Чижик уже дышал, словно под тягой в гору, Николай крикнул:

— Подогнать, что ли?

— Не-ет! Устанет... Гожа!

И со всего разбега сунулся Чижик в мягкую пахоту.

Толпа покрыла смехом бой Чижика с трактором, а трактор вновь заревел, зарычал, поднялся в гору и убежал на другой конец Брусков, ломая залог.

Тихо, ровно змейка, вполз в толпу Чухляв Егор Степанович. Его заметил Огнев. Мужики молча расступились перед Огневым и быстро замкнули обоих в кругу.

— Ну, кто кого? — мотнул головой на трактор Огнев. — А?

Молчали широковцы, тянули шеи. Молчал Чухляв. Только черные глаза из-под белобрысых бровей медленно ползли по лицам, по трактору, по полям, назад вернулись, еще раз обошли,

остановились на тракторе, замерли. Встрепенулся, коловую голову глубже в шапку сунул, захрипел:

— Посмотрим ща! Не хвали кашу, коли проса не посеял! — И, заложив руки за спину, он вышел из толпы. — Пустите-ка, столпились!

Молча расступились мужики, молча вновь сомкнулись, когда из круга вышел Чухляв, и долго смотрели, как шагал он напрямик через Брускн в Широкое. Издали казалось — лежат перевязанные две руки у Чухлява на пояснице.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Используйте материал данного отрывка для беседы о преимуществах работы трактора перед пахотой на «хреновских конях».

2. В чем проявилось злобное, непримиримое отношение к трактору со стороны Чухлява и Плакущева? При ответе подтвердите свои выводы ссылкой на слова и поступки кулаков.

3. Чем кончилась агитация Чухлява против трактора? Кто же оказался победителем? Почему широковцы не пошли за Егором Степановичем?

4. Объясните значение лозунга: «Тяжелый труд крестьянина переложим на могучие плечи машин». Что делают советская власть и ВКП(б) для осуществления этой задачи?

5. Расскажите, как в вашей деревне проходит коллективизация. (Придерживайтесь такого примерно плана: а) отношение к колхозам батраков, бедняков, середняков; б) вылазки кулачества; в) роль общественных и партийных организаций и т. д.).

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ЗАТЕИ.

Отрывки из очерка того же названия Бориса Кушнера.

В плавнях[1] вдоль лимана[2] Старощербиновская[3] артель разбила огород неслыханных размеров.

Краевые специалисты и агрономы машинно-тракторной станции никогда не слыхали про огороды такой величины. Новая Щербиновка размахнулась, как могла, и отвела под артельный огород в степи 200 гектаров.

Большие, непреодолимые, казалось бы, затруднения должны возникнуть в засушливой степи с влагой, необходимой в

---

[1] *Плавни* — болотистые места низовьев реки, густо поросшие камышом и кустарником.

[2] *Лиман* — расширенное устье реки, отделенное от моря полосой суши.

[3] Старощербиновская станица расположена в Ейском районе, на обширном полуострове, который отделяет Таганрогский залив от Азовского моря.

изобилии для произрастания огородных растений. Но тут начинало действовать главное изобретение огородных энтузиастов: они решили осуществить на своем огороде электрополивку.

В нескольких пунктах на берегу лимана установлены насосы, приводимые в действие электрическими моторами. Ток для моторов подается от узловой электрической станции. Вода из лимана, поднятая электрической силой вверх, непрерывной светлой струей льется в деревянные желоба, установленные на высоких тонких ногах. Они направляют водяную струю в разные стороны. Из деревянных желобов вода стекает в оросительные магистральные каналы, проложенные в широких насыпях, которые окружают огородные гряды, как плотины Голландии. Из магистральных канав воду можно спускать в сеть мелких канавок или прямо на грядки.

Лиман не пересыхает никогда — даже в самое жаркое, знойное лето. Электрический ток всегда под рукою. Таким образом степной огород совершенно не зависит от вечной борьбы барометра с «черкесом», поднимающим юбку [1]. Огороду наплевать на все 350 миллиметров скудно и несвоевременно выпадающих в степи атмосферных осадков. В лимане больше воды, чем в неудойных тучах, проносящихся по степному небу.

С любовью пионеров, открывших новую благодатную область, с гордостью изобретателей, обогативших мир новой плодотворной идеей, рассказывают старощербиновцы о своем исполинском огороде, оборудованном надежным электрическим водопроводом. Сами степные станицы водопроводов не имеют и не слыхали о них. Они черпают горьковатую и жесткую, непригодную для питья воду из вечно загрязненных скважин своих примитивных колодцев. Пьют в станицах дождевую воду, тщательно собираемую, бережливо хранимую и скупо расходуемую. В засушливое время обладатели неизрасходованных дождевых запасов спекулируют заплесневелой и загнивающей влагой, продавая ее по высокой цене своим односельчанам. Капуста, лук и помидоры на грядках у лимана будут жить более культурной и комфортабельной жизнью, чем насадившие и электрически напоившие их станичные землеробы.

Электрическим огородом не исчерпываются электрические затеи старощербиновцев. Этой осенью они пошлют в степь к молотилкам электрические моторы на помощь недостающему

---

[1] Если край тучи высоко поднят над горизонтом, в станице говорят: Черкес юбку поднял». Это считают приметой, что не будет дождя.

отряду локомобилей [1], разумеется на участки, расположенные вдоль линии электропередачи. С будущей весны вдоль этих же линий, на полкилометра в каждую сторону от проводов, будет организована опытная электропахота.

Электроорошение, электромолотьба, электропахота... Если эти формы работы развить в достаточной мере, то степь приейская будет лучшим участком социалистического земледелия.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Почему «электрические затеи» невозможны в условиях мелкого индивидуального хозяйства?

2. Чем вы объясняете, что товарная продукция нашего сельского хозяйства ниже товарной продукции промышленности? (Из речи т. Сталина на XVI съезде партии мы узнаем, что в общем балансе [2] товарного производства народного хозяйства доля товарной продукции сельского хозяйства в 1929/30 г. составляла 24%.)

3. Какое значение для увеличения товарности сельского хозяйства имеет укрупнение мелких хозяйств? (См. ту же речь.)

4. Перечислите меры, которые предложил XVI съезд партии, для увеличения продукции сельского хозяйства.

ЧТО ДЕЛАТЬ БУДЕМ?

Очерк В. Каменского.

— Ну ладно, бабоньки, ну, перешли на колхоз, а что теперича делать будем, — вот и думай.

— Ой, не говори, ей-богу, головушка кружится ото всего этого дела удивительного.

— У всех кружится: дело-то, бабоньки, новое, непривычное — знай только поворачивайся во все стороны да слушай, что кругом толкуют.

— Утром я корову доила и прямо вся обревелась. Как погляжу на Буренку — так и слезы, ей-богу. Как вспомню, что вчера в сельсовете на собраньи агроном доказывал, так и реву, матушки, реву. Ведь сами вы слыхали его декрет: скоро, — говорит, — не вы, бабы, коров станете доить, а ликтрическая машина. И корове, — говорит, — это будет одно удовольствие и приятство самое аккуратное. Оно, конечно, и корова ликтричество уважает, а все-таки, бабоньки, с непривычки жалко Буренку.

---

[1] *Локомобиль* — рабочая (обыкновенно паровая) машина, составляющая одно целое с принадлежащим к ней силопроизводителем (паровым котлом), так что их можно вместе передвигать без разборки.

[2] *Баланс* — сводка прихода и расхода.

— Слушай-ка, Матрена Ивановна, да ведь корова-то теперь колхозная, не твоя. Вот как общий скотный двор выстроят, так и уведут Буренку.

— Вот-те и на! Да ведь колхоз-то наш артельный, не чужой, и вначит Буренка на глазах будет — никуда не денется, а в скотном доме коровам и станет способнее, веселее.

— Так чего ревешь?

— Чего? А когда ты замуж выходила, чего ревела?

— С непривычки.

— Ну, и я с непривычки.

— Ох, сватьи, погодите — то ли еще будет! Вот, говорят, с весны баб станут обучать на тракторах ездить, ей-богу.

— Мамоньки! Да что же это! Разве бабье дело — управлять этими земляными паровозами?

— А стало быть — бабье, раз в других колхозах управляют. В избе-читальне погляди в газеты, — там есть такие картинки, что глазам не веришь: сидит баба на тракторе, как на празднике, да еще смеется — вот, мол, куда попала, выкуси.

— Разные бесстрашные бабы бывают. Да возьми нашу Настасью, — она сама трактором выглядит и на машину полезет первая, обязательно полезет на зло мужикам.

— Неслыханное диво: везде бабы в ход полезли. И в сельсовете сидят, и в кооперации сидят, и на собранья бегают, и спектакли играют, и радио слушают.

— Совсем от печки отбились, а стряпать-то кто будет, детей-то зыбать кто станет?

— Ой, Марфа Ивановна, погоди: раз в колхоз записалась, все поиначе пойдет. На докладе избачка говорила, что теперича кухню будут строить громадную, общую, артельную, и в той кухне станем мы стряпать по очереди. Пекарню, — говорит, — заведем, а тесто месить станет машина.

— Ну, и смехота! Да разве у машины лапы бывают?

— Значит бывают, раз машина белье стирает.

— Чудеса, да и только. Того и гляди, большевики придумают, чтобы машина ребят рожала, да сама бы их зыбала, а то на ребят много времени уходит: вынашивай их, рожай, корми, возись.

— И насчет ребят, слышь, будет льгота: ребят в ясли станем сдавать. Избачка доказывает, что все это обстраивают для облегченья женщины. Надо, слышь, для женщины выгородить свободное время.

— А что делать-то будем — чай хлебать да песни петь?

— Нет! — говорит, — восемь часов работать полагается только. А остальное время газетки, книжки читать станем, грамоте учиться, радио слушать, спектакли играть.

— Каждый день что-нибудь приключается с бабами — беда. Вчера в сельсовете на посевном собрании Дарья Петровна заявила: «Раз, — говорит, — такое колхозное дело пошло, запишите меня партейной в комсомолки». Секретарь ей растолковал правильно: «Тебе, — говорит, — Дарья Петровна, полсотни лет, и в комсомолки ты не суйся, не по фигуре». А она свое: «Я, — слышь, — теперича не хуже молодой стала и могу, значит, дела делать чище молоденьких, а насчет фигуры — докажем на практике».

— И докажет! Справедливая, разгонная баба, с козырем: за женщин так горласто стоит трубой, что мужики шарахаются. Недаром ее в правление колхоза выбрали.

— Что толковать, обширно бабы в моду пошли. Давно ли со двора нельзя было отлучиться, в полях, на сенокосе рожали, знахарками лечились. Ведь было это, бабоньки, было! А теперича что сделалось — узнать не узнаешь.

— А что дальше будет, — земля под ногами ходит от круженья. Все бабы волнуются, как рожь под ветром, и каждая теперича в сознательную жизнь ввязывается, и каждая свои доклады подносит.

— Да, уж теперь бабы взяли право и мужикам своей доли не уступят. Хватит! Пожили за печкой — покорно благодарим. А теперича, — раз в колхоз записались, — подай бабам жизнь обширную и самостоятельную.

— Правильно, сватья! Об этом и разговор, что все перевернулось вверх тормашками. Кто радуется, кто ревет. Ну, а я так размышляю, что Ленин умнее всех нас и не зря выдумал эту новую жизнь.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Какая перемена в жизни крестьянок вызвала у них волнение и тревогу? Почему механизация сельскохозяйственных и домашних работ пугает их?

2. Объясните смысл слов: «Да, уж теперь бабы взяли право и мужикам своей доли не уступят! Хватит! Пожили за печкой — покорно благодарим».

3 Что в действительности должна дать крестьянке новая жизнь в колхозе?

4. Определите общее настроение и отношение «баб» к колхозу. Подтвердите свои выводы ссылками на текст.

6. Напишите небольшое сочинение на тему: «Участие женщины в коллективизации деревни».

ДЕРЕВНЯ.

(Записки деревенской учительницы.)

Рассказ А. Арамилева.

Наконец-то я в деревне. Сборы в дорогу измучили. До одури бегала по книжным магазинам: закупала учебники, беллетристику, справочники. Денег мало, а хотелось закупить целое книгохранилище.

Занятий в школе еще нет — каникулы. Я блаженствую. Погода стоит чудесная. Много читаю, знакомлюсь. Впечатлений масса.

Деревенька не ахти какая передовая. Сорок шесть дворов — и хоть бы один комсомолец или партиец. Избы-читальни нет. Газет не выписывают. Обхожу подряд все избы. В красных углах — подернутые плесенью и паутиной иконы. Такая глухомань — просто жуть.

* * *

Сгорела соседняя деревня Ивановка. Восемнадцать дворов — как ветром смахнуло. Скот, бывший на пастбище, уцелел. Пожар начался в полдень. Попожгли ребятишки, оставленные без присмотра. Костер во дворе разложили, картошку пекли.

Я прибежала на пожар одной из первых. Работала до конца. Обожгла руки и щеку, сожгла волосы. Устала физически и морально. Пожарные машины из окрестных сел опоздали. Впрочем все равно, они были бесполезны. До реки от Ивановки километра три будет. Прудок деревенский за неделю до пожара высох начисто.

Пожарные бочки рассохлись. Единственный источник воды— колодец — бабы ведрами опустошили в несколько минут.

Была поразительная бестолочь. Все, точно обезумев, дико орали друг на друга. Каждый делал по-своему. Вмешайся чья-нибудь твердая рука, — полдеревни отстояли бы.

Хозяева мызгались с барахлом. Соседи лезли каждый на свою крышу, ожидая, когда загорится у них. Последние ведра воды выливали на крыши домов, которые были вне опасности.

* * *

Мы решили создать из ивановских погорельцев колхоз.

Избы застрахованы дешево. Подняться мужикам в одиночку трудно. Строительных материалов нет.

Мы собрали всех погорельцев и сказали: лучше построить один хороший дом, чем восемнадцать деревянных избенок. Ка-

ждая семья будет иметь отдельную комнату, но кухня, кладовые, амбар и конюшня — общие. Получится большая экономия.

Что тут только было! Больше всего галдели бабы.

— Как жили, так и будем жить!..

— Нечего зубы заговаривать! Подавай нам лесу, сколько полагается на каждого домохозяина. Дома без вас выстроим. Не печалуйтесь!

— Один — лодырь, а другой ночей не спит, работает. Как нас уравняешь?

— У него семеро ребят, а я вдвоем с женой. Есть мне расчет на него работать?

— Федор рожь косит, а Фомка рыбку удит, а урожай делить поровну будут. Это порядок? Ишь, советники выискались!

Мне уже казалось, что ничего не выйдет, но к вечеру крикуны начали сдавать. Послышались примирительные нотки:

— Пущай колхоз будет! Нам теперьчи все едино. Дошли до точки.

— Може в сам деле облегчение какое выйдет?..

Сперва соглашались на постройку общественного дома. Потом приняли и общественную запашку и общее хозяйство.

Начали с колхоза, кончили (незаметно для себя) полной коммуной.

Нестор, Павлюк и я брали слово раз по десять. Собрание шло на открытом воздухе. Все охрипли от криков, но общий язык найден. Мужики размякли.

— Уж вы того... поддержите нас во всем, — говорили они на прощанье. — Вы нас подбили, вам и выручать придется в случае чего.

* * *

Почин сделан. Мы уходим с пожарища радостно взволнованные. Нестор, секретарь волкома партии, шагая рядом со мной, тихо говорил:

— Жалко мужиков. Все дотла слизнул красный петух. Сердце разрывается... Но не будь пожара, вряд ли бы из этой деревни так скоро организовался колхоз...

Я возражаю:

— В пожаре повинны сами мужики. Если бы они организовались и имели детский сад или площадку с руководительницей, дети не могли бы поджечь дом. В колхозном хозяйстве такой пожар невозможен.

— Идея! — радостно кричит Нестор. — Ловлю на слове, товарищ Бабурина. Поручаем тебе организовать в деревнях опыт-

ные детские сады. В Кабанове шестилетний парнюга, оставленный за няньку, утопил своего младшего братишку в колодце. Посадил, шутя, в бадью, подпорка выскочила, и бадья скользнула вниз. Каждое лето такие истории. А у моего соседа, Трофима Гасникова, ребятишки, оставленные домовничать, всех кур и гусей перерезали. Поймают гусака и давай серпом шею пилить. Любопытно ведь им, сорванцам! Трофим чуть с ума не сошел. Заявился с поля, — глядь, полон двор битой птицы. Эти факты нужно использовать в нашей агитации за детские сады.

— Принимаю к сведению и руководству, товарищ Нестор,— сказала я.

* * *

Ивановцы ревностно принялись за дело. Несчастье крепко спаяло всех. Рубят лес, возят глину, песок, камни, кирпичи. Живут пока в уцелевших от пожара овинах. Общественный дом растет. Идет лихорадочная стройка.

Мельник Вараксин шипит за углами:

— Бабы в колхозе тоже общие будут. Выбирай на ночь какую хошь. Полная свобода, хоть на сестре, хоть на матери женись. Никаких запретов!.. Имен у ребят не будет, одни номера... Самолучшие луга, поля и выгоны — все коммуне отрежут.

Ночью где-то далеко был пожар. Тревожно гудел набат. Лилово-красные языки пламени до утра лизали хмурое небо. Утром в мое окно постучал батожком отец мельника Вараксина, сухонький старикашка в длинной кашемировой рубахе.

— Эй, коммунистка! Ступай организуй колхоз. Сажай всех мужиков в один кошель, на паек. Ты мастерица, бают, по этой части. Еще сорок дворов... Деревня Пеньки начисто выгорела! Радуйся! Ваш кумсамолец подпалил...

Обложил меня матершиной и побрел дальше. Разглашает сенсационную[1] весть по всей деревне.

Слова выжившего из ума смутили меня. Чего доброго, пойдут слухи о том, что мы поджигаем деревни.

* * *

Ездила в Пеньки. Это была зажиточная деревня, а теперь от нее — груды пепла и головешек.

Делили имущество и поссорились. Парень поджег ночью дом отца, сознался и сидит в волостной «кутузке». Завтра отправят в Тверской исправдом. Мужики пытались устроить самосуд. Милиция еле сдерживает напор яростно возбужденной толпы.

[1] *Сенсационный* — производящий сильное впечатление, необыкновенный, небывалый.

У поджигателя тупое, опухшее лицо. На вопросы о поджоге он вяло отвечает:

— Я думал: один гореть будет... Ан ветер как подхватит — и понесло. Нешто я с намерением всю деревню выжег? Мне деревня что? Моя изба тоже сгорела. Я деревне не враг.

К счастью, он не комсомолец. При встрече надо утереть нос старому Вараксину.

* * *

На колодце нет общей бадьи, каждый приходит со своей. Сорок шесть бадей ржавеют по дворам. Веревка колодезная — и та не общая. Привязывают их по очереди на одну неделю, потом она лежит на чердаке года два.

Утром подходит к колодцу баба, а веревки на блоке нет.

— Чия седни очередь веревку привязывать? — визгливо орет она.

— Тетки Онисьи, кажись! — сообщает кто-то.

Баба, гремя ведрами и бадьей, отправляется к тетке Анисье. Стучит в подоконник.

— Эй ты, кособрюхая!.. Почему колодезную веревку не привязала? Ходи за ней с поклонами! Барыня какая!

Анисья, выслушав этакое приветствие, с достоинством отвечает:

— Ты что лаешься под чужим окном? Сперва узнай, а потом верещи. С какой стати я буду веревку привязывать, раз ноне очередь дяди Андрея?

— Ах, рыжий пес! Я его пойду отчихвощу! Я ему задам звону! На других завсегда шумит, а сам очередь забыл.

Баба, подхватив ведра и воинственно размахивая коромыслом, летит к окну дяди Андрея.

Но дядя Андрей уехал в лес за дровами. Белоголовый мальчишка, пробежавший по улице, крикнул, что очередь в эту неделю не Андрея, а Дементия Бахарева. Но Дементия тоже дома нет, пошел в кооператив за гвоздями и наверное зайдет в трактир.

На улицу выбегает лохматый мужик в красных тиковых подштанниках, в холстинковой рубахе, с расстегнутым воротом. Он зычно кричит:

— Давай воду живей, анафема окаянная! Вся деревня на работу выехала, а мы прохлаждаемся.

— Ишь ты, прыткий какой! — сердито выкрикивает баба, бросая оземь коромысло и ведра. — Поди-ка, достань сам!

— А што случилось? Или опять крыса упала в колодец?

— Типун тебе на язык! Видишь, каната нет.

— Каната? — переспрашивает мужик. — Да чей же черед?

— Леший его знает, чей!..

Подходят с ведрами другие бабы, и разгорается жаркий спор о веревке.

— Ну, не преступление ли? — отчитываю я Степана. — Не безумная ли трата средств? Почему вы не можете сложиться и купить одну железную цепь для колодца?

Степан соглашается со мной.

— Конечно. Зимой веревка замерзает, не гнется, и воду доставать ею трудно. Иной раз полчаса мызгаешься у колодца. Пальцы обморозишь, а домой придешь с пустым ведром. Но тут дело вот в чем: ежели у меня в этом году веревка износилась, я, пожалуй, и общественную цепь купить согласен. А сосед мой купил веревку для колодца в прошлом году. Ясно, цепь покупать ему теперь не хочется.

Я делаю вывод: для того чтобы толкнуть деревню на коллективную покупку цепи, нужно сжечь все веревки. Степан, зевая, согласно мотает головой.

— Правильно, Вера Иванна!.. Но... кто же согласится свое добро жечь?.. Или — взять пастуха... Еще хуже колодца — с ним, с пастухом-то. По колдоговору пастуху и подпаскам полагается спецодежда. Можно было бы сложиться и купить по ранжиру, что полагается: сапоги, пиджачишко, картуз. А мы что сотворили? Смех рассказывать!.. Каждый двор имеет свою пастушью спецодежду. Пастух сегодня в моем ходит, завтра — в Сидоровом. Один дает ему штаны в плепорцию, другой обноски до колен длиной. Кто дедовский армихон[1] сует, кто куфайку бабскую. Про сапоги и пальто говорить нечего: то не лезут вовсе, то велики. Пастуха измучили. Как он еще не сбежал от таких порядков!

— Глупо! — восклицаю я.

— Знамо дело... Да ведь не нами заведено. Известно, дурость деревенская!

* * *

Молодежь гуляет вторые сутки. Приехал в отпуск Спирька Шугаев, работающий в Москве котельщиком. Сорит деньгами, споил всех мужиков. Вчера была драка. Пятерых увезли на подводах в волостную больницу.

---

[1] *Армихон* — правильно «армяк» — простой кафтан верблюжьего сукна.

Кабановский парень, преследуемый врагами, спрятался на усадьбе Федора Чижова, в омете свежей соломы. Его долго искали. Тыкали в омет вилами и шестами, но найти не могли.

— Нет его тут! —кричали одни.

— Тута! — орали другие. — В середину зарылся, сволочь!.. Шпыняй глубже, шпыняй! От нас не спрячешься!..

Кому-то взбрело в башку поджечь омет, чтобы выкурить хитрого противника.

— Даешь спички! Жги! Подпаливай! Чего там!

Ошметки горящей соломы огненными птицами поплыли в голубые просторы звездного неба. К счастью, ветер дул с востока. Другие ометы и сараи не загорелись.

Федор Чижов грозился перестрелять хулиганов из дробовика. Они собрали тридцать рублей и уплатили Чижову за сожженную солому.

* * *

В центре деревни стоит изба с заколоченными окнами. Хозяин ее, Гаврила Яковкин, служит на железной дороге проводником. Мне пришла мысль приспособить Гаврилину избу под читальню. Ячейка одобрила, списалась с Яковкиным. Дал разрешение за пять рублей в месяц.

Сегодня я получила ключи и открыла читальню. Разложила на столе газеты, журналы, брошюры.

На улице — дикие песни. Надсадно визжит двухрядка. Парни и девки ходят из конца в конец сомкнутыми рядами.

Спирька Шугаев хрипло выдыхает под гармонь:

Эх ши-ить бу-ддем.
Гу-лля-ать бу-д-де-ем...

Дрожит земля от топота ног. Пляшут стар и млад, точно взбесилась деревня.

Читальня объединила всех, кому надоели пьянка и драки. Я устроила громкую читку. Человек двадцать баб и мужиков с напряженным вниманием слушают повесть о делах «Андрона Непутевого».

Читальня — маленькая искорка света в темноте осенней ночи. Завтра она превратится в пламя, на котором сгорит пьяная прадедовская деревня с лешими и домовыми.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ.

1. Отчего крестьяне не хотели итти в колхоз?
2. Расскажите про кулацкую агитацию против колхозов. Можно ли считать ее умелой и ловкой. Почему?

3. Как относится крестьянская масса к общественным делам и интересам (приведите в пример пожар Ивановки и другие случаи)? Чем вы объясняете такое отношение (при ответе обратите внимание на то, какие взгляды, стремления, привычки прививаются деревенскому населению единоличным хозяйством)?

4. Правильна ли характеристика, данная автором деревне: «Такая глухомань—просто жуть»? Если вы согласны с этим отзывом, дайте ему соответствующее обоснование; если не согласны — объясните, почему, и подтвердите свои доводы примерами из рассказа.

5. Принесут ли пользу деревне те культурные начинания, которые хочет провести в жизнь учительница, и в чем может заключаться эта польза.

6. Опишите деревню, откуда вы родом, или какую-нибудь другую знакомую вам деревню и сравните ее жизнь с жизнью деревни в этом рассказе.

7. Составьте доклад на основании материалов, имеющихся в местной печати (газетах, брошюрах и т. д.), о культурной пятилетке в вашей местности (области, районе, городе).

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ ПО II ТЕМЕ (в целом).

1. Почему коллективизация сельского хозяйства, снабжение его машинами и электроэнергией является очередной задачей сегодняшнего дня, залогом выполнения пятилетнего плана?

2. Покажите на примерах из проработанных произведений, газетных образцов и личных наблюдений, что «трактор и его спутники» способствуют внедрению коллективных форм обработки земли, подъему сельского хозяйства, меняют основные бытовые условия жизни населения.

3. Какие причины хозяйственного характера заставили партию перейти от ограничения прав кулачества к политике уничтожения его как класса? Каким образом коллективные формы обработки земли способствуют ликвидации классового расслоения деревни?

4. Вспомните произведения, в которых описывается кулак. Перечитайте места, где говорится о вылазках классового врага, и охарактеризуйте приемы, которыми пользуется он для достижения своих целей (сравните поведение Чухлява и Плакущева).

5. Приготовьтесь к устному выступлению на тему: «Как новые производственные формы способствуют созданию нового человека». Придерживайтесь следующих положений:

а) В коллективной форме хозяйства «начинается дело создания общественной дисциплины, дело обучения крестьян социалистическому строительству» (тезисы ЦК по докладу т. Яковлева на XVI съезде).

б) Уничтожение собственности на средства производства устраняет классовую эксплоатацию одного колхозника другим, способствует созданию нового человека и отмиранию в нем «вчерашнего мелкого хозяина, мелкого собственника».

Сделайте устный доклад (для вашей группы или бригады) на означенную выше тему.

6. Приходилось ли вам наблюдать деятельность членов рабочих бригад, командированных для низовой работы в места сплошной коллективизации? Насколько правильно проводили они директивы партии? Прочтите брошюру Сталина «Головокружение от успехов».

ПЯТИЛЕТКА В КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ.

Пятилетка индустриализации неотделима от пятилетки культурной.

«В советской стране, где строится социализм, культура должна стать достоянием широчайших трудящихся масс. В первую очередь культурный подъем должен быть обеспечен пролетариату как классу, руководящему социалистическим строительством, ведущему страну на новый, невиданный, высокий уровень материального и культурного развития, к уничтожению классов и государства».

Вот почему еще XV съезд партии поставил как самую актуальную проблему — проблему культурной революции.

В его решениях указано о теснейшей связи, существующей между основными проблемами строительства социализма в нашей стране и задачами культурной революции.

Пятилетний план в связи с задачами социалистического строительства должен учесть необходимость решительного повышения культурного уровня населения города и деревни, развитие национальных культур народностей СССР и увязать план культурного строительства с индустриализацией страны, как неотъемлемую часть общего плана социалистического строительства СССР. В основу плана культурного строительства должны быть положены те задачи народного образования, которые обеспечивают культурный рост широких масс трудящихся (всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, массовое профтехническое образование и т. п.), и задача подготовки квалифицированных специалистов и научных работников. Таковы директивы XV съезда и решения XVI съезда партии, которые указали основные линии пятилетнего плана культурного строительства. Весь дальнейший период характеризуется исключительным вниманием партии к вопросам культурного строительства.

Огромные вложения предусматривает пятилетний план в социальный сектор.

Лозунг «догнать и перегнать» является основным и для культурной пятилетки. Огромный путь большой творческой работы проделан советской властью за прошедшие тринадцать лет. Значение этих достижений тем существеннее, что осуществлены они в условиях относительно слабого внимания к вопросам культуры со стороны бюджета.

Революция создала целый ряд культурных учреждений, неизвестных или почти неизвестных старой России. Таковы рабочие факультеты, школы ликбеза [1], совпартшколы, комвузы, избы-чи-

[1] *Ликбез* — сокращенное выражение: «ликвидация безграмотности».

тальни, дома крестьянина, рабочие клубы, школы колхозной молодежи, колхозные университеты и т. д. Эти учреждения заняли видное место в просветительной системе. Конечно культурный уровень нашей страны продолжает оставаться чрезвычайно низким, и по всем основным показателям мы занимаем одно из последних мест среди передовых стран Европы. Завоевав революционным путем предпосылки для высокого уровня культуры, мы должны «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы» (Ленин).

Культурная пятилетка — это невиданно грандиозный размах. Мы должны поднять на иной культурный уровень те миллионные массы, руками которых уже в этом пятилетии будет осуществляться социалистическое строительство.

Огромные средства вкладываются в дошкольное воспитание. Строительство новых детских садов, очагов, яслей, площадок, работа по охране материнства и младенчества — основная база во всех мероприятиях по раскрепощению работниц и крестьянок.

Уже сейчас мы видим чрезвычайно большую женскую активность, которая закреплена на государственной работе. Мы сейчас имеем сотни тысяч работниц и крестьянок, работающих в качестве членов советов. Мы имеем рост этой активности и по линии профсоюзов, по линии вовлечения работниц в нашу партию, в деле выдвижения на руководящую работу.

В области школьного образования в 1930/31 учебном году будет разрешаться задача всеобщего обязательного обучения детей до 12 лет и подростков до 15 лет. Эта огромная политическая задача даже в количественном смысле практически не достигнута еще ни одним буржуазным государством — задача усиленного развития повышенной и высшей школы в соответствии с огромными требованиями в кадрах по социалистическому строительству.

Нам нужно подготовить не только специалистов в промышленности, но и в сельском хозяйстве. В течение оставшихся трех лет для всей промышленности одних квалифицированных рабочих потребуется больше чем полтора миллиона.

Кроме этого культурная пятилетка требует огромных кадров культурных работников.

«Количественные и качественные диспропорции в вопросе о кадрах резко выявляются у нас на первых этапах реконструктивного периода. Проблема кадров — огромная, сложнейшая проблема. Нельзя ее понимать только как профессиональную проблему, школьную подготовку персонала (хотя и это большая задача). Это также вопрос общего культурного уровня, это вопрос организации общественного подъема вокруг задач осуществления пятилетнего плана, это проблема социалистического отношения к труду, к производству, это обеспечение творческой инициативы» (Черных).

Недаром после XV партсъезда вопросам подготовки кадров уделяется исключительное внимание со стороны партии, советских органов и всей общественности.

«Проблема кадров неотделима от проблемы классового их состава. Нам необходимо создать своих специалистов, обладающих не только глубокими знаниями, широким общественно-политиче-

сами кругозором, но и качествами организаторов производственной активности широких масс трудящихся» (из резолюции ноябрьского пленума ЦК, 1929 г.).

Огромные задачи ставятся пятилеткой в области ликвидации неграмотности. К концу пятилетки неграмотность должна быть ликвидирована совершенно. Запроектированные темпы в развитии промышленности и сельского хозяйства требуют участия грамотных работников, могущих приспособиться к высокой технике в переустраиваемых старых и вновь создаваемых новых предприятиях. Директивы партии выдвигают необходимость ликвидации в течение одного года неграмотности в городах и фабрично-заводских поселках, а в обобществленном секторе сельского хозяйства — в течение двух лет.

В интересах подъема культурно-бытового уровня широких масс трудящихся пятилетний план намечает большое развитие политико-просветительных учреждений и мероприятий. Нам нужно громадное повышение культуры.

«Надо, чтобы человек пользовался умением читать и писать, чтобы он имел, что читать, чтобы он имел пропагандистские брошюры» (Л е н и н).

Огромно культурное и общественное значение таких учреждений как избы-читальни, народные дома, клубы, дома крестьянина, библиотеки, печать, радио, кино и т. д. Количественный рост этих учреждений обеспечивается культурной пятилеткой. С помощью этих учреждений и средств культурного воздействия миллионные массы наиболее легким для них путем от формальной грамотности переходят к культуре в настоящем смысле этого слова.

Могучим средством проведения культурной революции является радио, все более и более проникающее в быт трудящихся. 13 миллионов радиослушательских приемников намечено в 1932/33 году. Более 3 миллионов рабочих квартир и столько же крестьянских дворов должны быть охвачены радиоустановками.

Почти в три раза увеличится издательская деятельность по выпуску книг, газет, журналов и их распространению.

Количество кинопередвижек только в 1929/30 году выразится в 23 тысячах.

«Вот тот размах, вот те требования, которые ставит перед нами пятилетка. И это картина не менее захватывающая, чем картина строительства новых фабрик, заводов, железных дорог. Дело идет о переделке нравов, о повышении культурного уровня миллионов. Величайшую ответственность возложила на нас история. Величайшие требования предъявляются к нам, и мы должны их выполнить».

Но процесс воспитания человека идет и по линии того социального строя советской страны, который требует величайшей активности масс, участия миллионов в контроле и руководстве хозяйством и государством.

Производственные совещания, социалистическое соревнование, выдвиженчество, культпоход, развитие самокритики и другие общественные формы чрезвычайно повышают эффективность культурного накопления в советской стране. На базе бурных темпов социалистического строительства в процессе окончательного вытеснения

и ликвидации буржуазных капиталистических элементов рождается новый человек.

На базе реконструирующейся деревни стираются и сотрутся совершенно грани между городом и деревней. Культурная пятилетка — это борьба за нового человека, за новый быт. Это обостренная классовая борьба, захватившая школу, быт, науку, искусство, выражающаяся в оживленной деятельности религиозных организаций, в росте антисемитизма, в упорной борьбе старого быта за свое существование, в проявлениях великодержавного шовинизма [1], местного национализма и т. д. Это борьба идеологий. Здесь мы встречаем не только прямое вредительство, но и желание направить нашу науку по ложному пути, использовать орудия культуры для укрепления позиций капитализма. Наша задача «сделать культуру оружием пролетариата в борьбе за социалистическое переустройство нашей страны, за укрепление и расширение влияния пролетарской идеологии на непролетарские трудовые массы».

Во всей культурной работе необходима четкая классовая линия. Новыми, революционными должны быть и методы культурной работы.

«Широко должны быть применены методы культпохода, соцсоревнования и ударничества» (из резолюции XVI партсъезда).

Единый культурный план, единый фронт под руководством коммунистической партии должен быть создан и в борьбе за культуру. Вся культурно-просветительная работа должна быть пропитана коммунистическим содержанием, направлена на выполнение задач социалистического строительства, решительно преодолевая в ней элементы аполитичности и узкого культурничества. Энтузиазм масс, желание учиться, быть грамотным, желание жить по-новому преодолеют сопротивление классовых врагов, рутину и невежество. Растут новые дома-коммуны. Растут фабрики-кухни, обобществленные прачечные. Закладываются социалистические города. Во всем, везде мы видим ростки нового. И это новое уничтожит идиотизм прежней жизни, созданный капиталистическими условиями. Мы строим социализм. И для этого расчищаем путь пролетарской коммунистической культуре в нашей стране.

При самом беглом обзоре литературный материал данной темы выпукло выступает перед читателем: огромная тяга к знанию, просвещению, культуре, какое-то стихийное освобождение человеческого ума от вековых предрассудков, искание новых путей («О местном попе, гражданине Иване Алексеевиче Лукине» Д. Бедного, «Хомут» Ляшко).

Мы видим огромное стремление освободиться от прошлого и расчистить пути для стройки новой жизни (чит.: «Рассказ литейщика» Маяковского, «Комсомольская коммуна» Горбатова, «Будни рабочей слободки» Степанова, «Почин» Ляшко).

На фоне индустриализирующейся деревни ломаются старые бытовые условия, державшие тысячелетиями крестьянство в своих цепях, рушится идиотизм деревенской жизни, созданный помещиком, **попом и кулаком.**

---

[1] *Шовинизм* — национальное самомнение, презирание других народов.

Пролетарские праздники, красные уголки, избы-читальни, школы, радио, печать, кино, дома-коммуны, фабрики-кухни, прачечные — совершают культурную революцию, создают новые бытовые взаимоотношения. Под их влиянием постепенно рушатся религиозные верования, пьянство, драки, хулиганство и другие неизбежные спутники капиталистической «культуры» (чит.: «Фабрика-кухня» Бермонта, «Новь» Карпова, «Вечер» Жига, «Радио в деревне» Доронина, «Социалистический город» Железнова).

О МЕСТНОМ ПОПЕ, ГРАЖДАНИНЕ ИВАНЕ АЛЕКСЕЕВИЧЕ ЛУКИНЕ.

Отрывок из стих. Демьяна Бедного.

Как и все колдуны в этом сане,
Он с колхозом в жестокой войне.
В колхозе правление
Вынесло постановление:
«Наша, попом некропленная,
Об-об-ществ-лен-на-я
Мука и крупа —
Не для попа,
Не для поповского воза.
И потому —
Запретить строжайше ему
Подворный обход всех членов колхоза.
Колхоз будет жить без поповского пения.
А что до успения, —
То колхоз не считается с днем храмовым,
Объявляет успение днем трудовым».
Председатель с разгону попу-живоглоту
Послал надлежащую ноту,
Так сказать сообщил ему «официально»,
Чтобы он не совался к колхозам нахально
С кадилом,
Кропилом
И святою водой, —
Встреча будет худой.
Но бабы и девки колхозные что же?
Да господи боже!
Да чтобы у них хватило терпения
В день святого успения
Возле церкви не потрепать языком,

Не похвастаться новым платком
Или кофтою, иль полсапожками,
Или лентою, или сережками?
Словом, бабы и девки устроили давку,
Поваливши валом в поповскую лавку.
Поп Иван в конце службы выбрал момент
И выпалил проповедь грозную:
— Вот антихристов я получил документ, —
И показал бабам бумажку колхозную,
Увещая всех «жен богомольных и дев».
— Сестры, знайте, — вопил проходимец ретивый,—
Что обрушится в близкие дни божий гнев
На колхоз нечестивый.
Гнев господень дабы отвести вам заранее,
Устройте, о сестры, в колхозе собрание
И составьте свой женский святой приговор,
Чтоб священник у вас посетил каждый двор,
Каждый двор без изъятия
Для торжественного водосвятия...
Мужчины в колхозе, узнавши об этом,
Не замедлили ясным ответом:
— Пора ему, дьяволу, глотку заткнуть.
Вишь ты, как перед бабами распетушился!
Пусть рискнет только сунуться к нам...
Но рискнуть
Поп Иван не решился.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Какое нововведение осуществил колхоз? Чем были заменены церковные праздники?

2. Вскройте действительную и подлинную «религиозность» баб и девок. Зачем они ходили в церковь? (Указания найдите в стихотворении.)

3. К каким запугиваниям прибегал поп в своей проповеди? На что он надеялся, предлагая женщинам составить «святой приговор»?

4. Почему в случае закрытия церквей или ограничения религиозных обрядностей попы обращаются с призывом главным образом к женщинам, а не к мужчинам?

5. Перечислите, какие еще антирелигиозные произведения Демьяна Бедного вы знаете. Что в них говорится? Как изображается в них поп?

6. Подготовьтесь к устному выступлению на тему: «Антирелигиозное движение в районах сплошной коллективизации».

ХОМУТ.

Отрывок из повести Ляшко «Доменная печь».

...Говорят вот, будто у нашего брата особое нутро. Оттого, дескать, и можем мы без рукавиц в пекло лезть. Может оно и верно, а как прикинешь к домашности, получается чепуха с хвостиком.

Взять, для примера, меня. Ну, глупый я и прочее. Я в умные и не лезу. Где уж мне! А что дело я знаю, это всякий скажет. На заводе, в клубе, в ячейке я кум королю. Там я все вижу, знаю и чорта могу скарежить, если разойдусь. Меня только не заставляй на собраниях речи зашпаривать. Да... А как приехала жена, треснул я. Стыд и срам: на заводе работник ты, а дома — мокрая вожжа, тряпка...

Домой с завода я ходил тише, чем в тюрьме с прогулки в камеру. С кем хочешь остановлюсь, присяду. И час и два буду чесать язык, только б позже притти. Все-таки, мол, меньше в уши вольется.

Главное — не видал я этому конца. Ну, чего жене надо? Хорошей жизни. А где я ее возьму? Значит пилить она меня будет год, два, три, а может и больше.

Долго так шло. Додумался я до того, что надо семью ломать. Никакой отдушины нет. И ломать не как-нибудь, а сразу, с мясом, с кровью, чтоб у жены глаза на лоб полезли, чтоб айкнула она, попятилась и увидала, что пятиться некуда: ни детей, ни мужа. Одна, живи как хочешь.

Вышло так, что раньше морочила она детям головы, а тут в открытую пошла.

Просыпаюсь, гляжу: мальчишки перед иконами на коленях стоят. Сама в тряпье копается и учит их:

— Креститесь, креститесь, ну!

Вскочил и говорю:

— Будет чепуху молоть!

Детишки обрадовались — и с колен.

Жена к ним — да за волосы!

— Куда? Стой, — говорю, — стой!

— А ты не вмешивайся в мое дело!

Я к ней и рукою:

— Отойди, — говорю. — Вставай, ребята!

— Как вставай? — кричит. — Не сметь!

— Не нравится? — говорю. — И ты, раз так, сегодня со сними иконы, а то...

— Что «а то»? Не мать я им? Ты с ними панькаешься? Как меня мать учила, так и я учу...

— Чепухе, — говорю, — она учила тебя. И не дури, а то...

— Да что ты мне атокаешь? — кричит. — Бросить хочешь? Больно нужен!

...До крови растирал меня хомут! Я на завод — жена иконки на стену и за ребят. В церковь водила их, к попу водила. А мне на заводе сейчас же обо всем на ухо: ш-ш-ш... Есть такие добряки: любят чужую беду разворошить и погреться. Слушаю, гляжу, — в глазах темно. Домой иду, как в петлю...

* * *

Забрал я ребят и свел их к товарищу женатому — за слободой...

Попрыгала жена и давай бегать в милицию, в ячейку, в завком. Раскрашивает меня, дегтю не жалеет. Благодетели и бабы языком отделываются:

— Требуй детей. На них муж должен выдавать, а с ними и ты пропитаешься. Чего глядишь ему в зубы, он теперь — лошадь дикая. Сами ж товарищи присудят, ихний закон такой...

И получил я сюрприз.

— Жена, — говорят, — жалобу на тебя подала, на-днях судить будут. Нашивай на бока лубки.

Судили меня.

— Ты детей взял?

— Взял, — говорю.

— Тайком?

— Иначе их нельзя было взять.

— А что тебя заставило сделать это?

Рассказал я через пятое на десятое...

— Почему скрываешь от жены, где дети?

— Хочется, — говорю, — чтоб они настоящими ребятами вышли, а жена с самого начала задергивает их и чепухой дурманит.

Жена на ноги.

— Брешешь! — кричит. — Не верьте ему. Сам он плел детям, будто солнце не заходит, а земля поворачивается... Неба, говорит, никакого нету, а что синее, так это только сдается так.

И понесла, понесла, — хоть уши затыкай. В зале смехота, а я как под батогами. Моя ж жена, а ляпает такое, вроде в лесу наслась. Дали ей накричаться и подъезжают:

— Ну, а как вы поступите, если детям теперь лучше, чем дома?

— Не верю я, — говорит, — этому. Как это им без матери будет лучше?

— В этом ты сам виноват, — бурчит один судья, — не влиял, а она мать твоих пацанов...

Меня в жар кинуло.

— Я не влиял? — спрашиваю. — Повлияй ты — век благодарить буду... А что она мать, знаю, и отрывать от нее детей мне не сладко было...

— Не горячись, — говорят, — и говори прямо: не уступишь?

— Нет, — отвечаю. — Пока она с этим дерганьем да с ладаном, не скажу...

Бабы колготню подняли:

— А-а, ладан виноват! — голосят.

— Зачинать не мешал ладан, а теперь отнимать! Куда раньше глядел, что баба тебе не по хомуту? Зачем детей с нею плодил? Другую нашел? Старая ложка рот дерет! Знаю я вас, собак!..

Кричит, а другие подхватывают:

— А-а, вон оно что-о!

— Попали вы, бабы, — говорю, — пальцем в небо. Любил я жену, люблю, и другой мне не надо. И не об этом тут разговор. А раз сами не соображаете, так я вам скажу. На заводе у нас от заботы и работы глаза на лоб лезут, а где ваша помога? Отбахаешь у тисков день, придешь домой в норму войти, а тебя начнут грызть: сякой-такой, того нету, того мало, тот лучше тебя живет... И час так, и два так... Заснешь, а тебя и сонного пилят. И все гнут к тому, чтоб делал ты мужикам сковородки и прочую муру[1]. Крадь, значит, все на заводе, становись прохвостом, пускай дети у тебя учатся этому. А если ты не хочешь этого, так все урчать будут, как урчите вы. Вот о чем разговор тут, если понимать хотите, а любовь спрячьте до другого раза. По-вашему, может, ругня ваша нам вроде закуски, а я после нее на завод разварной рыбой приходил...

Судьи начали выкликать охотников слово сказать. Сначала пошли умные, резонные, — и меня и жену крыли: обое, мол, рябое, раз не сладились и на люди свою нелепицу вынесли. Потом стали выскакивать ребята и бабы погорячей. Выкладывали, как бабы ругаются, пудрятся, мажутся, требуют тряпок, как наш

[1] *Мура́* — пустяковая, нестоящая внимания вещь.

брат кулаком отваживает баб от кружков, от грамоты и пропивает все...

Пошли судьи за сцену.

Сижу, а под сердце подкатывает: а что, мол, если присудят отдать мальчишек? Чистая же погибель им! Пошевелил я мозгами и решаю шебаршить, если суд сбрендит, добиваться пересмотра. Слышу — звонок:

«Бряц...»

Уселись все. Встал один судья и вычитывает: потому да посему оставить детей, где они есть; стараться уделать при заводе детский дом; Короткову, мне то есть, выразить порицание, что не влиял на жену и оставил ее без сознания, а ей предложить в кружок войти и понять там, что к чему...

Дочитал, — все на ноги: согласные хлопают, стригунки поют, несогласные ругаются. Визг, бабьи причитки... На улице — и там спорили.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Почему Короткову тяжело было находиться в собственной семье и что привело его к решимости «ломать с мясом и кровью»? Приведите цитату, характеризующую взаимоотношения мужа и жены.

2. Кто на суде был в числе сторонников жены и почему? Объясните заглавие рассказа.

3. Расскажите известные вам случаи семейного разлада, подобные описанному в «Хомуте». Был ли найден выход какой?

4. Напишите сочинение на тему: «Участие женщины в современном строительстве СССР».

5. Перечитайте конец отрывка и припомните примеры других общественных судов в литературе (например суд над Дубининым); опишите в виде связного рассказа:

а) поведение обвиняемого;

б) речи защитников;

в) речи обвинителей;

г) ваше отношение к защитникам;

д) ваше отношение к обвинителям;

По этому образцу проведите в классе примерный суд:

а) над каким-либо нарушителем дисциплины в вашей школе (на курсах и т. д.);

б) над товарищем, срывающим соцсоревнование (в вашей группе, цехе, бригаде и т. д.);

в) над героями прочитанных в классе литературных произведений (Софрон из «Перегноя» Сейфуллиной, Андрон из «Андрона Непутевого» Неверова; действующие лица «Двора» Караваевой, «Родни» Чумандрина; «Варька», «Злоумышленник» Чехова).

Распределите между собой роли участников суда, после чего составьте примерный (письменный) текст своих речей. Сговоритесь с товарищами о порядке выступлений.

РАССКАЗ ЛИТЕЙЩИКА ИВАНА КОЗЫРЕВА О ВСЕЛЕНИИ В НОВУЮ КВАРТИРУ.

Стих. В. Маяковского.

Я — пролетарий.
Объясняться лишне.
Жил,
Как мать произвела, родив.
И вот мне квартиру
Дает жилищный
Мой
Рабочий
Кооператив.
Во — ширина!
Высота
— во!
Проветрена,
Освещена
И согрета.
Все хорошо,
Но больше всего
Мне
Понравилось
Это!
Это —
Белее лунного света,
Удобней,
Чем земля обетованная.
Это —
Да что говорить об этом!
Это —
Ванная.
Вода в кране
Холодная крайне.
Кран другой
Не тронешь рукой.
Можешь
Холодной
Мыть хохол,
Горячей —
Пот пор.
На кране одном написано:
«Хол.».

На краве другом:
«Гор.».
Придешь усталый,
Вешаться хочется,
ни щи не радуют,
Ни чая клокотанье.
А чайкой поплещешься,
и мертвый расхохочется
От этого
Плещущего щекотанья.
Как будто
Пришел
К социализму в гости,—
От удовольствия —
Захватывает дух.
Брюки на крюк,
Блузу на гвоздик,
Мыло в руку
И... бултых!
Сядешь
И моешься
Долго, долго.
Словом, сидишь,
Пока охота.
Просто в комнате —
Лето и Волга,
Только что нету
Рыб и пароходов.
И уж распаришься,
Разжаришься уж!
Тут — вертай ручки,
И каплет
Прохладный
Дождик — душ
Из дырчатой
Железной тучки.
Ну ж и ласковость в этом душе!
Тебя
Никакой
Не возьмет упадок:
Погладит волосы,
Потреплет уши
И течет

По жолобу,
Промежду лонаток.
Воду стираешь
С мокрого тельца
Полотенцем,
как зверь, мохнатым.
Чтобы суше пяткам,
Пол
Стелется, —
Извините за выраженье, —
Пробковым матом.
Себя разглядевши
В зеркало вправленное,
В рубаху
В чистую
Влазь.
Влажу и думаю:
— Очень правильная
Эта
Наша
Советская власть!

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Какие настроения переживает Иван Козырев в новых жилищных условиях? Почему называет он советскую власть «правильной»?

2. Объясните слова литейщика: «как будто пришел к социализму в гости».

3. Что делается в Советской России для удовлетворения рабочего населения культурными жилусловиями?

4. Почему электричество, газ, ванную можно называть «этапами в стройке нового быта»?

5. Напишите небольшое сочинение на тему: «Хорошее жилище — необходимое условие улучшения быта рабочего».

КОМСОМОЛЬСКАЯ КОММУНА.

Отрывок из повести Горбатова «Ячейка».

На руднике было большое торжество: открывали новый поселок из 37 домиков.

Дома были большие, каменные, с большими окнами; в комнатах, светлых и просторных, горел электрический свет; около дома был палисадник.

Дома были радостные и веселые, и оттого переселение туда из маленьких покосившихся хатенок, подслеповатые окошки

которых ватыкались грязными подушками, было большим торжеством.

Кроме 37 одноэтажных домиков было выстроено еще два двухэтажных. Один отвели под казарму для холостяков и бессемейных. Туда переселили часть рабочих из старых казарм. Второй большой дом еще не закончили.

На этот дом у Ковалева, управляющего рудником, были свои виды.

На открытии нового поселка выступал Максим, секретарь ячейки ВЛКСМ.

Говорил он немного, зато долго расспрашивал Ковалева о втором двухэтажном доме.

Ковалев говорил, что хочет устроить там дом для приезжающих.

* * *

Вечером Каменев и все «штабисты» собрались у Максима.

— Ну, как, Каменев, в новых домах? — спросил Максим.

— Замечательно, — ответил Каменев.— Что главное — это большие окна! Свету сколько! А для шахтера свет — это все. Роемся, как кроты, в шахте, солнца не видим. А вылезешь из шахты, пойдешь в хатенку — окошки маленькие, опять нет солнца! От такой жизни запьешь. А теперь... свету сколько угодно!

— Большие окна, говоришь? — буркнул Максим.

— Большие окна! Это главное! И замечательный сегодня номер был. Дылду знаешь? Картежник, неряха, пьяница! Пришли мы сегодня с монатками в новую казарму. Комната большая, светлая, койки чистые и около каждой тумбочка, на стенке плакаты, портреты. Чистота-а! Стал Дылда на пороге, войти не решается. Потом положил монатки, вынул новый костюм, полотенце и уходит. «Куда ты»? — «В баню». Пришел из бани и говорит: «Ну-ну! Тут теперь грязным ходить неудобно. И в карты играть нельзя: на левой стенке — Ленин, на правой — Маркс, — вот и поиграй!»

Максим внимательно слушал Каменева.

— Большие окна!.. — задумчиво произнес он. — У меня есть одно предложение. Картина, нарисованная Гайдашом на одном из наших вечеров, безусловно верная.

В ушах прозвучали горькие слова Гайдаша:

«Мы ячейку налаживаем, а все впустую. Пока быта не переделаешь, ни черта в ячейке не будет. Гвоздь — в нашем быте. Если я в казарме в грязи живу, если там такая компания, что

и выпить и в карты играть научат, если у меня в животе с голодухи бурчит, — так я в ячейке хорошо работать не буду».

Максим продолжал:

— Вот целая группа ребят находится в отвратительных бытовых условиях. В новую казарму перебралось только несколько комсомольцев. А остальные живут по-свински в старой. Потом многие ребята находятся в плохих семейных условиях. У меня такое впечатление: хоть и маленький наш рудник, а как-то отдельно мы друг от друга живем. Соберемся в ячейку, потреплемся и разойдемся, и как ушел с собрания, так и связь друг с другом и ячейкой порвалась. И вот, — думаю я, — ребята, следующее: организовать казарму-коммуну молодежи. Возьмем дом, что строится сейчас, проведем добровольную запись, будем вносить известную сумму и будем жить по-людски, по-коммунистически. Как вы на это?

— Верно! Верно! Это здорово!

— Замечательно!

— Построим коммуну!

— Идет!

Ребята весело и восторженно загалдели.

Когда план организации коммуны был выработан, Скляров предложил пойти к Ковалеву сговориться относительно дома. Но Ковалев был другого мнения.

* * *

«Лихорадка» бушевала.

Теперь она трепала не только ячейку, но и весь рудник. Осень принесла с собой оживление работы.

Как в котле кипели комсомольцы: носились по руднику, галдели, спорили, что-то кому-то доказывали, ругались и опять куда-то бежали, торопясь и волнуясь.

Борьбы было много.

Ковалев поехал в окружной комитет. Туда же вызвали Максима. Максим со злостью и горячностью показал необходимость передать дом молодежи.

Ковалев свирепо трахнул дверью, — но дом отдал.

В самой комсомольской ячейке шла внутренняя борьба. Некоторые комсомольцы хмуро смотрели на коммунаров.

— Коммунистический монастырь! Монахи!

«Коммунары» до хрипоты спорили с этими ребятами, разъясняли, что в коммуне будет веселей еще, чем вне ее, но все это действовало слабо.

— Ну, ладно! Поживем — увидим! Мы вам не мешаем. А получится у вас ладное дело, тогда и мы придем.

Во время одной из таких бесед обычно молчаливый Стенька Пугач так сформулировал свое недовольство коммуной:

— Ни к чему! Так я — вольный казак. Получу деньги. Хочу — пропью, хочу — за окно выброшу. А если коммуна, так конец свободе! А я скажу так: не имеет правов комсомол вмешиваться в личную жизнь. Лишь бы я правильно работал.

Его убеждали, ему доказывали, — но поколебать не могли.

Однажды после получки в казарме, где жил Стенька, была устроена исключительная по своему размаху пьянка. Немалое участие в пьянке принял Стенька Пугач.

Проснулся он наутро на полу, в грязи, посмотрел кругом — будто в хлеву, а не в человеческом жилище. А по полу разодранные клочки статей для стенгазеты. Собирал их Стенька неделю. Почти на целый номер уж хватило. А теперь... Вот стыд! Что ребята скажут? Максиму прямо в глаза смотреть нельзя.

Задумался крепко Стенька... Видно, что-то решал. Большое и важное.

...Вечером пришел Стенька к Максиму и без всяких предисловий сказал:

— Ладно, Максим! Твоя взяла! Принимай в монахи!

* * *

Взрослые шахтеры относились или недоверчиво к комсомольской затее, или равнодушно, или явно враждебно. Бабы шептались о том, что в коммуне будут жить и девки, поэтому там будут развратничать. Комсомолкам, желавшим перебраться в коммуну, пришлось выдержать тяжелую борьбу.

Так в горячей атмосфере борьбы и хлопот строили свою коммуну комсомольцы.

И наконец казарма была оборудована. Открытие назначалось на завтра.

Вечером в коммуне собрались коммунары и заканчивали приготовления к завтрашнему торжеству.

Каменев зачем-то наклеивал на большую доску газетные вырезки.

Когда у него спросили, что это такое, он торжественно ответил:

— Это, браток, СССР!

На удивленные вопросы ребят он, наконец, дал более подробные объяснения.

— Что такое СССР, дорогие мои товарищи? СССР — это общее собрание фабрик, шахт, заводов, полей, колхозов и так далее. Каждая из этих фабрик, шахт, заводов, полей, колхозов что-то делает, чем-то живет, растет, двигается, дышит. Глядишь — и цветет, крепнет СССР! Во как! И вот я, браток, на эту доску, которая называется у меня «Сегодня по газетам», буду ежедневно наклеивать вырезки: где пустили домну и где убили селькора; где комса на-ять — и где ни к чорту. Понимаешь?

В другом углу Жихарев мастерил радиоприемник.

— А я... А я лучше сделаю! Вот... Подойдешь... настроишься на волну столько-то метров и пожалуйте... слушайте... прошу вас. Алло, говорит Москва! Ха-ха-ха! Здорово! Да что Москва! Весь мир, браток, слушай.

Каменев задумчиво посмотрел на радиоприемник, и в его серых глазах вдруг вспыхнул восторженный огонек.

— Весь мир будем слушать? Это хорошо! А не можешь ли ты, товарищ Жихарев, такую штуку удумать, чтобы нам на весь мир сказать свое слово?

Все расхохотались.

— Ай, да Гришка! На весь мир!..

— А интересно, что бы ты, товарищ Каменев, всему миру сказал бы?

Каменев, не обращая внимания на смех, ответил серьезно и порывисто:

— А сказал бы я вот что. — Тут он крикнул, как будто хотел, чтобы его весь мир услышал. — «Здорово, ребята-комсомольцы! Привет вам от комсомольской ячейки рудника № 7». И потом рассказал бы о нашей борьбе и работе.

* * *

Почтальон долго искал Максима на руднике. Сторож сказал почтальону, что Максима можно найти в новом доме-коммуне.

— Там они теперь... «Коммунары», прости господи... — насмешливо добавил сторож.

Почтальон пошел к коммуне.

Максим был там.

— Максим Бондаренко? — спросил почтальон. — Телеграмма...

Максим взял телеграмму и, отойдя к окну, начал читать:

«Станции Н.. ножом драке убит Петро [1] Бондаренко Как быть трупом Агент ГПУ Пономарев»

Максим побледнел и снова несколько раз прочел телеграмму, ища в ней какой-то другой, не такой страшный смысл: «Убит в драке... Так».

Максим медленно свернул телеграмму, положил ее в карман.

— Эх, Петро, Петро!.. Затерло!..

Потом печально посмотрел на ребят. Они деликатно не спрашивали у него о телеграмме, каждый занимался своим делом.

И Максим вдруг подумал, что в сущности ничего ведь не изменилось. И хотя было жалко до боли, до крика жалко Петра, но ведь все равно: умер он или нет — завтра будет открыта коммуна, Жихарев построит свой радиоприемник, Каменев станет секретарем ячейки, — и сам он, Максим Бондаренко, кровный брат Петра, поедет учиться в Свердловку.

«Сказать?»

Но потом вспомнил о том, что завтра открытие коммуны, что впереди еще длинная ночь напряженной работы, нужно подготовить коммуну к открытию, — и решил не говорить.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Что особенно поразило шахтера в новых домах?

2. Какое влияние оказали на Дылду — картежника, неряху и пьяницу — условия жизни в «советских» домах? Ответ обоснуйте ссылками на текст разбираемого отрывка.

3. Что руководило Максимом, когда он решил организовать коммуну? Как надо понимать его слова: «жить по-людски, по-коммунистически»?

4. Прочтите вновь определение, даваемое СССР комсомольцем Каменевым, и дополните его.

5. Подготовьтесь к устному докладу на тему: «За коллективизацию быта». Придерживайтесь следующих положений: коллективизация быта а) освобождает для производства работоспособные силы, занятые в домашнем хозяйстве, б) создает правильные условия для воспитания детей и нового человека, в) дает возможность культурно насытить досуг, г) укрепляет товарищескую спайку, д) представляет выгоды при осуществлении санитарной культуры.

---

[1] Петро — брат Максима, был исключен из комсомола за пьянство и разврат.

БУДНИ РАБОЧЕЙ СЛОБОДКИ.

Очерк Степанова.

Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гудок, и, послушные зову, из маленьких сырых домов, выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы.

М. Горький.

И не узнать теперь ранее неумытого, беспросветно пьянствующего, хулиганствующего Сормова, державшего в страхе всю округу.

Из фельетона[1] в местной газете.

Там, где Ока впадает в многоводную Волгу, на крутой горе стоит Нижний-Новгород.

С крутой горы, вдалеке, вверх по Волге, вы увидите завод, окутанный пеленой густого дыма, — это и есть Сормово.

Да, все знают о нем. Знают по славному прошлому. Знают по многочисленным паровозам, что летают во всех концах республики. Знают по пароходам, что пенят воды Волги и Каспия, по тысячам выводков закаленных борцов, что вихрь революции разбросал по лицу необъятного СССР.

Годы перетрясок не разрушили завода-гиганта. Он сохранился и верно нес свою службу в деле борьбы с наседавшим врагом.

Появились чехи на Волге. Широкой волной двигались они, занимая город за городом.

Сормовичи лихорадочно готовят бронепароходы.

Голодные стоят у станков. Без сна, без отдыха спешат кончить начатое дело.

Кончили.

Снабдили бронекрасавцев живой силой и бросили в борьбу за власть советов.

Загремели танки [2], наводя панику на полях Украины, сея кругом смерть.

Сормовичи и тут не сплоховали.

---

[1] *Фельетон* — легко и живо написанная статья на злободневную тему.

[2] *Танк* — бронированная боевая машина, обстреливающая противника из легких артиллерийских орудий и пулеметов.

Привезли им танк, в плен захваченный, и по захваченному трофею [1] сняты чертежи; а потом в скором времени, заглушая шум заводского двора, поползли в поле на пробу чудовища, гремя своей чешуей — одно, другое, третье, вызывая страх у встречных.

Еще немного времени, — и они также выбрасывают лавину огня против врагов.

Прошли эти годы. Сормовичи насели на пароходы. Вылетают один за другим мощные красавцы.

Так работало и работает гнездо бунтарей, вечно окутанное дымом труб высоких и грохотом металла при пламени печей многозевных.

По вечерам закипает другая жизнь.

Новая жизнь, невиданная. Про эту жизнь и хотим рассказать читателю.

Не узнать сейчас Сормова — изменилось и внешне, и внутренне. Ежедневно, ежечасно ломается старый быт. Незаметно, потихоньку пробиваются ростки нового быта.

Возьмем к примеру жажду к учобе.

В Сормове сейчас есть вечерний рабочий техникум, вечерний рабфак, вечерний университет, различные вечерние курсы, но всего этого мало. Все это не охватывает желающих, и многие остаются еще за бортом. Более пятисот рабочих учится по вечерам в этих учебных заведениях, несколько больше — в партийных и профессиональных школах и кружках.

Вот вам тысяча рабочих в одном Сормове, систематически отшлифовывающих свои мозги, — это уже большое культурное дело. А сколько неучтенных самоучек, занимающихся самообразованием дома!

Теперь о газете, книге, журнале.

Более 25 тысяч разных газет и журналов выписывается сормовичами. Это более чем по одной газете в среднем на каждую рабочую семью. До 15 тысяч томов выдают сормовские библиотеки и заводские красные уголки ежемесячно на руки рабочим, а из них до 70% составляет наша советская литература.

Посмотрим, как сормовичи проводят свои дни отдыха.

Дарьинский бор. Тянутся гривой на четверть километра сосны, вьются с бугра на бугор зеленой лентой. Небольшие овраги поросли сосновым молодняком, в гуще молодняка — густой сосновый запах.

---

[1] *Трофеи* — предметы, захваченные победителем в бою у побежденного врага (обычно оружие, знамена, военное снаряжение и пр.).

Вот в этот-то бор с утра тянутся сормовичи, как только покончат с хозяйственными делами. Идут компаниями, идут семьями, со всякой снедью, порой тащат за собой самовар. К трем часам бор представляет собой шумный лагерь. Куда ни кинь взгляд, — везде живописные группы, мелькают женские наряды. У всех на лицах безмятежное спокойствие; чувствуется, что действительно люди отдыхают.

Примерно то же в заволжских лугах, на Волге. Всюду народ, тысячи народу.

К вечеру приятно уставшие тянутся сормовичи по улицам с загородных прогулок.

Вот у арки [1] собралось сотни две велосипедистов, — это велосекция клуба «Металлист» организовала прогулку. На рулях ветки, полевые цветы. Поджидают отставших, а затем по резкому свистку садятся на стальных коней и длинной, красивой колонной едут по главной улице, а затем по домам — до следующего дня отдыха.

Это кусочек быта сормовичей.

Мы не говорим здесь о массовых прогулках под руководством клуба, которые охватывают и вовлекают тысячи рабочих и их семей. Мы взяли неорганизованное времяпровождение, которое в отличие от прошлого разумно и культурно.

Раньше на заводе единственным местом, где мог поговорить рабочий по «душе», был цеховой ватерклозет. Этот цеховой «клуб» служил местом отдыха рабочих, где они собирались и толковали о своих нуждах. Сейчас центром цеховой культурной жизни является «красный уголок».

Лекции, беседы, доклады, концерты, библиотека, шашки, шахматы, радио — вот повседневная потребность каждого рабочего.

Кстати о радио, — им сормовичи могут гордиться. Радиофицированы все цеха, радиофицированы улицы, и ежедневно до полночи сильные глотки громкоговорителей передают сормовичам музыку, радиогазету, доклады и т. д.

Начато радиофицирование квартир рабочих, в которых намечено поставить до 500 репродукторов.

Распределитель фабрики-кухни начинает вытеснять горшки, дает горячий обед непосредственно в цех, горячий завтрак в школу.

Коллективная прачечная увеличивает досуг домашней хозяйки, оставляя и ей возможность культурно провести время.

---

[1] *Арка* — сводчатый проезд, проход.

Было бы смешно, конечно, думать, что нет недостатков в быту сормовичей. Есть пьянство, грязь, болезни, есть много еще черточек старого бесславного быта. Много еще недостатков.

Но одно ясно, что началась культурная революция, что освежающий ветер ее становится все крепче и в своем бурном порыве развеет все то, что еще мешает жить по-человечески.

Мы победим, мы достигнем своих целей. В этом порука — культурная революция, победными шагами идущая по рабочим слободкам.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Припомните «годы перетрясок», когда «вихрь революции разбросал по лицу необъятного СССР тысячи закаленных борцов», и скажите, что дало рабочим возможность сохранить завод-гигант и победить наступавшего врага?

2. Почему Степанов назвал Сормово «гнездом бунтарей». (Сопоставьте отрывки: а) из очерка Горького и б) фельетона местной газеты и сделайте соответствующий вывод.)

3. Покажите на ряде примеров (из окружающей действительности), что «культурная революция у нас началась, освежающий ветер ее становится все крепче, он в своем бурном порыве развеет все, мешающее жить по-человечески».

4. Какие «ростки нового» породили у автора уверенность в силах пролетариата, строящего социализм («Мы победим, мы достигнем своих целей»). Особо остановитесь на выяснении роли культурных начинаний, «ежедневно, ежечасно ломающих старый быт».

5. Если «пьянство, грязь, черточки бесславного старого быта» еще живы, то в чем следует видеть залог неизбежного торжества «культурной революции»?

6. Составьте план сочинения «Культурная революция в рабочих кварталах». Внимательно присмотритесь к схеме очерка Степанова:

А. Жизнь рабочих в недоброе старое время.

Б. Период Октябрьской революции и гражданская война.

В. Ломка старого быта в наши дни: а) жажда знаний; б) культурный отдых рабочего; в) переход на коллективные начала в области быта.

Отдельные пункты подтвердите примерами из жизни и литературы.

«ПОЧИН».

Отрывок из повести «Доменная печь» Н. Ляшко.

С коммунами дело выходило у нас бросовое. Главная препона в крыше — надо стянуться в один дом.

В подходящем доме уломали ребят перейти в наши квартиры, снаружи побелили его, вывезли мусор и начали гуртом перетаскиваться. Заберем одного со всем барахлом, а назад другого. В квартиры сразу не пошли: забились в сараи и ну дом изнутри приаккурачивать.

Вместо десятка кухонь сварганили пару. В одном месте сняли перегородки и сделали столовую на всех. Забили лишние ходы-выходы, выбелили все, поправили лестницы, крышу — и вкатились...

Полегоньку втянули баб в дежурство — две на кухне, одна на посуде, две при детях, две на уборке, две свободны. Мужчинам вода, дрова и двор достались. Сначала заедало у нас, особенно с детьми: к матерям просились, не во-время есть клянчили. У матерей горячка, суета. Пришлось прогулки завести, игрушек наделать, — сяк-так уладилось и пошло лучше. Утряслись мы, назвали коммуну «Почин» и назначили день открытия.

Детвора в балках венков накарежила, цветов, травы нарвала. Убрали мы дом, двор песком посыпали, принарядились. Пришла музыка, ворота настежь — и пожалуйте. Коммунисты поднесли нам шкафчик с книгами, стригунки из рисовального кружка — три картины.

Нашлись охотники глянуть, как у нас внутри. Повел я их и рассказываю: в столовой, мол, пить-есть будем, собираться и гостей принимать; в комнаты ни чужим ни своим нельзя. О детях рассказал, объяснил, как бабы дежурят, в чем мы помогаем. Посмеиваются. Показал все, гляжу — во дворе ребята речи глушат. Рожи у всех вытянуты, в дыму будто, как на заседании, не поймешь даже, что у кого на сердце. «Чорт бы вас побрал», — думаю. Ораторничал один, а баба от ворот как крикнет:

— Слышь, говорильщик, а научили вы баб на ребятенках метки ставить? В чистоте да в особых комнатах узнавать своих не будете.

Грохнул двор, торжественность рассыпалась. Хорошо стало, весело, а Сердюк обиделся и давай обрывать смех. Я его за полу.

— Брось, — шепчу, — скуку налаживать, будь она проклята. Пускай смеются, спрашивают, мы им потом вольем...

Не успел я втолковать ему, чертежник на стул прыг и давай языком полоскать белый свет: коммуны полезны, зародыши другой жизни, рост, раскрепощение и те-те-те будто статью тараторит... И так все просто у него, так хорошо, что набитый дурак и тот не поверит. Выходило, дай только ему волю, он сейчас же своими руками хоть тысячу коммун скарежит. А мы ж знали, какой он, как на работе орудует. Кинь его в коммуну, так он в неделю опротивеет всем: любит распоряжаться, спит и учит, а таких от коммун за версту надо держать. В коммуне распорядитель вроде пропасть должен, чтоб и не воняло им: все вроде само делается, все сами знают.

Отшили мы чертежника и говорим:

— Может, спросить кто хочет о чем?

— А как это вы, — кричат, — исхитрились своих баб так вышколить, что они со всеми ребятенками одинаковыми будут?

Старики про разврат каркали:

— Перевтюриваетесь друг в дружку, и дружбу об пол.

Бабы о кухне, о еде занозы пускали:

— Один щи любит, другой суп, перегороди-ка котел, ублаготвори всех...

Ответили мы на все, одна наша баба сказала пару-другую слов. Чугаев два стиха прочитал. Заиграла музыка.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Какой общественный праздник описывает автор и в чем заключались трудности, ему (празднику) предшествовавшие?

2. Разъясните слова рассказчика: «брось скуку налаживать... пускай смеются — мы им потом вольем...»

3. Ответьте цитатой из текста данного отрывка, каких людей организатор считает вредными для дела коллективизации быта.

4. Опишите своими словами первоначальные достижения «Почина». Сравните их с бытовыми особенностями жизни какой-либо другой коммуны. Своими соображениями поделитесь с товарищами по школьной группе.

ФАБРИКА-КУХНЯ.

Очерк Евг. Бержонт.

Берегись, русская печь, примус, горшки и ухваты, — фабрика-кухня идет!

На Ленинградском шоссе в Москве высится светлосерый корпус фабрики-кухни, архитектурное соединение бетона и стекла.

В вестибюле [1] строгие швейцары с зелеными петлицами на воротниках обучают посетителей опрятности и гигиене. У нас обычно забираются в столовую в калошах, пачкают брюки случайному соседу, кладут кепку на стол, суют окурки в горчицу. В ресторане при фабрике-кухне на сей счет жесткие правила.

В столовой ежедневно обедает 8 тысяч человек. В светлых просторных залах, заставленных небольшими столиками, много места и воздуха. 1100 человек одновременно могут получить горячий обед.

Конвейер [2], моющий и высушивающий тарелки, привлекает зрителей не меньше, чем премьера в театре. К механической су-

[1] *Вестибюль* — обширная парадная передняя, прихожая.

[2] *Конвейер* — механизм, состоящий из бесконечной ленты и приспособленный для беспрерывной передачи каких-нибудь продуктов к месту их обработки или для передачи грузов.

домойке тянется бесконечная лента тарелок. Посудница, сидящая на втором этаже, кладет в гнездышки конвейера грязные тарелки Они медленно отправляются вниз, попадают в первый этаж, проходят несколько котлов, омываются в специальных составах, принимают паровую ванну, потом плывут в сушилку и появляются наверху уже чистые, сухие. Три тысячи тарелок в час моет и сушит такой конвейер.

Фабрика-кухня — тяжелая артиллерия нового быта, громящая косность и старину.

Первенец кухонной индустрии был возведен иваново-вознесенскими текстилями. В первый год своего существования он приготовил полтора миллиона обедов, во второй — свыше двух, в третий — больше трех. Вскоре после ивановской выстроилась такая же фабрика в Сормове, затем в Замоскворечьи. Сооружаются еще два кухонных гиганта в Москве. Но новая фабрика на Ленинградском шоссе — самая большая и совершенная в Советском Союзе.

24 тысячи обедов в день может приготовить этот кухонный гигант. Половина всех обедов в термосах [1] развозится по московским фабрикам и заводам. 35 и 45 копеек стоит сытный, вкусный обед.

В чем секрет такой дешевизны? В том, что на фабрике-кухне орудуют электрический повар и механическая стряпуха. Мы уже показали, как конвейер-судомойка ловко вымывает и высушивает три тысячи тарелок в час. Сколько же посудниц она заменяет! Сколько приносит экономии!

Электрическая хлеборезка распиливает 300 килограммов хлеба, а самые стремительные и опытные руки в это же время едва-едва нарежут 80 килограммов. В цеху по заготовке мяса сопит и захлебывается соком электрическая мясорубка такой величины, что сквозь нее можно свободно пропустить «желающего из публики». Рабочие только прислуживают ей. Они — подручные стального повара.

То же самое в рыбном цеху. Здесь хрипит и грызет кости не менее внушительная мельница. Из ее могучих челюстей желтожиденькой кашицей ползет рубленая рыба. Во влажных, пахнущих землей и огородом, овощных мастерских сердито плюется круглый мокрый барабан, на обязанности которого лежит очистка картофеля. Справляется он со своей ответственной работой в пятьдесят раз быстрее, чем человек. В кондитерском отделении

---

[1] *Термос* — особый сосуд с двойными стенками — для сохранения пищи в горячем виде.

энергично месит тесто стальной локоть специальной машины. Конечно за его темпом не угнаться самому лихому пекарю.

Из центрального цеха — огромного картофельно-белоснежного зала — два лифта подымают обеды в столовую. Во все стороны шмыгают небольшие вагонетки, неся то жестяные формы с лакированным кремом, то длинные, чуть ли не в вагонную платформу, сковороды с отбивными котлетами. Жидкая пища варится в огромных кастрюлях. Некоторые из них вмещают 800 литров. Кастрюли имеют полые стены и нагреваются паром, подаваемым из машинного отделения. Такая цистерна [1] закипает в 10 минут. Под ее металлическим куполом бродят золотые волны бульона, вздымаются красные валы борща, и, пенясь, клокочет клюквенный кисель. Вокруг стоят, вооруженные ложками, младшие повара. Изредка проходят важные люди в безукоризненных халатах и коротко распоряжаются. Это — инженеры кухонной промышленности, командный состав кулинарного [2] производства.

Долой кустарщину! Долой грязные столовки и наспех сработанные борщи! Народное питание должно строиться на совершенной технической базе фабрик-кухонь.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Какие удобства для посетителей создает фабрика-кухня? В чем заключается секрет дешевизны обедов?
2. Опишите механические работы, применяющиеся на фабрике-кухне во всем процессе производства.
3. Какое преимущество представляет конвейерная система в сравнении с ручной работой? Во сколько раз увеличивается производительность в кухонной промышленности? Сделайте выводы и запишите их.
4. Что нового дает общественное питание женщине-хозяйке?

НОВЬ.

Отрывки из романа М. Карпова «Передовик».

1.

По улицам пляшет вьюга, улицы курятся снегом, а у клуба толпа девок, ребят, ребятишек, мужиков, — стоят у крыльца и смотрят на большую афишу, наклеенную на лубок:

---

[1] *Цистерна* — построенное из металла вместилище для сохранения большого количества жидкостей.

[2] *Кулинария* — поварское искусство.

ГРАЖДАНИН, СТОЙ!

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ, В ПЕРВЫЙ РАЗ ОТ СОТВОРЕНИЯ МИРА,
МЫ, ВЯЗНИКОВСКИЙ КОМСОМОЛ, СТАВИМ

СПЕКТАКЛЬ

под названием

«ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ».

Перед спектаклем читка вслух стенгазеты

«Сквозь решето»

и представление поэта-Девятерика.

Всем хочется посмотреть спектакль: что будут выкомаривать комсомольцы? Стенька [1] за сценой — актеров наряжает и сам наряжается, винтовки гремят, листы железа, а в зале — шум.

— Иди, Васька, читай пока газету, да похлеще.

— Уж знаю как, наперед заучил, — отвечает Васька и, откидывая занавес, спрыгивает на пол.

— Тише! Сейчас я прочитаю нашу газету вслух, слушайте и мотайте на ус. А вы, ребятишки, сопли утрите. Газета у нас учит и продергивает. Ну, так слушайте, читаю:

«СКВОЗЬ РЕШЕТО»

просеваем дураков и пьяниц!

Орган вязовского комсомола

Газета № 1.

ГРАЖДАНЕ, ВНИМАНИЕ!

«Мы, вязовская молодежь, приглашаем вас заходить к нам каждый вечер на занятия, где читают газеты обо всем и о разных новостях, которые касаются сельского хозяйства. Нам все это необходимо знать. Не задерживайте своих молодых сыновей и девочек слушать те полезные речи! Не задерживайте, если они желают вступить в наш союз молодежи.

Не мешало бы прекратить своим сыновьям гулять и выпивать. Это приносит большой ущерб в хозяйстве. Оглянитесь, как ваши

[1] Степан Северцов (он же «поэт-Девятерик») — комсомолец-активист и организатор спектакля.

дети погибают в самогонном болоте. Нам нужно все это перестроить на новый лад, чтобы жизнь была трезвая и веселая.

«Я надеюсь, снова наша деревня вспыхнет, как в 1918 году она вся объединится в один нераздельный союз коммунистического общества...»

— Здорово! Молодцы, ребята! Читай дальше!

— А дальше наш Девятерик сочинил правду о жизни под названием «Ядовитый цветок».

«Растет в Вязовке дивный цветок. Посадили его вязовские мужики. Сильный запах распространял этот цветок, и запахи от него шальные. Хорошо расцвел он весной, а во время страды повял. Вязовцам жалко, что повял цветок ихней жизни — давай его поливать... самогоном. И разросся дивный цветок — самогоночный. Как пчелы, слетались вязовские мужики, прикладывали к нему свои сахарные уста. По деревне шум — все лезут к цветку. Это называется: рой вязовских самогонщиков. Разрастается рой, как малинник по окрестностям. Как бы этот цветок, товарищи-вязовцы, уничтожить и алкоголизм изжить».

— Вот шельма, здорово сочинил!

— Вася, кончай скорей, спектакль уж приготовился.

— Потерпи немного, мой спектакль не хуже вашего. Я еще не всех просеял. Слушайте: читаю «Хронические заметки».

«Уважаемые вязовские мужики и коммунисты! Нет у нас ни частной лавочки ни потребиловки, и приходится за коробкой спичек ездить в Петропавловское. Пора бы открыть кооператив!

Товарищ Лаврентий Кривозубов женился на богачке и стал забывать комсомол и партию. Дорогой товарищ, не утони на семейной кровати в кулацком болоте!

Что сделал вязовский комсомол: организовался, наладил клуб, устраивает спектакль, пролез в сельсовет и комвзаим, привез для школы дров, каждый вечер ведет беседы и выпускает стенгазету «Сквозь решето».

Наша рекомендация [1] вязовцам: вступайте в МОПР и ОДВФ! [2] Членские взносы — три фунта ржи в месяц. Записывайтесь у секретаря товарища Северцова. Пора! Советское государство когда-никогда восстановлять надо, и увиливать нечего. И еще рекомендация: на масленицу не гулять,

---

[1] *Рекомендация* — одобрительный отзыв, совет, предложение.

[2] *ОДВФ* — сокращение слов «Общество друзей воздушного флота» — в настоящее время эта организация носит название Осоавиахима.

а итти в клуб, — будет беседа об идолах и боге, которых мы сожгем».

— Ну, хватит? После сами прочитаете, а сейчас представление.

Веселая газета — кто смеется, а кто морщится, бурчит:

— Наворотили, выдумщики! Охаяли!

— Что ж, родимые, на зеркало пенять...

— Молчи, дядя Гаврил, сам-то...

Васька юркнул на сцену, отдернул занавес и крикнул:

— Внимание и тишина! Сейчас выступит Девятерик и будет пьеса «Живые и мертвые».

Дух затаили, не шелохнутся, слышно, как за окнами понизовка повизгивает, да в сенях ребятишки шебуршат. Кто-то уговаривает ребятишек, совестит — тихо, шопотком. Девятерик выступает...

Занавес отдернули, и на сцену еще выбежал парень в бешмете, лицо у него в саже, а на голове картонный колпак. Он встал рядом с Девятериком у рампы и под стук в заслонку запел:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя!

Девятерик подхватил:

Вязовские коммунисты
В Карташовку прут гулять!

На сцену выбежало человек пять «коммунистов» с папками. Они шли, качаясь из стороны в сторону, падали, повторяя: «прут... ыг...гу... гулять..» Публика хохотала, а Стенькин товарищ уже тянул:

Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит!

Он хлопал ладонями около ушей, сгибал дугами ноги и осоловело поводил глазами. «Коммунисты», сбившись в угол, снимали штаны. Девятерик ударил в заслонку и, указывая на них запел по-плясовому:

Все анкеты прогуляли
И без кальсон домой катят!

По сцене на четвереньках прыгали бесштанные «коммунисты», плясали под заслонку, разбрасывая какие-то бумажки.

У рампы [1] обнимается пузатый мужик с поджарым крестьянином в кепке и говорит, заплетаясь:

— Сват, а сват?.. Ты... коммунист, аль нет?..

[1] *Рампа* — передний край сцены.

— Ну, коммунист... Ну, большевик... А тебе что? — визжит поджарый. — Аль восемнадцатого года захотел? а?

— Ой, нет!.. Нет!.. Я люблю тебя, сват!.. Ей-богу, люблю... Идем ко мне в гости... Самогонки целый лагун поставлю!

— Поставишь?.. Милый ты мой! Дай по... поцелую тебя!

Целуй, целуй, блудный коммунист, а в это время другой кулак выкрал из твоего кармана партбилет и бормочет:

— Партейный билет?.. Ха-ха-ха!.. На кой хрен ему партейный билет?.. А мне он пригодится когда-нибудь!

На сцену вынесли стол, поставили на него самогонки ковши и чашки. Девятерик передал свою заслонку толстой бабе и куда-то улизнул, а «коммунисты» с «кулаками» уселись за стол, потчевали друг друга самогонкой, пели песни и плясали под грохот заслонки.

Дзинь... бумм... грох-та-ра-рра!.. Трах-та!.. Трах-та!.. Гром за сценой, стрельба, ветер бушует, и под грохот — похоронный марш... Сначала замогильно, а потом все громче, и громче, и громче, — и вот на сцену выходят один за другим... выстраиваются в ряд и все хором спрашивают:

— Товарищи, вязовские коммунисты, что вы делаете?

Заслон упал. Полетели ковши на пол.

Трясутся гуляки, руки растопырили, но поджарый «коммунист» осмелел, подпрыгнул и пискливо выкрикнул:

— А вы кто такие будете? А где ваши мандаты [1], чтобы спрашивать нас?

— Вам мандат?.. Им мандат?.. Товарищи, напомним!

— Напомним!!!

И быстро они сгрудились к правой стороне сцены, и тут же на сцену, гремя саблями и винтовками, вошла банда...

Бандиты стали целиться в тех, которые хотели напомнить гуляющим о себе. И враз затрещали выстрелы, за сценой ухали пушки, и под крики и шум падали расстреливаемые, их били, над ними издевались, а в публике уже плач и бабий визг...

— Да будет вам! Будет!

Скрылись бандиты, расстрелянные стонут, встают, выстраиваются во фронт и спрашивают «коммунистов» хором:

— Вспомнили? Вспомнили? Вспомнили??

И каждый по одиночке:

— Я — Григорий Косяков, расстрелянный кулаками за революцию!

— Я — веселый Митюха и бесшабашный большевик, погиб за мировую революцию!

---

[1] *Мандат* — полномочие; документ, удостоверяющий какие-нибудь права и полномочия кого-либо.

— Мы — братья Бойцовы, первые жертвы, пали от руки палачей революции!..

И хором:

— Мы — большевики!!!

— Мы боролись с мировой гидрой! [1]

— Вы клялись на могилах наших и на могиле Ленина продолжать дело революции!

— Спрашиваем вас: вы клялись?

— Да,... да... клялись.... клялись... — пищит поджарый коммунист.

— Теперь спрашиваем вас: кто вы?

— Ко...коммунисты... мы коммунисты...

— И спрашиваем вас; чей это портрет?

— Ленин это... вождь...

— Что наказывал он?..

— До... до... доделать революцию!..

— А вы что делаете?

— Пе... Первый май встречаем...

— Первый май? А кто с вами?

Молчание.

— А что у вас на столе?

Молчание.

И расстрелянные хором:

— Кто с ними? Кулаки?! Вы пируете с ними?!!

Молчат «коммунисты», дрожат.

Кулаки прячутся под стол, а в публике кто-то неутешно всхлипывает.

«Умершие» наступают на «живых» и грозно:

— Вы не выполнили клятву! О, пропойцы!

— Восемнадцатый год! — крикнул из публики Лука Рогатов.

— Вы забыли, как мы умирали на фронтах!!!

— Вы уснули на победе!!!

— Вы забыли, как вот эти, с которыми гуляете вы, били наших матерей, жен и детей. как они отдавали нас под расстрел!!!

— Позор!!!

— По-зо-ор!!!

Среди публики — женский плач, тяжелые вздохи и шиканье. На сцене «кулаки» уползают в темные углы, а «коммунисты» падают на колени и умоляют «воскресших»:

— Простите!..

---

[1] *Гидра* — 1) по верованию древних греков, девятиглавая змея, у которой вместо одной отрубленной головы вырастали две новых; 2) трудно истребляемое зло.

— Про... сти...те!..

Дзинь... бумм... грох-та-ра-ррa!.. Трах-та!.. Трах-та!..

Вставай, проклятьем заклейменный...

Занавес...

В зале тускло горят керосиновые лампы.

В ставни стучится вьюга.

Прощальное воскресенье...

Бывало, — да вот и сейчас тоже, — по засугробенным улицам мчится пара за парой, гусь за гусем, звенят бубенчики и колокольчики, гикают веселые кучера, от девичьего звона серебристые улицы, от голосистых тальянок и мороз нипочем. То ли не любота стародавняя, то ли не веселье исконное, деревенское! Себя показать, людей поглядеть, лошадьми да сбруей похвастаться на зависть гольтепе беспортошной!

И в это веселье, в этот звон праздничный, в это прощальное воскресенье распахнулись ворота комсомольского клуба, и три подводы одна за другой выезжают на улицу под смех и говор комсомольцев-богохульников. На передней Минька сидит, развалившись в дровнях, на средней — Стенька, на задней — Васька. На дугах — красные ленты и платки, а на лошадях — верхами... Вот здесь-то и богохульство: на передней лошади сидело верхом чучело с конскими волосами и с длинной льняной бородой, в голубом сарафане,— ни дать ни, взять «бог-саваоф»! И чучело страшное-престрашное на средней лошади: вместо носа ошметок, вместо глаз — красные пятна, вместо бороды — телячий хвост, а на лбу — бычьи рога торчат.

А на задней лошади, — и как придумали такое?! — взгромоздилась на спину задней лошади корова не корова, баба не баба, — не зверь, не человек: и толстозадое, и брюхатое, и рогатое, а в ощеренной пасти — блин. Самый настоящий гречневый блин. Не будь надписи, — ни в жизнь не догадаться бы, кто это, а в надписях всяк прочтет:

ДОРОГУ!

ЕДЕТ СТАРЫЙ ОБЫЧАЙ — СТАРАЯ ДУРА МАСЛЕНИЦА!

ВЫХОДИ, ГЛЯДИ, В ОСТАТНЫЙ РАЗ!
ВЕЧЕРОМ СГОРИТ!

Лошади фырчат, пугаются, лошади на месте не стоят, сбегается народ, бегут — подпрыгивают, ребятишки кричат-визжат, а «бог-саваоф», «чорт-суеверие» и «старая дура масленица» едут по улице не вскачь и не в рысь, а шажком-тишком, их обгоняют, около них — и сзади, и спереди, и с боков — пары, гусем, в одиночку едут, придерживая лошадей, и, захлебываясь хохотом, спрашивают:

— Где будете сжигать?

— У клуба! Приходи — гляди!

У клуба все как есть для масленицы, — ледяная гора, ребятишки катаются на салазках и на ледянках, только вот к чему такая большая-пребольшая клетка из плах наподобие срубов, набитая кострикой, соломой и дегтярными лагунами? Сроду в Вязовке не делали таких клеток!

— Непременно для бога, — высказывали догадливые, — бога сжигать будут. Вот мошенники, вот подлецы! Взять да разворотить...

И разворотили бы, да боязно, да и любопытно... Кому не хочется поглядеть такое, чего сроду не видели?

Прямо с мороза чучел принесли в клуб. Поистрепались они, сидя верхами: тому нос надо поправить, другому рога на место прикрепить, третьему блин свежий в зубы зажать.

Когда свечерело, все ребята, ребятишки, девки, девчонки, молодухи и молодые мужики и бабы вместо того, чтобы в своих концах и на своих порядках провожать масленицу, где уж понаделали горы, гуртом, с песнями и визгом, привалили к комсомольскому клубу — новую гору обновлять.

Веселье весельем, а то и дело спрашивают, скоро ли масленицу жечь? У клетки, сложенной из плах, солома, а на клетку приставлена лестница, и вот в клубе запели, из клуба, по крыльцу несут «бога-саваофа», «чорта» и «масленицу», вместо свеч — жгут кудели, а в то время, когда под песню «Не надо нам бога» возносили чучел на верхушки клетки, — кудельными факелами подожгли солому, отбросив ее от клетки. А с лестницы поочередно говорили учитель, Бойцов и Стенька...

Прудился народ, слушал.

— Глядите в последний раз, — это горит ваша темнота! Глядите!!

И клетка уже пылает и снизу и сверху, а вокруг — пляс под сочиненную Стенькой песню.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. В чем, по вашему мнению, заключается основная мысль пьесы «Живые и мертвые»? Передайте эту мысль своими словами.

2. Почему толпа во время антирелигиозной демонстрации не избила комсомольцев и не тронула их сооружений?

3. Опишите, если видели, праздник в дореволюционной деревне и сравните его с современным.

4. Расскажите, когда и как ваше предприятие взяло шефство над деревней, и какую культурно-просветительную работу оно там вело.

5. Составьте заметку в стенгазету об участии вашего предприятия в культпоходе.

6. Напишите рассказ по такой канве:

«Темная, отсталая деревня. Старый быт. Суеверия. Приезд шефов-комсомольцев из города; предположения относительно спектакля. Самоуверенный подход к делу; взгляд на деревню свысока. Постановка плохо подготовлена. Много промахов. Провал. Недовольство зрителей. По возвращении в город — самокритика; выясняют свои промахи; намечают более обдуманную программу культработы» [1].

ВЕЧЕР В МАЛЕНЬКОЙ КОМНАТКЕ.

Очерк И. Жига.

Клуб наш, если на него со стороны посмотреть, — красота. Новый, железобетонный, серо-молочного цвета, одним своим видом как бы говорит тебе: «А ты, братец, зайди-ка, посмотри, что у меня внутри творится».

Когда входишь в наш великолепный клуб, душа смеется от радости. Зал — каких не бывает обычно в рабочих клубах: длинный, громадный, с ложами и бельэтажами, с длинными рядами венских стульев, с красиво разукрашенным куполом. Электрические люстры, как яблони с яблоками, висят над головами.

Но заключается клуб не в одном зале. Может быть в клубе так же прекрасно оборудованы библиотека-читальня или комнаты для отдыха, для игры, для физкультуры, для занятий политграмотой, или просто грамотой; может быть в этих комнатах проходят дружные занятия, и рабочие разумно проводят часы отдыха? Оно может быть и было бы так, да только, когда строили клуб, забыли пустяк — построить эти комнаты. Вместо комнат для отдыха во втором этаже наделали таких каморочек, что в них не только отдыхать нельзя, но можно задохнуться.

---

[1] Познакомьтесь с рассказом Панферова «Спектакль» («В предутреннюю рань», сборник рассказов, Москва, 1927 г.) или с рассказом В. Шишкова «Спектакль в селе Огрызове», изд. «Земля и Фабрика», Москва, 1926 г.

Но что значит для нас, рабкоров, маленькая комнатка? Нам чем теснее, тем лучше, потому что мы так слились в своей организации, что готовы двое на одном стуле ночи напролет просиживать.

Комнатка эта — метров десять, не больше. Собралось нас девять человек; чтобы не было жарко и душно, открыли окна и запретили курить; нехватало стульев — примостились на полу.

У каждого из нас в кармане рукописи.

Ведь мы не писатели... Мы — просто рабочие. Некоторые из нас пришли в эту комнату прямо с фабрики. Мы не писатели, но у каждого из нас перед глазами носятся образы, картины жизни и природы. Мы видим близких нам людей, видим их жизнь, их радость и страдания. Мы радуемся, когда видим в нашей жизни красивое и захватывающее. Мы рады, когда видим, как жизнь наша ломается, как старое рушится и воздвигается новое; мы болеем и мучаемся, когда видим, как красивое и молодое гибнет под обломками старого. Нам хочется кричать об этой гибели и хочется петь о красоте жизни, — обо всем том, что растет, развивается, крепнет и преображает нашу жизнь. Но чтобы кричать — нужно иметь голос, чтобы петь — нужно уметь петь, а мы не умеем. Нам хочется самим запеть, но мы боимся, — а вдруг, вместо того чтобы запеть соловьями, мы заревем по-медвежьи? Ведь что ни говорите, а страшно рабочему человеку вынуть, например, из кармана рукопись, положить ее на стол и сказать: «Это вот я написал». Это не отрез ситца положить перед мастером и сказать: «Это я сделал». Ситец-то мы умеем делать, а вот писать, петь — тяжело...

Поэтому и готовы были по-двое на одном стуле ночи просиживать, лишь бы вот здесь, в этой каморочке, в тесном кругу своих людей рассказать невысказанное, пропеть непетое, попробовать свои голоса, но так, чтобы и другие услышали.

Председатель кружка, т. Красный, посмотрев на часы, сказал:

— Давайте, товарищи, начинать.

Мы все переглянулись, некоторые начали откашливаться.

— Кто первый прочтет?.. — спросил Красный.

Все переглянулись, улыбались, молчали. Рабкорка Удалая сказала:

— Ну, что же вы жметесь, как кулики на морозе? Давайте я начну, если вы боитесь.

— А ну, Андреевна, начинай! — раздались голоса.

Удалая — это ее псевдоним, хотя и на самом деле она удивительно смелая женщина. Никогда никому она не давала спуска, никогда ни перед кем не кланялась. Ей уже за тридцать лет;

крепкая, сильная, с круглым озорным лицом, с открытыми серыми глазами, она даже среди нас выделялась своей бойкостью. Достав из кармана бумагу, развернула, весело улыбнулась, сказала:

— Ну, я начну, только смотрите, после не гавкайте. Мое сочинение называется «Разрыв»...

После Удалой читает свое произведение юнкор Афонька и сам плачет над судьбою маленького фабричного человечка — Кости Перцова. За ним еще и еще...

* * *

Когда мы выходили из клуба, было тихо, спокойно, и тьма, словно угольным дымом, окутывала фабрику. В лесу раздавались голоса ночных птиц, пели петухи, и фабрика после дневного кипения слегка только похрапывала паром.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Правильно ли рабкоры в очерке Жига понимают задачи рабочего писателя?

(Припомните, что говорилось на XVI партсъезде о задачах пролетарской литературы.)

2. Изложите в форме тезисов ваши соображения и пожелания относительно того, каким должен быть хороший рабочий клуб. В чем должна заключаться его настоящая культурно-просветительная роль?

3. Напишите, что вы знаете о современном рабкоровском движении. Не приходилось ли вам слышать о преследовании рабкоров и селькоров со стороны классового врага? Припомните примеры.

4. Ответьте на следующие вопросы:

а) Приходилось ли вам корреспондировать в какую-либо газету (печатную или стенную)?

б) Из какой области вы брали свои заметки?

в) С какими трудностями приходилось сталкиваться при работе?

г) Пробовали ли вы писать художественные произведения, стихотворения? Чему они были посвящены?

6. Какова роль рабкора в строительстве нового рабочего быта и в чем заключаются неизжитые трудности на его (рабкора) пути?

7. Напишите небольшое сочинение на одну из следующих тем:

а) «Рабкор как застрельщик соцсоревнования на производстве».

б) «Рабкор в борьбе за выполнение и перевыполнение промфинплана».

РАДИО В ДЕРЕВНЕ.

Из повести «Земля подшефная» Г. Доронина.

По дороге иль тропой,
С ветром ли случайно,
Подворотнями прополз
Слух необычайный:

«В школе, в школе — чудеса, —
Вот те хрест молящий!
Говорят: учитель сам
Чорта запер в ящик.
— Мимо школы не пройти —
От народа тесно.
Чорт сидит назаперти,
Жарит с горя песни».
. . . . . .
У ограды все село,
Всех оповестили.
Лезли бабы на заплот,
В окна колотились.
— Пал Петрович, мужикам...
Эко... право слово...
На минуточку покажь
Чортушка такова!
— Хошь бы рожки показал,
Все ж бы легче стало!
Век мы прожили — в глаза
С чортом не видались.
— Ну, кто хочет, посмотри.
Только не орите! —
Крючья скинув от двери,
Пригласил учитель.
Бабы кинулись, таким
Сгрудилися стадом.
Баб толкая, мужики
Перли в двери с матом.

* * *

«Динь... динь... дон... дон!..»
Мужики со всех сторон
Смотрят на диковину.
— Граммофон не граммофон, —
Экая штуковина!
Ближе сели старики,
Бородой ворочая.
Заходил Лука Лукич:
— Што вы нас морочите!
Подошел к столу, потряс.
— Тише, чорт, куда еще! —
Из мембраны же как раз:
— «Слушайте, товарищи!»
С пьяных глаз струхнул старик:
— Мать, такая честная!
Отошел и у двери
Сел за парту тесную.
Девкам любо, бабам смех:
— Подойди-ка раз еще!
— Тише, штоб вас! Не шуметь!
— «Слушайте, товарищи!»
— «Слушайте, слушайте, слушайте!
Песню «Над полями» исполнит
Артистка гортеатра Неллина».
«Дон... дон... динь... дан... дан!..»
«Над полями да над чистыми...»
— Вишь ты! Баба — хоть куда!
Шельма... голосистая!..
— Брякнул тоже, — гул в избе, —
Дурень экий, поротый!
Чай, ей слышно по трубе
Наши разговоры-те.
— Слышно? Вот-те и дела!
Час от часу лучше нам:
Изругай, попробуй, власть,
А в трубу подслушают.
Вот, ей-боженьки, не вру —
Слышно в глотку ейную.
Чай, сидят около труб
Самые партейные.
Да...
«Слушайте народную песню!
Слушайте, слушайте, товарищи!»
«Динь... динь... дан... динь... дан... динь... дан!..»
«Барыня, барыня,
Сударыня-барыня!»
Заходили мужики.
— Ах, едят вас мухи-те!
Вишь ты, парень! Вот таких

Песен мы послухаем!»
Сватья-Марья у стола
Машет занавескою:
— Вот, ребятушки, дела,
истинно советские!
— Што вы жметесь, как тетери?!
Ну, народ пошел теперя!
«Барыня, барыня,
Сударыня-барыня!»
Языком старик Федот
Кое-как ворочает.
Сел к столу, в трубу орет:
— Эй, вы там, такие прочие!
Послушайте, послушайте
меня, старика!
Нынче пьян я, пьян я, стало быть,
Хошь, и вам подам стакан
Русской спотыкаловки?
— Хошь? Молчит, такой-сякой!
Забубнил веселую.
Аль не хочешь с мужиком,
Стерва, рассусоливать?
В морду надо шельмецу?
Оттолкнув учителя,
Дернул дедка по кольцу
Громкоговорителя.
Шум поднялся у стола,
Пляски не наладились.
Прохрипев, оборвалась
Передача радио.
— Чорт седой, такая мать,
Ни при чем остались мы,—
Расходяся по дворам,
Мужики ругалися.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. В чем проявляются темнота и отсталость деревни, изображенной Дорониным?

2. Охарактеризуйте отношение крестьян ко всему городскому и к партии. Откуда могли возникнуть такие ложные взгляды и как их перевоспитать?

3. Напишите сочинение на одну из тем:

а) «Как у нас в деревне (в доме, в общежитии) проводили радио».

б) «Значение радио в деле осуществления культурной пятилетки».

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД.

Очерк Железнова.

Социалистический город — это не мечта и не фантазия. Строительство социалистических городов — неотъемлемое звено нашей пятилетки.

На место скифских курганов и Запорожской Сечи [1], куда некогда старый рубака Тарас Бульба возил учиться военному искусству своих сыновей, создается огромный город — «Большое Запорожье».

Стушевываются в памяти седые легенды [2] о вольности Запорожской Сечи, песни о славных подвигах запорожских казаков.

---

[1] *Запорожская Сечь* — военный поселок вольного казачества XVII в., расположенный на острове Хортице на Днепре.

[2] *Легенда* — народное предание чудесного, сказочного характера.

Старый Днепр, славившийся своей дикостью и непокорностью, покорен пришельцами новых веков. Закованный в бетонную броню, он скоро начнет вращать исполинские [1] турбины [2], превращая силу своего течения в электрическую энергию. Скоро загудят провода «Днепростроя», этого гиганта [3], обладающего силой в 500 тысяч киловатт, скоро задымят на берегах Днепра гигантские заводы.

...И там, где когда-то запорожцы отбивали серебряными подковами гопака [4], вырастет новая индустриальная столица Украины. «Днепрострой» вызвал к жизни целый край. Дешевая электрическая энергия Днепровской гидростанции дает возможность построить вблизи мощный промышленный комбинат [5].

Сооружение «Днепростроя» и Днепрокомбината вызывает необходимость в строительстве совершенно нового города. Постройка его намечена на месте нынешнего Запорожья.

Строители подсчитали население будущего города, учли его ежегодный закономерный рост и решили: город «Большое Запорожье» нужно спроектировать на 500 тысяч жителей.

Существует старая английская поговорка: «Мой дом — моя крепость». По-нашему, такой дом означает прежде всего крепость старого быта. По таким крепостям батареи советской общественности бьют сейчас ураганным огнем. И когда инженеры планируют новый город, они должны помнить, что люди здесь должны жить по-новому, коллективно.

Дома «Большого Запорожья» не будут похожи на нынешние дома Москвы, Ленинграда и других городов. У жильцов-рабочих не будет своего собственного домашнего хозяйства. Здесь будут устроены общественные столовые, коллективные прачечные, бани, ванные, души [6], которые сотрут перегородки между отдельными рабочими квартирами. В домах будет значительно расширена площадь общественного пользования. Индивидуальная [7] площадь будет сокращена.

Дома будущего города будут иметь не больше шести этажей.

---

[1] *Исполинский* — огромный.

[2] *Турбина* — двигатель, приводимый в действие силой воды.

[3] *Гигант* — великан.

[4] *Гопак* — национальный малороссийский танец.

[5] *Комбинат* — производственное объединение нескольких предприятий, относящихся к разным видам промышленности.

[6] *Души* — приспособления для обливания тела.

[7] *Индивидуальный* — личный; здесь: принадлежащий отдельным лицам.

В каждом доме лифт [1].

Жилые кварталы окружены зеленью, садами и цветниками.

Зеленые насаждения займут не менее четверти общей площади города.

При кварталах будут находиться ясли и детские сады, площадки, школы. Это будут подлинные кварталы-коммуны. Пища будет изготовляться в общественных кухнях, а обедать жильцы будут в общественных столовых. За продуктами не придется ходить в магазины, в каждом квартале будут созданы специальные квартальные распределители.

В кварталах построят залы собраний, библиотеки, пионерские комнаты, кружковые комнаты.

Для занятия спортом — спортивные залы, летние спортплощадки.

Для ребят — детские ясли, детские сады.

Для санитарии — механизированные прачечные, бани, ванны и души.

Кроме того при каждом квартале организуются гаражи для велосипедов, мотоциклов [2] и автомобилей.

Города нашего времени представляют собой сплошную смесь: в одном и том же районе находятся жилища и фабрики, рынки и музеи, бани и университеты, конюшни и академии. Это получилось потому, что строились они без всякого плана еще в те времена, когда в нашей стране господствовал капитал. «Большое Запорожье» не будет таким «взбалмошным».

По плану, в одной части города находятся все фабрики и заводы (индустриальный сектор), в другой — все учреждения, профсоюзы и т. п. (административный сектор), в третьей — лечебницы, амбулатории и т. п.

Дым фабричных труб не будет врываться в рабочие жилища, в больницы, как это бывает сейчас.

В одном из районов «Большого Запорожья» организуется по плану центральный парк культуры и отдыха. Он рассчитывается на 100 тысяч человек.

Улицы «Большого Запорожья» совсем не будут похожи на каменные коридоры современных городов. Зелень садов и цветников, скверы и площади придадут им живописный вид. Тротуары будут покрыты асфальтом [3], мостовые — гранитом.

---

[1] *Лифт* — подъемная машина.

[2] *Мотоцикл* — моторный велосипед.

[3] *Асфальт* — смесь цемента, смолы, дегтя и пр., употребляемая для покрытия тротуаров и мостовых.

Трамваи и автобусы [1] — будут двигаться только по магистральным [2] линиям. А если тебе нужно итти пешком, для этого установлены специальные «пешеходные» улицы.

По Днепру будет налажено пароходное сообщение и оборудовано несколько пристаней. Намечается площадка для посадки аэропланов.

Вокруг заводских площадок, антисанитарных мест и боен, вокруг всего города в целом будут посажены ленты зелени. Их задача — изолировать [3] весь город и жилища от дыма, копоти и пыли. Ширина каждой ленты будет равна от 100 до 300 метров.

Город будет целиком теплофицирован и газофицирован. Газ для нужд населения и для научных лабораторий будет поступать из Днепрокомбината. Газом будут отапливаться кухня и специальные сушильные шкафы, в которых будет сушиться вымытая посуда.

Тепло и горячую воду «Большое Запорожье» получит из специальной теплоэлектроцентрали.

* * *

«Большое Запорожье» — город будущего. Многим он может показаться несбыточной фантазией.

Город «Большое Запорожье» — первый город восходящего социализма.

Мы построим его, и гоголевское Запорожье покажется людям легендой и выдумкой!

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Почему постройка нового социалистического города намечена именно в Запорожьи?
2. В чем заключается основная разница между жизнью в старых домах с индивидуальными квартирами и кухнями и жизнью в домах-коммунах?
3. Опишите преимущества нового города (перед существующими) в распределении построек домов, заводов, общественных учреждений.
4. Перечислите особенности, отличающие новый город от старого.
5. Начертите примерный план (схему) социалистического города по секторам (жилые кварталы, фабрики и заводы, административно-хозяйственные учреждения, лечебницы, амбулатории, зеленые насаждения и пр.).
6. Объясните заключительные строки очерка.

---

[1] *Автобус* — большой автомобиль для перевозки пассажиров.

[2] *Магистраль* — главная линия (железнодорожных или трамвайных путей, водопровода и пр.).

[3] *Изолировать* — уединять, отделять.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ ПО ТЕМЕ III (в целом).

1. В какой мере и почему именно строительство дошкольных учреждений способствует бытовому раскрепощению женщины?

2. Расскажите вкратце (товарищам по мастерской, по учобе) о том, как печать, радио, кино, клубные кружки содействуют повышению культурного уровня трудящихся.

3. Какую роль сыграет ликвидация неграмотности в деле осуществения пятилетки? (В ответе необходимо сослаться на соответствующие места вводной статьи.)

4. Обоснуйте рядом самостоятельно подобранных примеров мысль Ленина о том, что в СССР будут постепенно стираться грани между городом и деревней при условии уничтожения индивидуальных хозяйств и замены их «социалистическими предприятиями на земле».

5. Почему в резолюции XVI партсъезда особо отмечена связь между индустриализацией страны и культурной революцией? (Перечитайте второй отдел резолюции.)

6. Как следует понимать тот пункт в постановлении XVI партсъезда, где говорится о соцсоревновании и ударничестве в деле осуществления культурной революции («Широко должны быть применены методы культпохода» и т. д.), на что требуется обратить самое серьезное внимание?

7. Можно ли вопрос о кадрах «понимать только как профессиональную проблему», или это — вопрос организации общественного подъема вокруг задачи осуществления пятилетнего плана? (Дайте обстоятельно обоснованный ответ.)

НАШИ ВРАГИ О ПЯТИЛЕТКЕ.

Отрывки из очерка А. Тивеля.

I

Слово «пятилетка» так же, как в свое время слова «большевик» и «совет», проникло в своем русском произношении и написании на страницы международной печати и получило права гражданства в английском, французском и других языках.

Каждый шаг вперед в нашей стройке отдается гулким эхом за границей. И ведь нетрудно понять, как должны воспринимать за границей поступающие изо дня в день сообщения о переходе все новых фабрик на семичасовку, бюллетени [1] о социалистическом соревновании, сводки колхозного строительства, телеграммы о постройке новых заводов, отчеты о ходе социалистической рационализации. Каждое слово этих сообщений бередит раны умирающего капитализма.

Ллойд-Джордж — этот «самый хитрый человек в Европе», как его называют западные дипломаты [2], — даже он находит сегодня новые слова для СССР. В «Нейе Фрейе Прессе» (от 28 декабря 1929 года) он написал: «Основная мысль пятилетки столь же смела, как и умна. Большевистская диктатура делает героические усилия для реорганизации [3] земледелия и промышленности. Если пятилетка победит, Советский Союз станет чрезвычайно важным фактором в области транспорта, торговли и финансов»...

---

[1] *Бюллетень* — 1) краткое официальное известие о государственных событиях; 2) периодические издания с отчетами; 3) листки для голосования.

[2] *Дипломат* — служащий в министерстве иностранных дел или посольстве; человек тонкий, скрытный, изворотливый, ловкий в частных сношениях.

[3] *Реорганизация* — преобразование, переустройство.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ!

Этот листок — начало страницы 225.

Интересны, конечно, не сами эти слова. Интересно, что их произносит Ллойд-Джордж, который в начале революции был одним из идеологов уничтожения большевиков силой, а затем, проявив большую гибкость ума, первый провозгласил новую тактику: «взять большевиков миром».

Американский журнал «Нейшен» пишет:

«Число новых предприятий... ошеломляет. В Ленинграде советы близки к завершению величайшего лесного порта в мире... Днепровская силовая станция будет крупнейшей в мире. Они строят торговый флот в 600 судов. Железные дороги модернизуются с поразительным успехом и широко развиваются... Везде, где мы были, мы видели лихорадочную активность!!»

Один из важнейших европейских журналистов, редактор «Франкфуртер Цейтунг» Фейлер, пробывший в России несколько месяцев, в своей книге «Эксперимент большевизма» дает красивый образ: «Пятилетка... подобна знамени, которое борющееся войско бросает в ряды врагов, чтобы затем ринуться за ним и снова его схватить».

В главе, носящей пышный заголовок «Фантазия в киловатт-часах», Фейлер говорит: «Техника — это все. Электричество же является наиболее современной силой. Поэтому оно и вдохновляет. Поэтому и бросают мощную энергию на строительство электростанций, сеть которых должна покрыть всю страну. Величайшее из этих будущих предприятий, самое большое в своем роде в Европе, я видел в постройке — это «Днепрострой»... И впечатление создается не только размерами предприятия, хотя эти размеры действительно ошеломляющи...

Такого предприятия в Германии еще не строили. У нас еще не вертятся турбины[1] в 80 тысяч лошадиных сил (такие имеются

[1] *Турбина* — водяной двигатель.

пока только в Америке), а здесь предполагают поставить 10 таких турбин».

Фейлер описывает новое строительство в Баку: «Мы стоим сейчас на новых месторождениях вокруг нефтяных вышек, которые выстроены гораздо дешевле и быстрее, чем старые, в строгом порядке... что дает возможность рациональной добычи; полная противоположность старым месторождениям с их беспорядочностью; бросается в глаза также полная противоположность безумному хаосу частного бурения в Южной Калифорнии. И такая же разница проявляется на нефтеочистительных предприятиях — старых, совершенно устарелых, оставшихся от прошлого, и новых, выстроенных недавно».

Виллард подробно останавливается на одной черте — на рабочем жилищном строительстве. Об этом он весьма красочно рассказывает: «Мы поехали однажды на новый большой завод. Постройка завода не пошла дальше фундамента, но там уже стоял ряд замечательных домов для рабочих...» «Повозка раньше лошади, — сказал мой спутник, американский инженер, сидевший рядом со мной. — Что за идея, — продолжал он, — строить такие дорогие дома для рабочих до того, как завод готов, и когда еще не выяснено, окупится ли он. Мы бы поместили наших людей в бараки, пока мы бы не установили этого». Стоявшего рядом с нами русского это, кажется, позабавило. Позже он спокойно сказал: «В этом как раз и заключается разница между вашей системой и нашей. Наше убеждение таково, что раньше мы считаемся с рабочими, а потом с прибылью...» Бывший с нами американский инженер, который работает на этом предприятии, присоединился к точке зрения русского. Он горячо сказал: «Самое правильное — считаться прежде всего с рабочими. Деньги будут получены обратно благодаря доброй воле и гораздо большей активности».

Мы приводим отзывы наших **врагов** о пятилетке, строительстве. В них были слова тревоги, плохо скрытого уважения. Наши **друзья** за границей на пятилетку, строительство ответят не только словами.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ

1. Какое впечатление производит размах строительства в Советском Союзе на наших врагов? Подтвердите ответ цитатами.
2. Почему иностранцев особенно поразило рабочее жилищное строительство в СССР? Что вы знаете о жилищных условиях рабочих на Западе?
3. Изложите своими словами мнение Ллойд-Джорджа о пятилетке.
4. Напишите небольшое сочинение (2—3 страницы) на тему «Анархическое производство на Западе и плановое в Советском Союзе».

II

Вопросам политики партии в деревне, строительству колхозов, социалистическому переустройству сельского хозяйства мировая печать уделяет не меньше внимания, чем индустриализации. Пожалуй к проблеме переделки деревни иностранные журналисты относятся с еще большим интересом.

Нужна специальная брошюра, чтобы изложить сколько-нибудь полно оценку буржуазной печатью процессов социалистического строительства в деревне. Остановимся на нескольких типичных высказываниях.

Американская «Чикаго Дейли Ньюс» помещает сенсационную [1] телеграмму (24 августа 1929 года) своего корреспондента, только что вернувшегося из поездки на юг СССР: «Мир привык получать ошеломляющие сведения из Советской России, но ничто не может вызвать большего удивления, пожалуй даже потрясения, чем изумительный рост коллективного сельского хозяйства, которое развивается сейчас с такой быстротой, что если нынешний темп будет сохранен, то он вскоре вызовет решающую реорганизацию сельскохозяйственной экономики, а пожалуй даже и политического положения Советского Союза. Причина, по которой мир испытывает потрясение, заключается в том, что рост коллективного сельского хозяйства является не более, не менее, как действительной социализацией земли».

«Манчестер Гардиан» в передовой (от 9 октября 1929 года), осторожно комментируя [2], пространно излагает положение: «Никакое событие последних лет в Советском Союзе не может сравниться по своей важности с аграрной [3] революцией, которая с каждым годом превращает миллионы крестьян из индивидуальных в коллективных фермеров [4]. Если эта революция будет доведена до полного и победного конца, то она устранит одно из противоречий в советском общественном порядке: противоречие между социалистическим городом и капиталистической деревней...»

И самую широкую постановку дает английский «Экономист»: «Колхозная система начинает привлекать не только бедняков, но и середняков, позиция которых в данном случае, как и в дру-

---

[1] *Сенсационный* — производящий сильное впечатление на людей, волнующий необычайностью.

[2] *Комментировать* — объяснять, истолковывать.

[3] *Аграрный* — земельный, сельскохозяйственный.

[4] *Фермер* — занимающийся сельским хозяйством на собственной или арендуемой земле (в Западной Европе и Америке).

[их проблемах [1] русской революции, является решающим фактором (колхозное движение представляет собой не просто переходящий эксперимент, а революцию, если можно сказать, что оно охватывает не только бедняков, но и середняков). Наконец колхозы становятся все более крупными, охватывая все большее количество крестьян и все большую территорию... В последние несколько лет свыше миллиона бедняков стали середняками, главным образом в результате освоения земли, принадлежавшей им номинально... Нынешний год является первым после войны, когда количество товарного хлеба выросло в большем размере, чем общая продукция...»

Наряду с оценкой экономической стороны проблемы колхозного строительства газеты много расписывают о переделке индивидуальной психологии крестьянина, о превращении крестьян в рабочих социалистических хлебных фабрик и даже об уничтожении разницы между городом и деревней.

Весь этот весьма любопытный материал требует, повторяем, специального освещения. Отметим еще только, что нигде мы не нашли попыток осмыслить значение этих процессов для положения крестьянства по ту сторону границы. Впрочем это молчание понятно. Слишком страшные перспективы открывает победа социализма в деревне.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ

1. Почему коллективизация сельского хозяйства вызывает удивление, даже потрясение среди наших врагов?
2. Что говорит журнал «Экономист» о колхозном движении в СССР?
3. Напишите ряд тезисов на темы:

а) «Как отразится на положении Советского Союза реорганизация сельского хозяйства».

б) «Каким образом коллективизация и индустриализация деревни устранят противоречия между городом и деревней».

НАША ПЯТИЛЕТКА — ДИНАМИТ, ВЗРЫВАЮЩИЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР.

Стих. Н. Асеева.

...Не оклевещешь сплетнею
Программу
Пятилетнюю.
Буржую спину
Огонь прижег:

[1] *Проблема* — сложный вопрос, подлежащий разрешению в какой-либо области знания.

Его удивляет
Наш «Прыжок».
От наших темпов,
Наших игол
Весь мир
В его глазах запрыгал.
Все это хорошо
Уж тем —
Что,
Значит,
Остр советский темп!
Видя столько
Крупных перемен,
Мысль европейская
Змейкой вьется:
«Большевистский
Эксперимент [1],
Кажется,
— Караул! —
Удается!»

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ

1. Что поразило европейских буржуа?
2. Отчего готовы они кричать «караул»?
3. О каком моменте советского строительства говорится в стихотворении?
4. Изложите в виде кратких заметок основные моменты «большевистского эксперимента».
5. Приведите примеры «советских темпов».

ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ — ЕГО УНИЧТОЖАЮТ.

Статья М. Горького.

Организованная учением Маркса и Ленина энергия передовых отрядов рабочих и крестьян ведет за собою массу трудового народа Союза советов к цели, смысл которой выражается в трех простых словах: создать новый мир. В Союзе советов даже дети-пионеры понимают, что для создания нового мира, новых условий жизни необходимо: сделать невозможным скопление в руках и карманах единиц огромных богатств, которые всюду выжимаются и всегда выжимались из крови и пота рабочих, крестьян; уничтожить деление людей на классы, уничтожить всякую возможность эксплоатации меньшинством трудовой и творческой

[1] *Эксперимент* — опыт, испытание.

энергии большинства; разоблачить ядовитую ложь религиозных и национальных предрассудков, которые разъединяют людей, делая их непонятными, чужими друг другу; вытравить из жизни трудящихся все воспитанные вековым рабством дикие и грязные бытовые навыки, уничтожить все, что, затрудняя в трудовом народе рост сознания единства его жизненных интересов, позволяет капиталистам создавать человеческие бойни, посылая миллионы трудящихся на войны друг против друга — на войны, основная цель которых всегда одна: укрепление права капиталистов на грабеж, укрепление их бессмысленной жажды наживы, их власти над трудящимися.

В конечном счете это значит: создать для всех людей и для каждой единицы свободные условия развития своих сил и способностей, создать равную для всех возможность достижения той высоты, до которой поднимаются, излишне затрачивая множество энергии, только исключительные так называемые «великие люди».

Рабочий класс Союза советов, идя впереди пролетариев всех стран, прекрасно утверждает новую действительность. Он поставил перед собой грандиозную задачу, и его концентрированная сосредоточенная энергия успешно разрешает ее. Трудности решения — огромны, но когда хочешь — можешь! За 13 лет своей диктатуры рабочий класс, почти безоружный, разутый, раздетый, голодный, вышвырнул из своей страны богато вооруженные капиталистами Европы белые армии, вышвырнул войска интервентов.

Только героическое мужество рабочих и партии может создавать при всех данных отрицательных условиях такие подвиги, как, например, то, что по плану на 1929/30 г. рабочие должны были поднять промышленность на 22%, а подняли на 25%; колхозы должны были дать 20 миллионов гектаров, а мы имеем уже 36! Вместе с тем, затрачивая силы свои на строительство индустрии, руководя реорганизацией деревни, рабочий класс и крестьянство непрерывно выделяют из массы своей сотни даровитых выдвиженцев, ударников, рабкоров, писателей, изобретателей.

Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями — против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается — его истребляют.

Извне против творческой работы Союза советов — европейский капитал. Он тоже отжил свой срок и обречен на гибель. Но

он все еще хочет и все еще имеет силы сопротивляться неизбежному. Он связан с теми предателями, которые вредительствуют внутри Союза, и они, в меру своей подлости, помогают его намерениям разбойника.

Мы живем в условиях непрерывной войны со всей буржуазией мира. Это обязывает рабочий класс деятельно готовиться к самообороне, к защите своей исторической роли, к защите всего, что уже создано им для себя и в поучение пролетариям всех стран в течение 13 лет героической самозабвенной работы строительства нового мира.

Рабочий класс и крестьянство должны вооружиться, помня, что уже один раз могучая сила Красной армии победоносно выдержала натиск мирового капитализма, будучи безоружной, голодной, разутой, раздетой и руководимой своими товарищами, не очень знакомыми с хитростью военных действий. Теперь у нас есть Красная армия, армия бойцов, каждый из которых хорошо знает, что он будет драться.

И если, окончательно обезумев от страха перед неизбежным будущим, капиталисты Европы все-таки дерзнут послать против нас своих рабочих и крестьян, необходимо, чтобы их встретил такой удар словом и делом по глупым головам, который превратился бы в последний удар по башке капиталистов и сбросил их в могилу, вполне своевременно вырытую для них историей.

Наша политика есть политика мира. Эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами.

Ни одной пяди чужой земли мы не хотим, но своей земли ни одного вершка не отдадим никому. *Сталин.*

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ

1. Перечислите условия, необходимые для создания нового человека.
2. Какие трудности стоят сейчас на пути рабочего класса в Советском Союзе? Что необходимо еще преодолеть?
3. Сравните наши достижения в области промышленности и коллективизации сельского хозяйства в 1929/30 г. (указание найдете в прочитанной статье) с тем, что имеется в настоящее время (сведения получите на уроках обществоведения или найдите сами в контрольных цифрах Госплана, отчетных докладах, в газетах).
4. К чему обязывает рабочий класс международная обстановка? Расскажите о мероприятиях советской власти в области обороны страны.
5. Если наши враги отважутся напасть на Советский Союз, какой отпор даст им пролетариат? (Прочтите последние строки статьи.)
6. Составьте коллективное письмо на тему: «Наш ответ вредителям».
7. Какие цели и задачи ставила контрреволюционная организация — «Промышленная партия»? Дайте обстоятельный ответ.

К БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ!

Стих. А. Жарова.

«Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады,
Товарищи, мы в огненном кольце».

Демьян Бедный.

Пятилетка,
Это — пять ударов,
Пять ударов
По земному шару...
Если ж пять
Объединить в четыре,
Что на это
Скажут в старом мире?..
Вы думаете, —
Это очень сладко
Им, крепко оседлавшим
старый свет,
Смотреть
На историческую схватку,
К которой мы идем
Путем побед?
Когда мы
На колхозных баррикадах
Сражаемся
За лучшую судьбу, —
Вы думаете, —
Не смертельным ядом
Для них рисуем мы
Свою борьбу?..
Когда мы говорим:
«На стройке штурм утроить», —
Они мечтают:
Как бы нас... назад...
Вы думаете,
Наши Днепрострои
Им смертным приговором
Не звучат?

От них ли ждать
Привета и пощады?
Не по плечам нам
Будет эта честь...
Кишат
Цивилизованные гады,
С растущей злобою
Готовя месть.
Они горят
В огне противоречий,
Кострами кризисов
Их озарен закат.
В безумной ярости —
Военной сечей
Права на жизнь
Они вернуть хотят...
Оружье
В передышке не притупим!
Нам хорошо знаком
Бандитский нрав.
Мы никакой ценою не уступим
Своих, рабочих,
С бою взятых прав!
Мы примем бой,
Последнюю расплату
По счету
Уходящей в вечность мгле...
За нас — века.
И с нами — каждый атом
Труда,
Рассеянного по земле...
Мы знамени победы не уроним,
Ему сиять
У мировых высот!..
Давайте же, готовясь к обороне,
Крепить посты:
И армию, и флот!
В фортах строительства,
готовясь к бою,
Усилим бдительность...
Передовых — в дозор!
Мы выметем
Чекистскою метлою

Вредительско-шпионский сор!
Дисциплинируем
Свои грудные клетки:
Пусть бьют сердца,
Готовностью горя...
И будет
Дело нашей пятилетки
Делом
Мирового Октября!

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ

1. Объясните смысл вопроса: «вы думаете наши Днепрострои им смертным приговором не звучат?» Сопоставьте эти слова с заключительными строками стихотворения. Сделайте вывод.

2. Почему успехи пятилетки заставляют Советский Союз строиться в боевую готовность? При подготовке к ответу обратите внимание на стихи: «Если ж пять объединить в четыре, что на это скажут в старом мире?»

3. Поэт в стихотворении употребляет противопоставление: мы — они. В чем заключается разница между «нами» и «ими?»

4. Перечислите мероприятия, необходимые для организации боевой готовности нашего Союза. (Используйте текст прочитанного стихотворения.)

АГЕНТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И «ТОРГПРОМА» ПЕРЕД ПРОЛЕТАРСКИМ СУДОМ.

Отрывок из речи государственного обвинителя тов. Крыленко 4 декабря 1930 г.

Товарищи, два года назад в этом самом зале[1] слушался шахтинский процесс.

Невольно сама собою возникает параллель между этими двумя процессами.

Я бы назвал настоящий процесс по его содержанию, воспроизводством шахтинского процесса на расширенной базе.

В шахтинском процессе мы судили вредителей по углю, по каменноугольной промышленности. Здесь, на скамье подсудимых, сидят люди, руководившие вредительством во всех основных руководящих отраслях промышленности. Там мы имели дело с «черным золотом», правда, с одной из ведущих частей нашей промышленности. Здесь мы не знаем, повторяю, ни одной отрасли промышленности, которой бы ни коснулась вредительская рука.

В этой плоскости, с точки зрения постановки вопроса, об областях, в которых происходило вредительство, мы в праве

[1] В Доме союзов, в Москве.

сказать, что, поскольку здесь идет речь о центральной организации, охватившей руководством все до одной руководящей отрасли промышленности, — этот процесс является воспроизводством шахтинского процесса на расширенной базе.

Возьмите другой момент, характеризующий деятельность подсудимых. В шахтинском процессе мы имели индивидуальные [1] связи отдельных представителей, отдельных рудоуправлений, отдельных угольных предприятий с их бывшими хозяевами. Здесь мы имеем в виде контрагентов вредителей за границей «Торгпром», как объединение всех отраслей промышленности, как объединение, которое охватило все отдельные прослойки, отдельные группки, отдельные группировки бывших собственников национализированных предприятий, и сношения с ними уже теперь получили совершенно иную, точно организованную форму. Это не отдельные индивидуальные связи, здесь — бывший слой всех бывших собственников, объединенных в одну организацию, поставивших себе точные, определенные политические цели, не стремящихся и не думающих уже о концессионной [2] политике, не стремящихся и не думающих о тех или иных формах аренды бывших своих предприятий, не ставящих уже себе целью тот или иной отдельный вредительский акт работы на той или иной шахте или на том или ином заводе, здесь мы имеем объединение класса с определенной политической физиономией, трактующее себя как класс, как самостоятельную политическую силу.

Когда мы разбирали шахтинский процесс и разбирали отдельные связи с заграницей отдельных вредителей шахтинского процесса, мы встречали там имена промышленников иностранцев. Но мы не встречали ни разу во время шахтинского процесса такое положение вещей, когда бы упоминались правящие круги буржуазии, круги, имеющие прямое и непосредственное отношение к правлению государством, имеющие прямое или косвенное, в прошлом или настоящем, то или иное отношение к государственному управлению.

А здесь? Здесь упоминается Пуанкаре, лицо, которое достаточно известно как руководитель французской политики, мало того, как носитель определенной линии во французской политике.

Идея интервенции [3] в шахтинском процессе была. А здесь мы имеем уже не идею интервенции. Мы имеем точный план, причем говорится не только о плане, говорится о сроках, говорится

---

[1] Обособленные.

[2] От слова концессия — передача правительством государственных предприятий в аренду с условием отчисления части прибыли государству.

[3] *Интервенция* — вооруженное вмешательство одного государства во внутренние дела другого.

о точных сроках, говорится о месяцах. Это еще одна сторона, характеризующая и в этой области настоящий процесс как воспроизводство шахтинского дела на расширенной основе.

И наконец, есть еще одна сторона — только известную часть инженерства мы там имели, а тут и товароведы, и экономисты Госплана, и бухгалтера, и архитекторы, одним словом, выходцы из всех подгрупп технической интеллигенции.

Общий итог будет сводиться к следующему: мы имеем за истекшие 2 года углубление вредительской работы в смысле, во-первых, централизации всей вредительской работы во всех областях в одном руководящем центре.

Мы имеем в дальнейшем объединение этой вредительской организации, блок ее с другими контрреволюционными организациями; мы имеем соответственно за границей объединение равным образом всех контрреволюционных групп, ранее боровшихся между собою в области политических программ и тактических установок. Мы имеем углубление и расширение методов вредительской работы, принявшей плановый характер в целом и вместе с тем принявшей специальное направление на определенные конкретные цели — помощи интервенции. И наконец мы имеем интервенцию, перешедшую из области общих предположений и разговоров в область конкретной постановки, как конкретной задачи, с планом и сроком и с обсуждением этих сроков, с распределением обязанностей и распределением ролей.

Вот то, что мы имеем сейчас.

Как бы мы могли это охарактеризовать.

Я думаю, что не ошибусь, если охарактеризую это положение как объединение всех контрреволюционных сил для того, чтобы вооруженной рукой добиться своей основной цели — уничтожения Советского Союза.

Наша политика была, осталась и будет политикой мира. Наша политика была и осталась политикой социалистического переустройства экономики нашей страны. Наша политика была и осталась политикой строительства социализма, социализма, который является руководящей идеей для нас. Об авантюристических[1] наскоках с нашей стороны говорить смешно. Эту политику мира мы сейчас продолжаем и будем продолжать, что бы ни говорили, как это говорит в своей статье Пуанкаре, что мы-де готовим войну, и где он требует, чтобы мы не мешали им, не вмешивались в их дела, «подобно тому как Франция не вмешивается в наши». О, нет! Мы в их дела, «подобно тому как

---

[1] *Авантюристический* — рассчитанный на приключение, на «авось».

они вмешиваются в наши», не вмешиваемся. Мы т а к и х п р и е м о в в нашей борьбе не употребляли, не употребляем и не будем употреблять.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ

1. Опишите исключительную, необычайную обстановку, среди которой протекал процесс «Промышленной партии».
2. В чем по словам государственного обвинителя т. Крыленко заключается сущность процесса «Промышленной партии». Укажите черты сходства и различия между шахтинским делом и процессом «Промышленной партии».
3. Объясните смысл следующих слов т. Крыленко: «Мы в их дела, подобно тому как они вмешиваются в наши, не вмешиваемся». Докажите правильность этих выводов.
4. Почему, несмотря на вредительство «Промпартии», пятилетний план строительства все-таки успешно выполняется? Какие формы и методы работы способствовали и помогают в настоящее время выполнять промфинплан?
5. Вскройте смысл следующих слов т. Сталина, сказанных им на XVI партсъезде: «Интервенция есть палка о двух концах».
6. Если бы была осуществлена интервенция, что она принесла бы рабочему классу и крестьянству?
7. Напишите докладную записку в виде тезисов на тему: «В ответ на вредительство и интервенцию — укрепим обороноспособность СССР».

ПОБЕЖДЕННЫЕ ЛЬДЫ.

Очерк Скайфа.

Балтийское море. Март 1930 года. Месяц, когда на кораблях в разгаре ремонт и корабли больше похожи на мастерские, чем на боевые суда, когда они стоят в гавани с разобранными машинами и механизмами, и краснофлотцы превращаются в слесарей и токарей.

И вдруг приказ:

— Линейному кораблю «Октябрьская революция» изготовиться к походу.

Изготовиться к походу... зимой... Плавать во льдах.

И вспомнили моряки единственный в истории флотов мира ледовый поход военных кораблей. Вспомнили героический переход Красного Балтфлота из Гельсингфорса в Кронштадт сквозь крепкие льды Финского залива в марте 1918 года, когда было спасено для Страны советов около двухсот военных и торговых кораблей.

То, что было возможно в тяжелом 1918 году, не должно страшить моряков в 1930 году.

Тогда было отступление перед сильнейшим врагом, отступление почетное, удивившее весь мир. Сейчас поход имел другую задачу — проверить готовность корабля и дать личному составу практику боевой работы во льдах.

Боевая практика флота не должна ослабевать зимой.

Флот должен быть в полной боевой готовности круглый год.

Флот должен уметь плавать во льдах так же легко, как и на чистой воде.

Ведь всего в нескольких часах плавания от Кронштадта — свободная от льда вода, по которой зимой как и летом может притти враг.

Не ясно ли, что победить льды — боевая задача Балтфлота!

Срок для подготовки к походу дан очень жесткий. Красно-флотцы нажали и справились вдвое быстрее. «Ремонтные мастерские» быстро превратились в боевые башни, казематы, кочегарки и машины, готовые развить мощность в десятки тысяч лошадиных сил.

Представляете себе, что значит приготовить к походу линкор?

Это значит пересмотреть и проверить, а кое-где и исправить машины и механизмы, сила которых равна мощности Волховской гидроэлектрической станции.

Это значит сверху донизу прощупать стальной гигант, вес которого превышает 25 000 тонн, проверить орудия, из которых каждое равно весу солидного паровоза.

Это значит заставить работать стройно и точно, как хронометр Пулковской обсерватории, все хитросплетения рычагов, шестеренок и шатунов, заставить работать машины, которые несколько часов назад были наполовину разобраны, рационально расставить по местам население немалого районного города. Это значит развить сверхударные темпы.

И эти темпы были развиты, и корабль точно в срок поднял якоря. И там, где несколько минут назад еще стоял дневальный под кормой корабля, заметались разбиваемые потоками взбудораженной винтами воды крепкие льдины.

Неуверенные первые шаги линкора. Как только что начавший ходить ребенок осторожно ступал он по следам шедшего впереди ледокола «Ермака».

Однако скоро линкор освоился с непривычным видом морской глади. Он увеличил ход и, оставив ледокол позади, сам стал пробивать себе путь во льдах.

Торосы [1] становились все крепче. Линкор двигался вперед, но лед наступал и карабкался по бортам, громоздясь вокруг корабля в причудливые, изломанные горы.

Хрипло и протяжно, как голос ревущего быка, огласил ледовую толщу гудок линкора. Весело прокричал «Ермак» [2] и плавно, будто скользящий по льду конькобежец, прошел

[1] Массы ледяных глыб.
[2] Ледокол.

мимо линкора, как бы не замечая, что подминает под себя тонны льда...

Боевая тревога. Первая в истории Красного флота зимняя боевая тревога в море.

Перекличка орудий заставляла вздрагивать весь корпус корабля. Перекличка громовая и длительная, которая показала, что мы стреляем и работаем так, как могли раньше только после длительной зимней учобы, только к началу летней кампании.

... И снова на борьбу со льдами, льдами еще более крепкими.

Жестокая борьба стихии и техники.

Последний этап борьбы со льдинами был наиболее тяжелым. Было такое положение, при каком малодушные складывают оружие и расписываются в своей беспомощности. Но мы — моряки Красного флота. Мы не привыкли отступать перед трудностями.

Мы пробивались вперед, сантиметр за сантиметром, приближаясь к конечной цели похода — чистой воде.

И победа была за нами. К ночи первого дня похода линкор вырвался на чистую воду. Теперь уже ничто не сдерживало корабля, и он в течение ночи на полном ходу рассекал по-летнему говорливые волны.

Обратный путь был триумфальным шествием корабля — льды расступались перед линкором.

Теперь Красный флот ставит себе новую задачу — к будущей зиме добиться такого положения, чтобы во льдах плавал уже не один корабль, а несколько, чтобы перейти к плаванию круглый год. Приказ о выходе в море зимой скоро краснофлотцам будет казаться столь же простым, как сигнал об обеде.

А это значит, что мощь морского стража западной границы Советского Союза растет.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ.

1. Опишите подготовительную работу, которую должен был проделать линкор перед выходом в открытое море. Предварительно прочтите соответствующие места очерка. С какими трудностями пришлось столкнуться команде при снаряжении в зимний поход? Учтите сообщение автора: «Срок дан жесткий. Краснофлотцы нажали и справились вдвое быстрее».

2. Дайте оценку поступков и настроения моряков. Обратите внимание на слова рассказчика: «Было такое положение, при котором малодушные складывают оружие и расписываются в своей беспомощности. Но мы — моряки Красного флота. Мы не привыкли отступать перед трудностями».

3. Истолкуйте выражение автора: «Зимний поход корабля, это — жестокая борьба стихии и техники».

4. Определите значение морского флота в деле обороны границ СССР.

5. Припомните слова В. И. Ленина: «Взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы продолжать беспрерывно. В то же время, товарищи, будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной армии, как зеницу ока».

Приведите факты, которые подтвердили бы, что наше правительство руководится ленинской политикой мира, но в случае нападения на наш Союз мы сможем нанести врагу удар, который будет для буржуазии смертельным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3
От методредакторов 6

Пятилетка в промышленности 9

Перегоняем дни. *Стих. С. Кирсанова.* 13
О тех, кто строил. *Очерк Б. Галина.* 14
Мы — Робинзоны. *Очерк Ф. Толстоевского.* 16
Перекличка гудков. *Стих. В. Лебедева-Кумача.* 19
Покорение Днепра. *Очерк К. Большакова.* 21
Песнь о металле. *Стих. А. Жарова.* 26
Дороже золота. *Из очерка М. Горького «По Союзу советов».* 27
На стройке смотри в оба. *Отрывок из романа Дараджиева «Через отмели».* 29
В гвардию пятилетки — только стойких. *Стих. А. Безыменского.* . 34
От горячих мартенов. *Из повести Шведова «Гвозди»* 35
Мы дойдем. *Отрывок из очерка И. Жига «Новый рабочий».* 39
Что я видел. *Очерк А. Серафимовича* 46
Комсомольская ударная бригада. *Отрывок из пьесы А. Безыменского «Выстрел»* 50
Токарь Алексеев. *А. Зорич.* 62
Подарок. *В. Ардатова.* 66
Товарищ Самолетов. *Рассказ Г. Никифорова* 70
Перековка человеческого материала. *Из очерка Е. Микулиной «На стройке окраин»* 73
Нужны рабочие кадры. *Отрывок из повести Я. Коласа.* 75
Борьба двух миров. *Отрывок из статьи К. Радека* 78
Ответственный. *Рассказ Охроменко* 84
Женщина на страже пятилетки. *Отрывок из произв. А. Поповского «Анна Калымова».* 87
Рабочий-изобретатель. *Отрывок из рассказа А. Свирского «Стальное сердце».* 92
К станку, товарищи! *Стих. И. Уткина.* 96
Мы строим социализм. *Отрывок из романа Ф. Гладкова «Цемент».* . . 97

Пятилетка в сельском хозяйстве 101

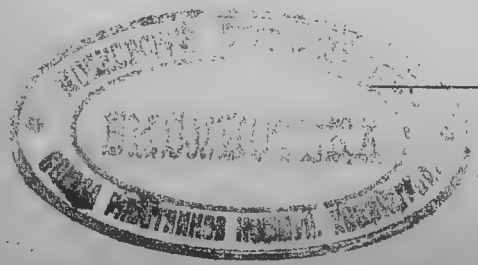
Новая земля. *Из повести Ф. Гладкова «Два мира».* 105
Два лагеря. *Из рассказа Брусиловского «Батя»* 114

Стр.

Война за хлеб. *Очерк Е. Микулиной* 118
За урожай *А. Жарова.* 122
Межи под ножами тракторов. *Из произв. С. Малашкина «Поход колонн»* 123
Человек. *Рассказ М. Горького* 127
Бабий бунт. *Рассказ Третьякова* 130
Вот он кулак. *Очерк Г. Тарпана* 135
Станица. *Отрывки из очерков В. Ставского* 137
Товарищ Митрофанов. *Рассказ В. Шишкова* 141
Встреча. *Стих. Е. Березницкого* 148
Голубок. *Очерк Е. Овалова* 150
Организация артели. *Из рассказа Замойского «Левин дол».* 153
Сеженская коммуна. *Очерк В. Дубровина* 157
Петр Дьяков. *Стих. И. Молчанова* 161
Жатва в коммуне. *Из очерка М. Артамонова* 164
Трактор победил. *Отрывок из романа Панферова «Бруски»* . . . 166
Электрические затеи. *Из очерка Б. Кушнера* 170
Что делать будем? *В. Каменского* 172
Деревня. *Рассказ В. Арамилева* 175

Пятилетка в культурном строительстве 182

О местном попе, гражданине Иване Алексеевиче Лукине. *Стих. Д. Бедного* 186
Хомут. *Из повести Н. Ляшко «Доменная печь»* 188
Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру. *Стих. В. Маяковского* 192
Комсомольская коммуна. *Из произведения Горбатова «Ячейка».* . . 194
Будни рабочей слободки. *Очерк Степанова* 200
Почин. *Из произв. Н. Ляшко «Доменная печь»* 203
Фабрика-кухня. *Очерк Е. Бермонт* 205
Новь. *Из романа М. Карпова* 207
Вечер в маленькой комнатке. *Очерк И. Жига.* 215
Радио в деревне. *Из произв. Доронина «Земля подшефная»* . . . 217
Социалистический город 219
Приложение 224
Наши враги о пятилетке. *Из очерка А. Тивеля* . . . . . —
Наша пятилетка — динамит, взрывающий капиталистический мир. *Стих. Н. Асеева* 227
Если враг не сдается — его уничтожают. *М. Горького* 228
К боевой готовности. *Стих. А. Жарова.* 231
Агенты французского империализма и «Торгпрома» перед пролетарским судом. *Отрывок из речи государственного обвинителя т. Крыленко 4 декабря 1930 г.* 233
По ежденные льды. *Очерк Скайфа.* 236



Госуд. публичная ветеринарная библиотека РСФСР
№ 1973 г.

КНИГУ ШКОЛЕ—

ЗА УТИЛЬСЫРЬЕ

В ЦЕЛЯХ ВОВЛЕЧЕНИЯ В РАБОТУ ПО СБОРУ УТИЛЬСЫРЬЯ ПРОСВЕЩЕНЦЕВ, ШКОЛЬНИКОВ И ВСЕЙ СЕТИ КУЛЬТПРОСВЕТУЧРЕЖДЕНИЙ ОГИЗ*), С РАЗРЕШЕНИЯ НАРКОМФИНА СССР, ВЫПУСТИЛ СПЕЦИАЛЬНЫЕ

КНИЖНЫЕ БОНЫ

ДОСТОИНСТВОМ В 50 КОП., 1 РУБ. И 5 РУБ., ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ УПЛАТЫ ЗА УТИЛЬСЫРЬЕ, СДАВАЕМОЕ ШКОЛАМИ И ДРУГИМИ КУЛЬТПРОСВЕТУЧРЕЖДЕНИЯМИ

ЛЮБУЮ КНИГУ со скидкой 10%

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ (или выписать почтой — пересылка бесплатно) ПО КНИЖНОЙ БОНЕ В ЛЮБОМ МАГАЗИНЕ

КНИГОЦЕНТРА ОГИЗА

УЧИТЕЛЯ
ПИОНЕРЫ
ШКОЛЬНИКИ
КОМСОМОЛЬЦЫ
КУЛЬТАРМЕЙЦЫ

ОРГАНИЗУЙТЕ

СБОР

УТИЛЬСЫРЬЯ В ШКОЛЕ

И СДАВАЙТЕ ЕГО В ОБМЕН НА

КНИЖНЫЕ БОНЫ

*) Книжные боны выпущены с маркой изд-ва „Работник просвещения". В связи с реорганизацией книгоиздательского дела все дела переданы ОГИЗУ для реализации.